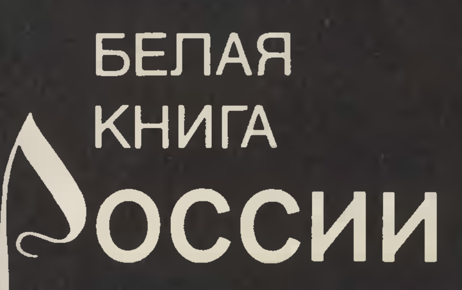

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

П. ПАГАНУЦЦИ

ПРАВДА ОБ УБИЙСТВЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ТОВАРИЩЕСТВО РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

П. ПАГАНУЦЦИ

ПРАВДА ОБ УБИЙСТВЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Историко-
критический
очерк

ТОВАРИЩЕСТВО РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ
Москва, 1992

ББК 63.3(2)71
П 12

Книга переиздана с разрешения Св.-Троицкого монастыря в г. Джорданвилле и при содействии общества «Радонеж»

Пагануцци П. Н.

П 12 Правда об убийстве Царской Семьи. — Переизд. — М., ТРХ, 1992. — 222[2] с.: ил.

ISBN 5-8402-0024-7

Книга профессора П. Пагануцци — наиболее полное и объективное исследование гибели Царской Семьи. В ней использованы и систематизированы все известные факты, касающиеся этой трагической страницы русской истории, приведены ранее недоступные нашему читателю документы из зарубежных архивов.

ББК 63.3(2)71

П $\frac{0503020400}{В82(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-8402-0024-7

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

Между нами — двери и засовы,
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу Тебе высоким словом,
На чужбине я служу — Тебе.

Я сейчас не мил Тебе, не нужен,
И пускай бездомные года
Все петлю затягивают туже —
Ты со мной везде и навсегда.

Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука...
Я через моря, через столетья
Возвращусь к Тебе издалека.

Не спрошу Тебя и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, все Тебе прощу!

(Стихотворение «Родина»
зарубежного поэта
К. Кленовского)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Профессор П. Н. Пагануцци родился в имении Брасово Орловской губернии, принадлежавшем Великому Князю Михаилу Александровичу, а детство свое провел в Москве и на Кавказе.

Семья автора не разделяла политических взглядов русской левой, марксистской интеллигенции и встретила Февральскую и Октябрьскую революции с отвращением.

Как только началась вооруженная борьба против большевиков, отец автора и многочисленные родственники его вступили в ряды Добровольческой Армии на Юге России и в Сибири. В конце 1920 года семья П. Н. Пагануцци ушла в изгнание с армией генерала Врангеля (из Крыма).

Среднее и высшее образование автор получил в Югославии, где и начал свою педагогическую деятельность, а аспирантуру закончил в Северной Америке.

Около 20 лет преподавал проф. Пагануцци в Вермонтском университете, где состоял одно время консультантом по южнославянским языкам и культуре, уйдя на покой в 1978 году со званием заслуженного профессора.

Его перу принадлежит книга о Лермонтове («Автобиографический элемент в творчестве поэта», 1967), как и целый ряд статей и историко-критических очерков. Из них нужно отметить: «Марсельское злодеяние», «Генерал барон П. Н. Врангель, к 100-летию со дня рождения...», «Святейший Патриарх Сербский Варнава», «Два Пушкинских храма», «Высоко-Дечанская Лавра на Косовом Поле» (вышедшая также как небольшая монография) и др.

В течение многих лет П. Н. Пагануцци читал доклады на литературно-исторические темы, а в 1978—1979 годах прочел ряд лекций, посвященных памяти ген. Врангеля, в Монреале, Торонто, Вашингтоне и Лос-Анджелесе.

ОТ АВТОРА

Я хочу выразить признательность моему школьному товарищу Николаю Козякину, основателю и редактору журнала «Перекличка», за то, что он вдохновил меня приступить к этой работе, также моему давнему другу доктору Эдварду Погаснику из Словении за его ценные советы.

Я искренне благодарен профессору Евгению Алферьеву, бывшему декану духовной семинарии Святой Троицы в городе Джорданвилле, штат Нью-Йорк, за предоставленные рукописи, без которых работа над этой книгой не могла быть завершена. Я также благодарю полковника русской Императорской донской казачьей артиллерии Максима Бугураева за его бесценные советы и рекомендации.

Благодарю профессора Вольфганга Мндера, руководителя германо-русского отдела Вермонтского университета, за моральную и материальную поддержку, и доктора Ральфа Свенсона III, помощника декана колледжа аспирантов, за некоторую помощь в создании этого исследования.

И в заключение я хотел бы поблагодарить коллектив Хоугтонской библиотеки Гарвардского университета, бывшего редактора «Русского возрождения» покойного князя Оболенского, бывшего лейтенанта Императорской кавалерии Александра Стасевича, бывшего капитана Императорских ВВС Петра Стефановского за предоставленные ими фотографии.

Царское Село.
3 июня 1913 г.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Император Николай II, Александрович,
родился 19 мая 1868 года

Императрица Александра Федоровна,
родилась 7 июня 1872 года

Наследник Алексей Николаевич,
родился 12 августа 1904 года

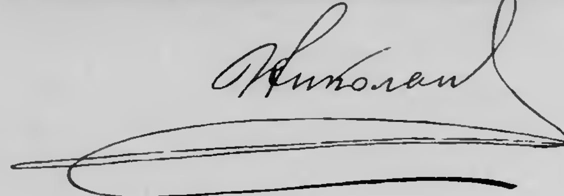
Великая Княжна Ольга Николаевна,
родилась 16 ноября 1895 года

Великая Княжиа Татьяна Николаевна,
родилась 11 июня 1897 года

Великая Княжна Мария Николаевна,
родилась 27 июня 1899 года

Великая Княжна Анастасия Николаевна,
родилась 18 июня 1901 года

Его Императорское Величество
Государь Император
Николай Александрович.

Александра

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
Александра Феодоровна.

ВСТУПЛЕНИЕ

Рожденные в года глухие,
Пути не помним своего,
Мы — дети страшных лет России,
Забыть не в силах ничего.

А. Б.

Екатеринбургской трагедией начал я интересоваться с ранних лет. Моя семья проживала на самом юге Кавказа, когда известие о злодейском убийстве Императора Николая II достигло города Батума, где мы находились. Сам я был тогда еще слишком мал, чтобы обратить внимание на то, как реагировали мои родные и окружающие нас русские люди на это трагическое событие. Позднее, находясь в братской славянской стране, Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославия), монарх которой, король Александр I, приютил у себя десятки тысяч русских изгнанников, в середине 20-х годов моя семья получила книгу Соколова «Убийство Царской Семьи». Как сейчас помню я мою покойную мать, читающую нам вслух повествование Соколова, и нас, детей, затаив дыхание, с содроганием слушающих подробности страшного злодеяния.

С тех пор интерес к судьбе Царской Семьи не покидал меня, и я старался прочесть все, что мог достать. Должен сказать, что на это были и личные причины. Мой покойный дед Иван Николаевич Клинген, крупный ученый и исследователь *, в продолжение долгих лет занимал высокий пост в Удельном Ведомстве, и по делам службы ему изредка случалось бывать с докладами у Государя. С Его же братом, Вел. Князем Михаилом Александровичем, у деда установились довольно близкие отношения. Дело в том, что после брака Вел. Князя с будущей графиней Брасовой его огромное имение в Орловской губернии (теперь Брянская и Орловская области) попало временно под секвестр. По желанию Царя мой дед включил имение в состав Уделов, прожив сам в нем около двух лет. В этом имении, во дворце Вел. Князя, родился и я. (В моей метрике так и значится — место рождения: Брасово.)

Был ли мой дед монархистом, я не знаю. Думаю, что

* Не оставленный без внимания Большой Советской Энциклопедией.

не принадлежал он ни к одной из русских политических партий. Но мне было достоверно известно, что вся наша семья очень переживала убийство Царской Семьи, считая Имп. Николая II, несмотря на все его недостатки и промахи, своим русским Царем, бессмысленно и зверски убитым не только при участии русских людей. Этот факт задевал наше русское достоинство и самолюбие.

Шли годы, и события предвоенных бурь и гроз, страшная Вторая мировая война, немецкая оккупация, жизнь под коммунистами, избавление, скитание по беженским лагерям, устройство заново своей жизни за океаном отодвинули на задний план все остальное. Вернувшись постепенно к академической работе, я получил широкую возможность воспользоваться богатством американских библиотек, архивов и получить много новых важных сведений.

С начала 60-х годов на Западе усилился интерес к судьбе Царской Семьи и появился целый ряд книг с довольно фантастическим содержанием. Что в таких работах поражало — это какая-то острая неприязнь к Романовым, несмотря на весьма дружественную политику и моральную поддержку, которую русские цари оказывали молодой заокеанской республике в ее борьбе за независимость. Ничего подобного я не мог заметить по отношению к Гогенцоллернам и Габсбургам, ведших войны против Соединенных Штатов. Такая неприязнь к Императорской России достигла крайнего парадокса в Первую мировую войну. Американские банки давали займы Англии и Франции при условии, чтобы эти кредиты ни в коем случае не попали их союзнику — России, которая в это время, напрягая все свои силы и истекая кровью, притягивала на своих фронтах более половины Германских, Австро-Венгерских и Турецких армий. Об этом с огорчением вспоминал Александр Солженицын в беседе с британским сотрудником BBC весной 1979 года, подчеркивая, что и до наших дней в Соединенных Штатах существует давняя традиция говорить о национальной России только плохое.

Интересно отметить, что никто из западных исследователей русского происхождения никак не реагировал на упомянутые фантастические работы, объясняя свое нежелание вступать в полемику приблизительно так: стоит ли обращать внимание на всякие выдумки? Лично я с этим подходом не мог согласиться. В 1978 году у меня представилась возможность более свободно располагать своим временем и интенсивней заняться работой. Однако мне недоставало самого важного звена: доступа к просмотру и изучению материала следствия по поводу убийства Царской Семьи, которое велось в Сибири следователями Наметкиным, Сергеевым и Соколовым. По этой причине не удалось приурочить окончание работы к 60-летию

Екатеринбургского злодеяния, о чем я искренне сожалею. Наконец н этот вопрос был решен положительно, и я смог воспользоваться оригинальными материалами «предварительного следствия» в копиях ген. Дитерихса и полк. Роберта Вилтона **. Это обстоятельство дало мне сразу преимущества, которыми не располагали прежние исследователи.

Работа эта не является попыткой реабилитировать Имп. Николая II как человека и государственного деятеля, остановить 60-летний поток ложных обвинений, искусно направляемый большевистским режимом по нужному им руслу. Придет время, и объективные исследователи займутся этим вопросом. Смыв накипь злонамеренной клеветы и грязи, они смогут создать реальный образ последнего русского монарха, объективно осветить эпоху Его царствования, отметить не только промахи и недостатки Имп. Николая II, но и достоинства, которых было у Него немало.

Тем не менее в русском тексте этой работы, в целях восстановления истины, нам придется документально опровергнуть домыслы и злостные выдумки новейших советских авторов, которые по наущению свыше не поскупились на чернила и бумагу, чтобы опять очернить до предела замученную в чекистском застенке Царскую Семью. Мы должны будем коснуться лживой большевистской легенды о сепаратном мире, как и разобраться в советских обвинениях Имп. Николая II и «немки» Государыни в германофильстве и измене.

Верим, что тем или иным способом этот скромный труд проникнет за «железный занавес», в Россию, и лица, прочитавшие его, задумаются над писаниной Касвинова, Пикуля ***, Василевского и им подобных клевретов «родной» партии и Главлита. И если это произойдет, то наша цель будет достигнута.

П. П.

Вермонт, 1980

** По всей вероятности, «копия» полковника Вилтона является вторым, а может быть, и первым оригиналом следственных протоколов.

*** По сообщеиию «Нью-Йорк Таймс» от 11 июля 1980 г., еврейскне активисты в СССР обвинили Валентина Пнкуля в антисемитизме. Его роман «У последней черты» («On the Brink») подвергался несколько раз критике в советской печати «за искажеиие истории». В романе описываются «последние днн дннастии Романовых в когтях заговора еврейских капиталистов-миллиоиеров и Распутина». В июне месяце того же года в московскх магазинах «Березка» кииги Пикуля не было. А иа вопрос покупателя продавщицы загадочно отмалчивались. Пишущему эти строки удалось прочесть выдержки из романа в одном югославском журнале. Автор (Пикуль) постарался до предела опорочить доброе имя Государыни.

*Кровь замученных,
расстрелянных, удушенных,
от голода и холода
погибших, стон Русской
земли слышится мне,
стоящему у престола
Божьего...*

Свящ. о. Дмитрий Дудко

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Цареубийство для какой бы то ни было цели всегда народу кажется преступлением.

Декабрист Рылеев

За истекшие шестьдесят с лишним лет своего существования кровавый большевистский режим и его руководители совершили неисчислимое количество злодеяиий над русскими людьми и народами бывшей Российской Империи. Уже в 1924 г. известный русский историк и народный социалист С. П. Мельгунов создал свой жуткий синодик жертв в виде забытой книги «Красный террор в России», которая по содержанию фактов может легко затмить леденящие страницы «Архипелага Гулага». В предисловии ко второму изданию автор писал следующее:

«Если вдуматься в описание ниже, то правда же можно сойти с ума».

И среди бесчисленных злодеяний красных изуверов едва ли не одним из самых страшных и мрачных преступлений является убийство Царской Семьи 17 июля 1918 г. в городе Екатеринбурге на Урале.

«Эту потаенную и кошмарную расправу с Царской Семьей и с близкими ей людьми могли совершить лишь те, кто в момент своего действия потерял человеческий облик», — писал Мельгунов. А известный литературный критик и поэт Георгий Адамович «день 17 июля 1918 года» назвал «одним из самых темных, самых бесчеловечных», выражая надежду, что настанет то время, когда в России открыто признают грех цареубийства, и «если этого дня никогда не будет, лучше бы не быть русским»!

И в этом, долго подготовлявшемся темными сила-

ми внешних и внутренних врагов России преступлении добрую долю ответственности несет и русский народ, который, по выражению П. Н. Врангеля, «великое слово «свобода» заменил произволом, а полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство», дав полную возможность темным силам совершить свое мрачное преступление.

Сибирская Добровольческая Армия и чехи опоздали только на несколько дней, чтобы занять город и освободить Царственных Узников, хотя, по сообщению большевистского командования, белые обнажили другие участки фронта и, бросив на Екатеринбург значительные силы, без остановки гнали красных. Уже за несколько дней до убийства в городе слышалась артиллерийская канонада, и большевики бежали из Екатеринбурга в панике. Белые имели определенное намерение освободить Царскую Семью, которая, соответственно донесениям разведки, находилась еще в Тобольске. Поэтому острие удара Добровольческих сил сначала было направлено по направлению Тобольска, который пал 3 июня. Но большевики опередили белых: уже 7(20) мая Родионов увез из Тобольска Царевича Алексея и Великих Княжон.

Генерал Дитерихс, командующий Западным фронтом, приказал немедленно начать следствие, на основе которого, волей адмирала Колчака, была образована специальная следственная комиссия. Ее возглавил после смены тормозивших следствие Наметкина и Сергеева опытнейший следователь по особо важным делам Н. А. Соколов, точно, до мельчайших подробностей, установивший детали преступления, назвав всех его исполнителей. Огромное дело Соколова — Царское дело, обозначенное на папках протокола «Предварительное следствие, произведенное Судебным Следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым по делу об убийстве...», удалось доставить в Западную Европу. Одну из копий (или один из оригиналов) вывез с собой известный английский журналист, долго проживавший в России, по фамилии Роберт Вилтон. С Белыми прибыл он в Екатеринбург, принимал участие в расследовании по просьбе адмирала Колчака, заведовал фотолабораторией, делавшей снимки, и покинул город в последний момент. В 1920 году была издана его книга «The

Last Days of the Romanovs»[1], которая является в настоящее время почти что библиографической редкостью. Во многих деталях, фактах и часто радикальных заключениях Вилтон пошел дальше Соколова, а поэтому его работа, с известными оговорками, имеет первостепенную важность в изучении Екатеринбургской трагедии. Свидетельства Вилтона, как и следственную работу Соколова на первом месте, пытались и пытаются оспорить авторы некоторых поверхностных работ, о чем будет сказано позднее.

Н. А. Соколов при эвакуации из Сибири обратился к Английскому Правительству через Британского консула, прося помощи в вывозе следственного материала и всех Царских реликвий, найденных среди пепла на месте уничтожения следов преступления, но получил решительный отказ. Тогда он вступил в связь с командующим Французским Экспедиционным корпусом генералом Жаненом и получил полную его поддержку. Копия для генерала Дитерихса была отпечатана, по всей вороятности, в вагоне его поезда, когда он находился в движении между Читой и Верхне-Удииском[2].

На основании законченного следствия в Сибири и допроса, уже за границей, многочисленных свидетелей, вершителей судеб России в дни смуты (князь Львов, Керенский, Гучков, Милюков, Набоков, Бурцев, Юсупов, Маклаков, Кривошеин, Трепов и др.), Соколов приступил к работе над своей книгой.

---

[1] Книгу эту рекомендуют авторы воспоминаний Сидиея Гиббса, преподавателя английского языка Царевича и Великих Княжон.

[2] Экземпляр, принадлежавший полкови. Вилтону, хранится теперь в специальиой библиотеке Гарвардского университета, Кембридж—Бостои. Очень важен факт существования копии генер. Дитерихса. Сверяя ее с — иазовем — оригиналом Вилтоиа, можно устаиовить полную картину Сибирского следствии. Этим аниулируется догадка авторов «Досье Царя», что Соколов в своем экземпляре выпустил сведения, идущие вразрез с его целью. Западные критики Соколова, ставя ему «всякое лыко в строку», очевидио, ие сознают, что его кннга не является точиой копией Сибирского следствия. Создавая ее для широкой читательской публики, Соколов, вероятио, не предполагал, что иайдутся лица, которые попытаются оспорить содержание его книги и поставить под вопрос методы его работы. А поэтому ои опустил иекоторые свидетельства, подтверждающие безусловно его заключеиия (иапример, показание прокурора Шамарина), как и ие придал зиачения ряду иаивно-фаитастических заявлеиий-рассказов в форме разных сплетен.

В 1922 г. он сообщал генералу Дитерихсу: «В чрезвычайно трудной и крайне сложной обстановке основная работа в Европе кончена... Ввиду того, что следствие имеет в основе своей правовое начало, соответственное всем культурным народам, я ни у кого в Европе не встретил отказа подвергнуться чисто формальному допросу, когда я это считал нужным».

Однако неожиданно для себя Соколов не встретил сочувствия к своей следовательской работе со стороны некоторых уцелевших членов Дома Романовых и известного числа русских видных эмигрантов. Такому отношению к Соколову частично способствовали разные слухи, распространяемые против него большевистскими шпионами во Францни и Германии. Вообще же энергичный следователь еще в Сибири навлек на себя «гнев» и внимание чекистских агентов. Осенью 1919 г., когда Соколов, покинув Екатеринбург, постепенно перебрался в Читу, то там поползли слухи, что он старый революционер, чуть ли не автор пресловутого приказа номер 1, что он умышленно старается доказать убийство Государя и всей Его Семьи. И этим слухам, искусно распространяемым большевистской агентурой, начали верить даже и в стане Белых!

В своих письмах к генералам Лохвицкому и Дитерихсу Соколов жаловался на желание некоторых кругов сохранить как можно дольше миф о спасении Царской Семьи[3]:

«Н. Н.[4] не принял ни меня, ни Жанена. Жанену было указано, что он должен передать все Гирсу... Гирс посол в Риме, друг Львова и К°., т. е. тех людей, которые по заранее существовавшему плану учнили арест Государя, обусловив тем самым его убийство. Пытался достичь большего через Копенгаген, но там отношение было худшее».

Отказавшись принять Соколова, вдовствующая Императрица и далее лелеяла мечту о спасении Государя. После манифеста Великого Князя Кирилла Владимировича, в 1924 г., Мария Феодоровна послала письмо Вел. Князю Николаю Николаевичу, прося обнародовать, кроме остального, и следующее:

[3] Это нежелание призиавать гибель Царской Семьи дало возможность появиться разным самозванцам.

[4] Вел. Киязь Николай Николаевич.

«До сих пор нет точных известий о судьбе моих возлюбленных сыновей и внука».

Соколов обвинял Вел. Княгиню Ольгу Александровну[5] в том, что она стояла в центре версии, «что они живы... Мало того. При участии генерала Гурко знаменитая M-me Тралье, близкая Соловьеву, обвиняет меня в подлогах», — писал он.

Несмотря на все трудности и препятствия, Соколов довел свою титаническую работу до конца. Но судьба его была жестока: ему не пришлось увидеть выхода в свет своей книги. Неожиданная смерть при загадочных обстоятельствах унесла Соколова в могилу[6].

«Похоронили Николая Алексеевича на кладбище в Сальбри. На похоронах был почти весь город с мэром во главе. Когда после погребения русские друзья Н. А. Соколова благодарили мэра за внимание к их соотечественнику, мэр ответил, что они, французы, пришли отдать последний долг представителю той России, которая была их верной союзницей и другом...»

Над скромной могилой Соколова на французском кладбище поставлен крест, на котором написано:

«Правда Твоя — Правда вовеки»,

и Этой правды никогда и никому не удастся замарать.

В 1922 г. Соколов послал письмо генералу Лохвицкому, в котором, кроме остального, писал следующее:

«Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане), причем самым первым из них по времени погиб Вел. Кн. Михаил Александрович. За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии. Вопрос о жизни и смерти членов Дома Романовых был, конечно, решен до смерти тех, кто погиб на территории России».

Так как убийство Царской Семьи было прямым последствием Февральской и Октябрьской революций, то нас, естественно, интересует вопрос: кто же

---

[5] Сестра Государя, художница, скончавшаяся в Торонто (Канада) в 1960 году.

[6] Соколова нашли мертвым в саду его дома. А. С. Нарышкина, покинувшая вместе с Соколовыми Сибирь и жившая во Франции неподалеку от них, сообщила нам эту версию.

сыграл закулисную и открытую роль в разрушении Империи, кроме главного участника: самого русского народа, в лице, главным образом, части его интеллигенции? Многие русские и западные историки и исследователи пытались и пытаются до сих пор выяснить объективные причины русской смуты. Интересна по этому вопросу работа Ричарда Пайпса «П. Б. Струве о русской революции», отрывки которой были напечатаны в № 126 «Вестника русского христианского движения». Русское толкование революции распадается на две широкие школы. По взглядам левых — Россия до 1917 г. имела феодальный строй, давно отживший и давно подточенный возникновением новых экономических и общественных сил, что и послужило причиной переворота. Этой точки зрения придерживался и историк П. Н. Милюков, вождь оппозиции в Думе, министр иностранных дел Временного Правительства, ставший в 1920-х годах ведущим глашатаем социалистических и левых либеральных кругов русской эмиграции. Разъезжая в 1921 г. с серией докладов по Соединенным Штатам и осуждая большевистскую революцию, Милюков тем не менее призывал «не проглядеть конструктивных процессов революции».

Можно ли со взглядами левых и Милюкова согласиться и в наши дни признать «конструктивность процессов» большевистской революции? Нам также не дают объяснения: почему же после отречения Государя, приняв бразды правления, левое либеральное правительство не удержалось у власти, хотя имело на это много шансов? Профессор Струве считал главным виновником захвата власти большевиками премьера Керенского, проявившего крайнее малодушие и величайшую политическую глупость, обвинив генерала Корнилова в измене, вместо того чтобы объединиться с ним и идти вместе против большевиков.

Когда началась вооруженная борьба против большевиков, то почти что все лидеры левых, небольшевистских партий стали в оппозицию против Белого Движения. Поведение Милюкова было странным и двойственным, как и была двойственной вся его политическая деятельность. Одним из первых в Думе он сделал лживый намек по поводу Государыни. После отречения Имп. Николая II Милюков уговаривал

Вел. Князя Михаила Александровича не отказываться от престола. Бежав после большевистского переворота в Киев, под защиту ненавидимых им немецких штыков, он начал хлопотать о реставрации монархии при помощи Германии. Обосновавшись в Париже, Милюков повел злостную кампанию против генерала Врангеля, который в это время напрягал все силы «одной губернии» (т. е. Крыма) против 49 «красных губерний» (остальная Россия) с целью укрепиться, отсидеться и, дождавшись благоприятных условий, перейти снова в наступление [7]. Теперь нам известна причина Милюковской кампании против вождей Белого Движения и, в частности, против ген. Врангеля: он сам хотел создать в Париже представительство национальной России.

Правые (консерваторы) отвергали ложную, с их точки зрения, аналогию русской революции с французской. Они считали русскую революцию безусловно катастрофой, полным развалом организованной жизни страны, главным образом по виие иностранных держав, в частности Германии, и некоторых этнических меньшинств [8]. События 1917 г. сравнивали они с эпохой Смутного Времени в XVII веке. Теперь, как и тогда, иностранные державы стремились расчленить Россию. В 1600-х годах это были поляки, теперь расчленителями являлись немцы, с чем проф. Струве соглашался. Время показало, кто был прав — левые или правые.

Уже задолго до начала войны 1914 года кайзер Вильгельм и его правительство, усиленно готовясь к завоеванию славянских земель для расширения необходимого жизнеиного простора («der Drang nach Osten»), наводнили Россию своими агентами, которые вербовались среди русских немцев, русских ренегатов и среди коренных жителей Германии, посылаемых в Россию на продолжительное пребывание [9]. «Распу-

[7] И иадо сказать, что были у геиерала Врангеля шансы более значительные, чем у Чаи-Кай-ши на Формозе, поддержи его лишь Союзиики боеприпасами, тяжелым оружием (танки, против которых тогда ие было защиты) и Британским флотом. И не выдержали бы большевики еще года граждаиской войны.

[8] Пайпс называет евреев, латышей, украинцев. Обвинения против двух первых этнических меньшинств в широкой поддержке революции хорошо известиы. Но откуда Пайпс взял украинцев, трудно понить.

[9] Предполагают, что беспорядки, вспыхнувшие в Петербурге перед иачалом войны, были оргаиизованы немецкими агента-

тин был в России центром немецкой агентуры. В последние годы его жизни он являлся орудием в руках организации, носившей именование зеленых. Ее центром был Стокгольм. Организация эта умышленно толкала волю Распутина во все главные акты верховной власти. Путем пропаганды она же сама подчеркивала эти факты в России и за границей, дискредитируя власть монарха», — писал Соколов генералу Дитерихсу.

Своим расследованием, как и показаниями многочисленных свидетелей-современников (князь Юсупов, полковник Р., следивший за Распутиным по приказанию ген. Алексеева, и др.), Соколов установил, что старец играл большую роль в политической жизни России. При таком положении дел Распутин, конечно, мог многому навредить. Уже давно его подозревали в больших симпатиях к немцам, в шпионаже в их пользу, и за ним была установлена слежка гражданскими властями и военной контрразведкой. Князь Юсупов, решивший убить Распутина, с этой целью вошел к нему в доверие и часто бывал у старца, где вел за ним наблюдения. Допрошенный в Париже Соколовым, он показал, что часто встречал у Распутина весьма подозрительных людей «не русского вида» (?). Старец все время повторял фразы вроде: «Не надо войны... Нам немцев не одолеть... Надо войну кончать...»[10]. Подозрительным было и близкое окружение Распутина. Соколов в одном из писем называет этих лиц: Мануйлов-Манасевич, Аарон Самуилович Симанович, торговец бриллиантами, и известный банкир Дмитрий Рубинштейн (по кличке «Митька»), против которого было начато преследование за шпионаж в пользу Германии, но освобожденного резолюцией Государя.

ми. Русское общество встретило германскую подрывиую деятельность жуткой шпиономавией. Чуть ли ие каждое лицо с немецкой фамилией рассматривалось как шпион, которые мерещились за каждым кустом. Но ничуть не лучше было со шпиономаиией и на Западе. Во Вторую мировую войну в Америке началя забирать в лагеря даже преподавателей иемецкого языка, корейиых американцев. Не боялась шпионов только Германия.

[10] Одиако фраицузский посол Палеолог рассказал о своей встрече с Распутииым в 1915 году, при которой старец ему заявил: «Мы должиы биться до победы». А затем добавил, что императора Вильгельма «вдохиовляет дьявол! Все его слова, все его поступки по наущению дьявола».

Князь Юсупов и некоторые другие современники Распутина, имевшие с ним дело, считали, что в своей политической деятельности старец не отдавал себе вполне отчета в совершенных им поступках, действуя в известной степени бессознательно. Но в его квартире немецкие шпионы, если таковые там бывали, могли получить нужные им сведения [11].

Летом 1917 года союзная и американская разведки начали посылать из России тревожные сведения о немецких агентах, наводнивших страну. Германия, бросив на агитацию десятки миллионов рублей, поддерживала большевиков в игре: «Царь начал войну, и Царя низложили. Теперь пора и войну кончать».

Более тревожные сообщения поступали с фронта. Там немецкая пропаганда была еще успешней. Миллионы разных листовок на русском языке раздавались солдатам. Были все они сфабрикованы в Германии, но помечались русскими городами, где листовки якобы печатались. В них солдат предупреждали, что в России уже начался дележ земли, а поэтому нужно скорее бросать оружие и возвращаться по домам. Кто опоздает — ничего не получит. Такая пропаганда имела большой успех среди солдат, потерявших всякую дисциплину благодаря приказу номер 1 и большевистской агитации. Разложение русской армии очень беспокоило союзников и особенно американцев, только что вступивших в войну. По их подсчетам, Восточный фронт приковывал, не считая турок, три миллиона австро-германскнх бойцов.

Для попытки повторения революции 1905 г. в условиях мирного времени марксистам не хватало распропагандированных народных масс. Кроме того, командный состав армии мирного времени был гарантией, что всякая попытка восстания будет в корне подавлена. Февральская революция уничтожила всякую дисциплину в армии. Распропагандированная миллионная солдатская масса и сотни тысяч военно-

---

[11] В книге «Убийство Царской Семьи» Соколов подробно описывает роль Мануйлова-Манасевича. Но в одном из писем упоминает о двух других. Гари Налл в книге «Заговорщик, который спас Романовых» (на англ. яз.) называет Симановича «самым могущественным евреем в России», умудрившимся помочь 5 тыс. евреев избежать службы в армии во время войны. Автор книги утверждает, что Симанович имел необыкновенное влияние на Распутина, вел его финансы и оберегал старца от врагов.

пленных дали Ленину и немцам то, чего им недоставало в обстановке мирного времени, чтобы зажечь революционный пожар по всей России.

Роберт Вилтон в уже упомянутой книге «Последние дни Романовых» считал немцев главными виновниками Октябрьской революции. В 1917 г. Германия послала Ленина с бандой революционеров, чтобы овладеть Россией, писал он. Красное правительство, составленное из людей, выбранных в Берлине, стало у власти, но они были только вассалами. Граф Мирбах, представитель государства-победителя, являлся в Москве действительным правителем, перед которым апостолы Карла Маркса гнули свои колени. К группе революционеров из Германии присоединились сотни марксистов из Чикаго[12]. Таким образом, немцы при помощи Ленина, Свердлова и их «соратников» создали красное чудовище, которое начало огнем и мечом выжигать и разорять Русскую Землю. Вилтон утверждал, что поначалу в большевистском режиме доминировал не Ленин (Ульянов), председатель Совнаркома, а Свердлов (Розенфельд), председатель всесильного ВЦИКа и один из организаторов зловещей Чрезвычайки. Он и его мастера заплечных дел Белобородов, Войков, Голощекин, Сафаров, Сыромолотов, Юровский и др. несут непосредственную ответственность за Екатеринбургское злодеяние. По Вилтону, в те трагические для России дни красная инквизиция была обязана давать отчет в своих деяниях графу Мирбаху. Такую мораль Кайзер и его правительство совершенно оправдывали. А один высший офицер германского генштаба заявил: «Если нужно будет, мы не только революцию, но и чуму в Россию пошлем». Однако, создав в России красный вассальный режим, удержать свою власть над ним немцы долго не смогли. Чуя поражение Германии, большевистское чудовище вышло из повино-

[12] Доктор А. Саймоис, побывавший в России в первый период революции по поручению одиой американской церковиой организации (общииы), дал следующие показания сенатору Нелсоиу: сотни агитаторов, прибывшие в Россию из иизов восточиого квартала Нью-Йорка, находились в «свите» Троцкого. Далее д-р Саймоис утверждал, что более 250 сподвижииков кровожадного Зиновьева в Петрограде прибыло оттуда же. Нет сомиения, что большииство нз иях были чекистами или другими политическими «работниками».

вения своему «феодалу» и, убив графа Мирбаха, отдало приказание расстрелять Царскую Семью [13].

Однако между правительством в Берлине и германским верховным командованием появились вскоре разногласия во взглядах относительно целесообразности поддержки красного режима. Военные круги пришли к заключению, что Берлин слишком далеко зашел в своем сотрудничестве с большевиками: «Красные сделали свое дело, и их пора ликвидировать». В это время началась вооруженная борьба против советского режима на юге России. Генералы Алексеев и Корнилов создавали Добровольческую Армию, генерал Краснов поднял казаков против красных. Немцы надеялись переключиться на Белое и Казачье Движения, но ген. Алексеев не хотел и слышать о сотрудничестве с врагами России. Генералу Людендорфу удалось установить контакт с Красновым, но и последний рассматривал своими врагами не Антанту, а большевиков. Немцы же ни под какими условиями не желали допустить восстановления Восточного фронта. По распоряжению и инструкциям своего Правительства граф Мирбах разослал приказания своим агентам (особенно в Сибири) принуждать военнопленных центральных держав поступать в красную «гвардию» [14].

В мае 1918 г., за полтора месяца до убийства Царской Семьи, в Екатеринбург прибыла группа немецких агентов с каким-то полковником во главе под видом миссии Красного Креста. Получив точные сведения о том, что творится в «доме особого назначения», куда была заключена Царская Семья, миссия отбыла в Германию. Таким образом, Вильгельм и Берлин прекрасно знали, в каком положении нахо-

---

[13] По другим сведениям, Мирбаха убили эсеры. Однако один из убийц — чекист Яков Блюмкин был членом Московской Чрезвычайки. В 1929 году Сталин послал его в Париж ликвидировать своего бывшего секретаря Бажанова, бежавшего через Персию и Индию на Запад.

[14] В одной из своих книг Мельгунов упоминает о 22 тысячах немецких военнопленных в Екатеринбурге, из которых 4 тысячи поступило в красную «гвардию». По всей вероятности, по немецкому каналу в «красноармейцы» на Урале поступил и югославский диктатор Иосиф Броз Тито, бывший австрийский фельдфебель, раненый и взятый в плен черкесами Дикой дивизии. В момент революции он находился в лагере военнопленных на Атаманском хуторе вблизи Омска. Там же в 1920 году за какие-то «заслуги» его приняли в партию.

дятся Государь и Его Семья, которому кайзер в 1915 г. изливал свои дружеские чувства, надеясь на сепаратный мир. Но никаких решительных мер не было принято для спасения Царя, а занимаемое в те дни графом Мирбахом положение давало, по мнению Вилтона, полное основание утверждать, что немцы одобрили Екатеринбургское злодеяиие[15].

Винстон Черчилль в своей книге «The World Crisis: the Aftermath» (Лондон, 1929) писал о том, как немцы помогли Ленину осуществить свои намерения, предоставив ему «запломбированный» вагон, в котором он попал в Россию через Швецию и Финляндию: «Немцы забросили Ленина в Россию, как бациллы чумы».

О немецком запломбированном вагоне и 30 вожаках большевистской революции[16] говорит и Мельгунов. Социал-демократ Парвус (Гельфанд), перейдя на стороиу большевиков, помог «наладить им дело»: он стал посредником между Лениным с его швейцарской группой и германским Генштабом в организации отправки в Россию большевистской головки, как и снабжения ее немецкими деньгами[17].

Что же можно сказать о союзниках России? Генерал Людендорф дает нам ответ: «Царь был свергнут революцией, которую фаворизировала Антанта. Причины поддержки Антантой революции не ясны. Судя по всему, Антанта ожидала, что революция принесет ей какие-то преимущества. Царь, который начал войну за Антанту, теперь должен был быть низложен».

Многие высшие чины немецкого командования определенно считали Февральскую революцию творением англичан, действовавших через Думу и отдельных лиц. Генерал Спиридович в своей книге указывал о нежелании Англии допустить Россию к захвату Константинополя и Дарданелл. Британское правительст-

---

[15] Одии из лидеров русских монархистов, знавших хорошо Мирбаха до войны, пытаясь убедить его принять меры дли спасеиия Царя, так и сказал ему: «При Вашем диктаторском положеиии в России...»

[16] Среди иих были убийцы Царской Семьи: Сафаров и Войков.

[17] Уже в 1915 году иа Германо-Австрийском совещании в Веие было решеио при благоприитных условиях организовать в России революцию.

во было уверено, что любой новый режим будет более податлив в этом вопросе.

Е. Джозефсон сообщал, что уже в 1905 г. банкирский дом Якова Шиффа (Кун-Лебе К°) в Нью-Йорке финансировал русскую революцию, и не только по политическим соображениям. Дело в том, что Стандарт Ойл Компани пыталась захватить контроль над Бакинскими и другими русскими нефтяными полями, которые являлись до этого времени монополией Ройал Датч К°. По сообщению «Царского Вестника» (Белград, 1939, № 672) и «Нашей Страны» (Буэнос-Айрес, 1978, № 978), после Февральской революции Яков Шифф и министр иностранных дел Милюков обменялись приветственными телеграммами по случаю свержения «тиранического самодержавия». Левая газета «Journal American» от 1 декабря 1955 г. поместила у себя следующий текст, который ниже приводится в переводе:

«Русское правительство продолжает оставаться все тем же аппаратом грубой силы в руках небольшой кучки людей, каковым оно является с тех пор, как в 1917 г. несколько американских финансистов приказали истребить царский род».

Мельгунов, говоря о революционном правосудии Временного Правительства, которое оказалось далеко не на высоте[18], вскользь упоминает и следующее: «Причудливым образом просветительные фонды всякого рода американских и иных иностранных комитетов играли значительную роль в революционной пропаганде».

О роли, которую сыграло масонство в Февральской революции, мы узнаем из книги Аронсона «Россия накануие революции» и из статьи Фрумкина «Из истории о русском еврействе». По Аронсону, масонство пыталось стать «закулисной дирижерской палочкой», чтобы «управлять событиями». Я. Г. Фрумкин писал: «Как известно, русское политическое масонст-

---

[18] О так называемом «правосудии» Кереиского мало кому известио. Арестоваииых в ужасиых условиях, без предъявлеиия обвииеиий месяцами гиоили в тюрьмах, избивали и даже зверски мучили (иапример, Белецкого). Революциоиный доктор Трубецкого бастиоиа Петропавловской крепости — Серебряиииков вместо того, чтобы оказывать медициискую помощь заключенным, сам их избивал. В этом отиошении Кереиский иедалеко ушел от чекистов, смеиивших его тюремщиков через иесколько месяцев.

во сыграло большую роль при определении состава Временного Правительства первого и последующих составов». Далее он подтвердил, что многие масоны склонны думать, что в организации Февральской революции и ее победе масонство было главным, решающим фактором (лично Фрумкин этого мнения не придерживался). К русской масонской элите относят: князя Львова, Керенского, Маклакова, Некрасова, Вел. Кн. Николая Михайловича, Терещенко, Браудо и других. По Мельгунову, в основную головку русского политического масонства входила тройка из следующих лиц: Керенский, Некрасов и Терещенко (мелкий чиновник императорских театров, сын миллионера и будущий министр иностранных дел Временного Правительства). Н. Свитков в своей брошюре дает список масонов-большевиков: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Литвинов, Свердлов и др.

В заключительных строках своей книги Соколов писал следующее: «В общем ходе мировых событий смерть Царя, как прямое последствие лишения его свободы, была неизбежна». Мельгунов, с некоторыми оговорками, с мнением Соколова соглашался. Набоков, управляющий делами Временного Правительства[19], также признал в своих воспоминаниях, что актом лишения свободы Царя «был завязан узел, разрубленный в Екатеринбурге».

Государь и Государыня были арестованы Временным Правительством в один день: 21 марта[20], причем известие об аресте Императору сообщил генерал Алексеев, а Государыню приехал арестовывать ген. Корнилов. Это событие вызвало следующую реакцию Мельгунова: «Как-то непонятно, почему главнокомандующему войсками[21] с его штабом была придана несвойственная его обязанностям роль тюремщика». Ни на минуту не сомневаясь в патриотизме генералов Алексеева и Корнилова, основателей Добровольческой Армии, которая спасла неблагодарную Европу от большевизма, тем не менее нельзя обойти молчанием факта причастия ген. Алексее-

---

[19] Отец писателя, убитый в Берлине, вместо Милюкова, крайними националистами.

[20] Все даты по новому стилю.

[21] Об этом более подробно в Указателе наиболее важных имен.

ва к несостоявшемуся так называемому «Дворцовому перевороту» (хотя, с другой стороны, известны и его слова: «Мешать не буду, но и участия не приму»).

Объективные исследователи пытались установить причины ареста Царской Семьи революционым правительством. Керенский объяснял этот акт «исключительно гуманными соображениями». Другие видели в аресте руку Советов или желание оградить Царя от самочинства. Соколов полагал, что в стремлении Керенского «раскрыть вину» Царя и Царицы кроется основная причина произведенного ареста, и с этим мнением трудно не согласиться. И наконец, Мельгунов по поводу ареста Государя заметил: «Правительство в своем подавляющем большинстве мало считалось с тем моральным обязательством, которое лежало на нем в отношении отрекшегося монарха».

В самые критические для Государя дни большинство из его приближенных царедворцев, которым Он доверял и считал, что может вполне на них положиться, легко отвернулись от Него и «стали быстро разбегаться во все стороны»[22].

Однако были среди служилой аристократии и русских простых людей лица, оставшиеся до конца верными Государю и испившие чашу мучения с ним до дна. Вот их имена: лейб-медик доктор Боткин, генерал Татищев, князь Долгорукий, графиня Гендрикова, горничная Демидова, лакей Трупп, повар Харитонов, дядька-матрос Нагорный, проявивший особое мужество. Кроме упомянутых нами лиц, были и многие другие приближенные и царские слуги, не побоявшиеся последовать за Царем и Его Семьей в ссылку, но как-то уцелевшие. Среди них назовем камердинера Государыни А. Волкова, бежавшего из-под расстрела, камердинера Государя Т. Чемодурова, няню детей Александру Теглеву, вышедшую замуж за Пьера Жильяра, доктора Деревенко, комнат-

---

[22] Назовем некоторых этих лиц: Начальник Конвоя граф Граббе. Начальник Походной канцелярии Нарышкин, флигель-адъютанты герцог Лейхтенбергский и Саблин, граф Апраксин, полковник Мордвинов. Обвиняли и Дворцового Коменданта генер. Воейкова, но это обвинение, по-видимому, не было справедливым. С другой стороны, англичанин Сидней Гиббс и швейцарец Пьер Жильяр не побоялись последовать за Царской Семьей в изгнание. И недаром в эти трагические дни Государь занес в свой дневник: «Кругом измена, и трусость, и обман!»

ных девушек А. Романову, А. Уткину и многих других.

Вел. Князь Николай Михайлович был краток, но беспощаден в своей характеристике служилой аристократии, покинувшей Царя: «Как все они предали Его». Даже народный социалист Мельгунов находил, что простой элементарный такт должен был заставить Великих Князей, герцога Лейхтенбергского, князя Юсупова и других родственных Царю лиц воздержаться от каких-либо газетных интервью в критические для Государя дни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отрекшийся Император прибыл в Царское Село 22 марта, соединился со своей Семьей, и с этого дня началась их жизнь в строгой изоляции, по специальным инструкциям Керенского. Начальником Царскосельского караула был назначен полковник Е. С. Кобылинский. Очевидно, генерал Корнилов позаботился сделать подходящий выбор: Кобылинский оказался на редкость культурным, находчивым и преданным Царской Семье человеком, пробыв с ней вплоть до ее увоза из Тобольска в Екатеринбург. Должность Дворцового Коменданта занял штаб-ротмистр Уланского Ее Величества полка Коцебу, который служил больше Узникам, чем революции, а поэтому вскоре и был заменен ставленником Керенского, военным юристом полковником Коровиченко. После ухода последнего полк. Кобылинский принял на себя также должность Дворцового Коменданта.

В Царское Село раз десять приезжал Керенский, и личио вел себя он корректно. Ознакомившись с содержанием отобранных царских бумаг, Керенский совершенно переменился к Государю, «но ни на одну минуту он не был искренен с Царем». Революционная охрана имела в своем составе разношерстный элемент. Более пожилые солдаты относились к Царской Семье доброжелательно, но молодые, тронутые тленом анархии и большевизма, вели себя вызывающе и развязно, отравляя Узникам жизнь. Только благодаря преданности и такту полк. Кобылинского удалось избежать многих эксцессов.

В «целях беспристрастного расследования» Керенский распорядился на время изолировать Государя от Государыни: «Не к радости началось говение. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с Детьми сидеть раздель-

но», — занес Государь в свой дневник 27 марта[23]. И начав следствие о «деле измены», Керенский подумывал о «революционном суде» над отрекшимся монархом. Критикуя работу Муравьевской Комиссии[24], Мельгунов отметил следующее: «В основу расследования был положен парадокс, что революция может судить своих врагов во имя законов, которые она разрушила».

Следователь Руднев, ознакомившись со всеми материалами, заключил, что не было найдено ни одного документа, компрометирующего Государя и Государыню или указывающего на влияние Распутина на внешнюю или внутреннюю политику страны[25].

Впоследствии член Президиума Чрезвычайной Следственной Комиссии А. Ф. Романов в своих воспоминаниях писал: «Единственно, в чем можно бы было упрекнуть Государя, — это в неумении разбираться в людях. Это, впрочем, искусство трудное и мало кому бывает дано; всегда легче бывает ввести в заблуждение чистого человека, чем человека дурного, способного самого на обман, а Государь был бесспорно совершенно чистым».

Но Муравьевская Комиссия никогда не обнародовала результатов расследования, не опровергла клеветы в «измене», а газеты революционных дней скорее подтверждали клевету и раздували слухи при молчаливом «нейтралитете» правительства.

В день ареста Государя Милюков имел свидание с Британским послом Бьюкененом, при котором последний подчеркнул, что Его Величество является родственником короля Георга V, а поэтому он надеется на меры, которые будут приняты по охране Государя. Милюков заверил Бьюкенена о безопасности Царя и заявил, что было бы желательным получить от Британского правительства предложение убежища Царской Семье в Англии. Несомненно, арест

---

[23] Мельгунов часто пользовался Царским дневником. Много лет позднее Гиббс в своих воспоминаниях советует относиться к тексту дневника осторожнее, т. к. возможна ловкая советская подделка.

[24] Интересно отметить, что секретарем Муравьева был известный поэт Александр Блок, в это время «большевиствующий». В своих записках он буквально злопыхал против допрашиваемых бывших государственных деятелей, обвиняя в потворстве даже Муравьева.

[25] Все это Керенский подтвердил лично Бьюкенену.

Государя очень волновал Милюкова, мучили ли его угрызения совести, мы не знаем. Отрекшийся Царь, поскольку Он не мог оставаться в России и жить в Крыму, соглашался на отъезд в Англию. Король Георг и Имп. Николай были двоюродными братьями по матери. Государыня являлась тоже кузиной Короля, так как Ее мать была дочерью Королевы Виктории. Кроме родственных уз, Георг V и Ннколай II являлись близкими друзьями. К тому же Царь владел английским языком с «оксфордским акцентом» в совершенстве.

Милюков категорически утверждал в Париже Соколову, что ввиду внутреннего положения отъезд Царской Семьи из революционной России представлялся желательным. В своих воспоминаниях Бьюкенен писал о том, как он уже 23 марта сообщил Милюкову, что Король и правительство Его Величества счастливы присоединиться к предложению Временного Правительства. Но Львов и Керенский медлили с ответом под предлогом сопротивления оппозиции «левого крыла» (Советов): «Первые дни затянулись и превратились в недели, а Бьюкенену отвечали, что, по состоянию здоровья больных Великих Княжон, ничего нельзя предпринять».

Таким образом, Керенский всячески затягивал отъезд, на котором Британское правительство настаивало. Затем, откинув моральную проблему под влиянием премьера Ллойд Джорджа, английское правительство встало на путь реалистической политики интересов дня и предписало своему послу отменить соглашение с Временным Правительством. Позднее Ллойд Джордж якобы признал, что он посоветовал Королю отменить приглашение, то есть «хотел жизнью Николая II купить популярность у левой Англии» (Дионео). Однако в своих воспоминаниях Ллойд Джордж объяснял все иначе: согласно просьбе Временного Правительства Англия предложила Императору убежище, но Керенский не смог превозмочь сопротивления Совета, н его правительство отказалось от первоначального намерения. Мельгунов считал Ллойд Джорджа формально правым, ведь у Великобритании не было никогда ни постоянных врагов, ни постоянных друзей, а только постоянные интересы.

Соколов, говоря о возможности предоставления

убежища Государю на Западе, закончил свое изложение следующим образом: «Как они могли спасти Царя, когда сама русская власть, которую они так горячо приветствовали, отдала Царя под суд и на весь свет объявила, что он изменник?»

В 1976 г. А. Саммерс и Т. Менгольд выступили с разоблачением английского короля. В книге «The File on the Tsar», в главе «Король Георг захлопывает дверь», они обвинили Британского монарха на основании собранных ими документов в том, что он добился от английского правительства отказаться от приглашения (с. 243—256). В 1973 г. ленинградская «Звезда», ссылаясь на «The Review of Politics» (Лондон, 1925), утверждала почти что то же самое: «По поручению короля его секретарь Эндрю Челфонд направил Ллойд Джорджу письмо, означающее отбой: «Его Величество, со своей стороны, выражает сомнение, благоразумно ли было бы в настоящее время направить в Англию Царскую Семью».

И вместо Крыма или Англии Временное Правительство, вернее Керенский, постановило отправить Государя в далекую Сибирскую ссылку. Мотивы, руководившие Керенским в решении сослать Царскую Семью в Тобольск, объясняли по-разному. Жильяр и Теглева говорили об опасении властей за безопасность бывшего монарха. Керенский, как и князь Львов, мотивировал свое решение все обострявшейся борьбой с большевиками, которые в это время вели большую агитацию против правительства. Но события неудавшегося летнего выступления большевиков, прибытие с фронта войск, «рвавшихся броситься на заводы и фабрики с целью расправы с бунтовщиками», говорили об ином [26].

Представители «революционной демократии» (т. е. большевики) подняли шум об опасности для режима не слева, а справа, об одностороннем правосудии, применяемом только к большевикам. У страха глаза велики, и Керенский попался на большевистскую удочку. Все эти события и дали Мельгунову, по всей вероятности, основание говорить, что главным мотивом высылки Царской Семьи в Сибирь был преувеличенный страх Керенского перед контрреволюцией. Соколов придерживался совершенно другого мнения:

---

[26] «Новая Жизнь» от 7 июля 1917 года.

«Был только один мотив перевоза Царской Семьи в Тобольск, не указанный князем Львовым и Керенским: далекая, холодная Сибирь, тот край, куда ссылались другие».

Некоторые исследователи упоминают также этот мотив, добавляя, что в высылке Государя на родину Распутина можно было усмотреть желание его унизить. Попытки же сослаться на невозможность предоставить Царской Семье жить в Крыму из-за опасности проезда через «рабоче-крестьянскую» Россию, звучат совсем неубедительно. Через ту же, еще более революционно настроенную, «рабоче-крестьянскую» Россию (Урал) отправили Государя в Сибирь. Скорее всего, что Керенский и его клика опасались близости от Крыма казачьих земель, зная приверженность Дона, Кубани и Терека монархии.

Большевистские исследователи, пытаясь представить Керенского какнм-то «ангелом-хранителем» Государя, всячески стараются доказать, что высылка Царской Семьи в Тобольск была организована Керенским по заранее приготовленному плану: устроить побег Царской Семьи нз Тобольска северным водным путем при помощи союзников или даже немцев. Все это, конечно, выдумки пропагандного характера, и на них не стоит обращать серьезного внимания.

Почему же из Сибирских городов все-таки выбрали Тобольск? Сам Керенский объяснил выбор таким образом: это маленький город, без промышленного пролетариата, с зажиточным населением, довольным своей участью. Тобольска летом можно было достичь с севера, минуя густо населенные районы [27].

Царская Семья покинула Александровский дворец 14 августа в сопровождении штата из придворных (сорок одно лицо), а в Тобольске к ним присоединились Сидней Гиббс [28], док-

[27] Губернский город Тобольск был заложен в 1587 году казацкнм старшиной Чулковым на правом берегу Иртыша, недалеко от впадения в него реки Тобола. С 1708 года по 1824 год город был центром русской адмиинстрацни в Снбирн. К момеиту революции в Тобольске было 22 тысячи жнтелей, 2332 дома, 25 церквей, а главнымн занятнями жителей были разные ремесла и рыбиая ловля.

[28] На преданного Царской Семье англичанина Сиднея Гнбса так подействовала Их гибель, в расследовании которой он принимал известное участие в Екатериибурге, что, вернувшись в Лондон, он стал православным, прииял постриг и получил сан архимаидрита. После его кончины приемный сын

тор Деревеико[29] и еще четыре лица. Первые дни жизни на новом месте были тихими, спокойными, и Узники могли посещать Благовещенскую церковь. Полковник Кобылинский никому в Тобольске не подчинялся и не получал никаких инструкций из центра. Местное население относилось к Царской Семье с большим участием. Проходя мимо губернаторского дома, многие снимали шапки, крестили и благословляли Узников. Окрестное татарское население оказывало Царской Семье исключительные знаки внимания и расположения[30], из женского монастыря носили продукты, овощи доставляли частные лица.

В Тобольске было скучно, особенно Детям, а поэтому они усиленно занимались, ставили пьесы. В сентябре в Тобольск прибыл правительственный комиссар Панкратов, которому Керенский подчинил полковника Кобылинского. Был он политическим преступником, пробыв 15 лет в одиночке за убийство жандарма. Но человеком Панкратов оказался добрым, отзывчивым и особенно хорошо относился к Великим Княжнам[31]. Его помощник, наоборот, был груб и непорядочен. Панкратов «пережил» Керенского, и солдаты караула самовольно выгнали его в фев-

---

его, русский по крови, издал воспоминания С. Гиббса (архимандрита Николая), дышащие глубокой любовью ко всей Царской Семье.

[29] Доктор Деревеико был допрошен Военным Контролем в сентябре 1919 года в городе Томске. Генерал Дитерихс в книге «Убийство Царской Семьи...» писал о докторе следующее: «Деревенко вступил в службу советской власти в местный военный лазарет, а ныне остался среди большевиков в городе Томске». Однако сын доктора, инженер Н. В. Деревенко, росший вместе с Царевичем, сообщил нам лично о том, как с приходом Белых его отец стал профессором Пермского университета, эвакуировался в Томск и с Белыми не ушел. При большевиках его перевели в Елизаветград, где он подвергся репрессиям и скончался в 1936 году.

[30] Однажды местные татары, собравшись перед губернаторским домом со своим муллой, отслужили службу о здравии Их Величеств.

[31] Несмотря на богатое революционное прошлое, Панкратов был врагом большевиков. Перед отъездом в Тобольск «бабушка русской революции», Брешко-Брешковская, взяла с Панкратова слово как можно гуманней поступать с Царской Семьей: «Ты сам натерпелся, так не допусти, чтобы страдали другие, а особенно женщины».

рале 1918 года [32]. Караул же как бы разделился на две партии: с одними Государь и Царские Дети поддерживали хорошие отношения, солдаты тайком ходили в кабинет Царя поговорить с ним по душам; другие были грубы и дерзки, заставили Государя снять погоны... И власть постепенно стала переходить в руки этих солдат, но полк. Кобылинского они не рискнули трогать.

---

[32] Поздиее Панкратов прнспособнлся к большевнкам, написал в СССР свои воспоминания, конечно по инструкциям сверху, в которых плохо отзывается о Царской Семье. Назначение Панкратова, человека с богатым революционным прошлым и, таким образом, заклятого врага царизма, иа должность главного тюремщика в Тобольск лишнні раз подтверждает, что Кереиский не имел хороших намерений в отношении Царской Семьи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наконец в Тобольск прибыл из Москвы Чрезвычайный комиссар ВЦИКа и Свердлова — В. В. Яковлев, личность которого Сибирское следствие не могло точно установить, и до сих пор неизвестно, посланцем какой силы он являлся. Ходил Яковлев в матросской блузе, тулупе, папахе и производил впечатление человека интеллигеитного и культуриого, владея иностраиными языками. По Соколову и Керенскому, Яковлев был морским офицером, за что-то разжалованным. По утверждению Авдеева, первого «коменданта» дома Ипатьева, подтвержденного матросом Хохряковым, Яковлев был известным Уральским большевиком и рабочим по фамилии Мячин. Между революциями 1905 и 1917 годов ои побывал в Париже, на острове Капри, где и приобрел известный лоск.

Большевистские агенты проникали в Тобольск постепенно, с опаской, и начали захватывать власть в городе только в начале 1918 г. Карательный отряд в 500 латышей и матросов в декабре 1917 г. терроризировал Северный Урал вдоль железнодорожной магистрали, арестовал в Тюмени киязя Львова и вскоре распался. Затем у Екатеринбургских и Омских большевиков началась борьба за Тобольск. Группа Екатериибургских рабочих, посланных в Тобольск, была перехвачена крестьянами и полностью уничтожена. Тогда рабочие Злоказовского завода в Екатеринбурге во главе с Авдеевым с подложными паспортами стали пробираться в Тобольск поодиночке, чтобы не вызвать подозрения у крестьян окрестных деревень. Хохрякову уже раньше посчастливилось попасть туда же. Затем из Омска прибыло два отряда латышей и матросов. Борьба между омичами и екатеринбуржцами закончилась триумфом последних, как «политически более сильных».

Такую обстановку застал в Тобольске Чрезвычайный комиссар ВЦИКа Яковлев. Соколов в противоположность более позднему Мельгунову считал, что Яковлев, скрываясь под маской большевика, был враждебен их целям и являлся посланцем иной, небольшевистской, силы. Генерал Гурко поддерживал теорию Соколова: «Для меня совершенно ясно, что вызов Царской Семьи из Тобольска произошел по германской инициативе и ездивший в Тобольск за Государем Яковлев был связан с немцами».

Такую предпосылку Мельгунов назвал «началом легенды», считая, что немецкий план в корне расходился с целями уральских большевиков, желавших захватить в свои лапы Царя. Разберемся теперь в действиях и поступках Яковлева и посмотрим: мог ли он быть доверенным посланцем Свердлова и ВЦИКа? Ни один, даже «просвещенный», большевик, а особенно бывший уральский рабочий не вел бы себя так корректно, предупредительно и сердечно по отношению к Государю и Царской Семье, как это делал Яковлев. Приведем несколько примеров:

1) В показании учительницы Царских Детей Клавдии Битнер: «Яковлев стоял и все время держал руку под козырек, когда Государь садился в экипаж».

2) В показании полк. Кобылинского: «С дороги послал телеграмму: Едем благополучно. Христос с Вами. Как здоровье маленького? — Яковлев».

3) По свидетельству Мунделя: «Яковлев старался угодить Государю».

И подобных рассказов мы имеем много. Большевики же обвиняли Яковлева «в галантности к Царской Семье». Когда Государь отказался ехать с Яковлевым, оставив больного Наследника, посланник «всесильного» ВЦИКа и Свердлова не потребовал грубо исполнить его приказание[33], а «просил» этого не делать, т. к. в противном случае он должен применить силу или отказаться от своей миссии, а тогда пришлют «менее гуманного человека». Касвинов в ленинградской «Звезде» в 1972—1973 годах назвал Яковлева «двойным шпионом, диверсантом и проходимцем». Далее он утверждал, что Яковлев вовсе не

---

[33] Известно, что других методов, кроме грубости, насилия и физического уничтожения не только против своих врагов, но и лиц, просто не сочувствующих, большевики не признавали, да и продолжают не признавать.

был уральским рабочим, а сыном не то купца, не то инженера. В 1905 г., находясь в офицерской электротехнической школе в Свеаборге, Яковлев примкнул к революции, был осужден на смерть и бежал за границу. Двенадцать лет провел Яковлев в Канаде и Германии, а после Февральской революции вернулся на родину и поступил в библиотеку Генерального Штаба. В Петрограде он был близок первому министру юстиции (комиссару юстиции) большевистского правительства, левому эсеру Стейнбергу [34]. Последний и устроил Яковлева на пост Чрезвычайного комиссара, посланного за Царем в Тобольск.

Неожиданно 25 апреля Яковлев сообщил Кобылинскому, а затем и Государю о приказании ВЦИКа увезти Его и Царскую Семью из Тобольска, а если Наследник не может ехать, то одного Государя. Кобылинский считал, что Яковлев, исполняя директиву Москвы, везет Государя в столицу. Император Николай II думал, что везут его в Москву подписаться под похабным Брест-Литовским сепаратным миром, и говорил: «Я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это».

26 апреля отправились в путь с Яковлевым: Николай II, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна [35], Соколов считал, что Яковлев сделал попытку прорваться в Европейскую Россию. Прибыв на лошадях в Тюмень, Узники были размещены в уже поданном поезде. «Уралец» Авдеев, ехавший со стражей, не доверял Яковлеву, но не мог ничего предпринять, так как охрану вагонов внутри несли старые тобольские стрелки. Только когда поезд уже тронулся, Авдеев успел шепнуть своему человеку на перроне: немедленно телеграфировать в Екатеринбург об отходе поезда и его направлении. И когда состав тронулся на Омск, то есть в обратную сторону, Яковлев якобы объяснил Авдееву о попытке «уральцев» взорвать поезд. Остановившись на станции Люблинская, Яковлев отцепил часть состава и отправился в Омск.

---

[34] В «Новом Журнале», книга 134, Роман Гуль дает о нем следующие сведения: «И. Стейнберг был ортодоксальный, религиозный еврей, соблюдавший все обряды иудаизма». Далее Гуль сообщает, что в 1921 году Стейнберг появился в Берлине с «хорошими деньгами», а затем перебрался в Соединенные Штаты.

[35] Из приближенных ехали: д-р Боткин, князь Долгорукий, Чемодуров, Трупп, Иван Седнев, А. Демидова...

Там он говорил по прямому проводу со Свердловым и «получил приказание везти Романовых в Екатеринбург и сдать там Узников областному Совету Урала». Дальнейшая судьба Яковлева также не выяснена. Как будто бы он был назначен командующим 2-й красной армией, затем перешел на сторону Белых и был по ошибке расстрелян чехами. Генерал Дитерихс считал, что кровавая расправа с Царской Семьей не позволила Яковлеву оставаться и далее в рядах красных.

Новейшие советские историки называют действия Чрезвычайного комиссара ВЦИКа и доверенного Свердлова «авантюрой Яковлева». Они нам рассказывают о том, как Николай II с Государыней и сопровождающими их лицами по прибытии в Тюмень были посажены во «виеочередной поезд № 42 Самарско-Златоустовской железиой дороги». Узииков сопровождал отряд уфимских рабочих под командой уфимцев-большевиков Чудинова и Земцова. После полуночи Яковлев прошел по вагонам и сообщил, что он только что получил распоряжеие из Москвы ехать не в Екатеринбург, а везти Царя по маршруту Омск — Челябинск — Самара. 28 апреля в 5 часов утра поезд медлеино тронулся по направлению на Омск.

Голощекин и Яковлев будто бы еще в Уфе договорились о сообщениях, которые Яковлев все время должеи был посылать в Екатеринбург по мере продвижения поезда. Однако иочь прошла, а сообщений не поступало. Узнав в 10 часов утра о движении поезда на Омск, Екатериибургский Совдеп поднял тревогу и, объявив Яковлева «измеииком дела революции», поставил его «вне закоиа». На станции Люблииская Яковлев отцепил паровоз и отправился в Омск, где по прямому проводу Свердлову «лгал, будто уральцы и омичи объединились против него в заговоре», а его пассажиры (то есть Государь) находятся под угрозой расправы. Свердлов приказал Яковлеву везти Государя в Екатеринбург.

«Точного расчета в действиях Яковлева, видимо, не было. Он иадеялся достигнуть цели, применяясь к обстоятельствам. Сначала хотел прорваться в центральиые губернии, а оттуда при благоприятных условиях повернуть иа юг, к границе зоны германской оккупации.

Затем у него возник вариант: высадить Романовых на пути к Самаре и скрыть их в горах Уфимской губернии (откуда, по его словам, был родом). Дерзкое кружение по сибирским железнодорожным магистралям двойного шпиона-диверсанта, называвшего себя Яковлевым, кончилось ничем»[36].

Таким образом, у большевистских исследователей Яковлев вырос в крупную «буржуазно-белогвардейскую» шпионскую фигуру. Но в их догадках или выдумках много неувязок и изъяна. Как мог Яковлев, человек с небогатым революционным прошлым, «приехавший в 1917 г. в Россию с канадским паспортом в кармане и с квазиреволюционной эсеровской репутацией», быть облечен таким доверием Свердлова и ВЦИКа, чтобы получить исключительно важное задание — вывезти Царя из Тобольска? И это случилось в период, когда большевистские вожаки сами друг другу не доверяли и на каждом шагу им мерещились диверсанты и шпионы. Оговорка, что, мол, «просмотрели», для большевиков звучит весьма наивно. Что Яковлеву доверяли, свидетельствует еще и то обстоятельство, что ему, как уфимцу, дали для сопровождения уфимский отряд, на людей которого он мог легче повлиять. И наконец, когда Яковлев был разоблачен как «иностранный агент» и объявлен «врагом революции», его не арестовали и не ликвидировали, как врага советской власти. Наоборот, после «предательства интересов революции»: «Он получил назначение военным комиссаром на Самарский фронт и в одну из темных октябрьских ночей 1918 года перешел через линию обороны к противнику»[37].

Из всего изложенного мы можем заключить, что Яковлев являлся двойным агентом, но одна из сторон, с которой он сотрудничал, была большевики. По всей вероятности, являлся Яковлев тем лицом, на котором остановился выбор советского правительства и неизвестной нам иностранной державы (или мощной организации), с целью поручить ему вывезти Государя и Царскую Семью в безопасное место, а возможно, и вне пределов большевистской России. Во время осуществления этого плана что-то случилось[38], и

---

[36] Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1979, с. 457, 458.

[37] Касвинов М. К. Указ. соч., с. 460.

[38] Неизвестная нам иностранная держава могла быть —

Москва переменила свое решение, приказав везти Имп. Николая II в Екатеринбург и там расстрелять вместе с Семьей и приближенными.

30 апреля вечером Государь прибыл в Екатеринбург, где был встречен на станции своими убийцами, Шаей Голощекиным с его приспешниками, и водворен в дом подрядчика Ипатьева, получивший большевистское название «дома особого назначения». Так как в нем и произошло описываемое нами жуткое преступление — убийство Царской Семьи, то мы постараемся описать коротко дальнейшую судьбу этой усадьбы. После ухода Сибирской Армии адмирала Колчака и возвращения большевиков дом Ипатьева был превращен в «музей», где посетителям показывали комнаты, в которых помещалась Царская Семья, как и подвал, где ее расстреляли. В марте 1920 г. в Екатеринбург попал английский капитан Франсис Мак-Коллаг, задержавшийся в городе несколько недель. Не один раз, писал он в своей журнальной статье, приходилось ему слушать рассказы жителей о доме Ипатьева, об убийстве Царя в нем и о роли Юровского в этом преступлении. Так как последний в это время жил в городе на положеиии красного «магната», занимая большой особняк, то Мак-Коллаг решил посетить Юровского, что ему и удалось.

В 1959 г. вице-президент Соединенных Штатов

Германия, и Государя собирались везти в Ригу. С графом Мирбахом вел переговоры Свердлов. Тем временем влияние немцев на большевиков начало ослабевать, и Свердлов, воспользовавшись этим обстоятельством, решил везти Царскую Семью в Екатеринбург. Предварительно туда он послал своего единоверца и, возможно, родственника Шаю Голощекина со специальными инструкциями. Есть основание предполагать, что вначале Свердлов, имея неограниченное влияние на весь большевистский аппарат, действовал единолично...

Предположительно, что Яковлев получил какое-то тревожное известие, могущее сорвать его настоящее намерение, и он решил немедленно увезти Государя, не заботясь много о Царской Семье. Быть может, опасность грозила и не со стороны большевиков, а со стороны Белых, отряды которых приближались к Тобольску, а население губернии было настроено крайне враждебно к красным. Немцы же ни в коем случае не желали, чтобы Государь был освобожден адмиралом Колчаком. Присутствие Импер. Николая II в Стане Белых, несомненно, сразу изменило бы весь ход гражданской войны и повлекло бы за собой восстановление Восточного фронта, чего немцы боялись пуще всего.

Америки Ричард Никсон, объезжая Советский Союз, посетил и Екатеринбург (Свердловск). Сопровождавший его главный сотрудник «Нью-Йорк Таймс» и писатель Гаррисон Солсбери отправился осмотреть дом Ипатьева, но его вовнутрь не пустили, объяснив, что в настоящее время в нем находится архив местной компартии. Внешне дом производил впечатление недавно выкрашенного здания. Памятная доска, существовавшая на доме до 1945 г. и указывающая на него как на место убийства Имп. Николая II и Его Семьи, была снята. До 1945 г. подвал, в котором произошло цареубийство, являлся музеем. Солсбери рассказывали, что в застекленных ящиках в этом подвале были вывешены какие-то вещи, принадлежавшие Царской Семье, и даже одежда, которую Император и Его Семья имели на себе во время убийства. Солсбери не был в состоянии проверить правдивость всего ему сказанного и пришел к заключению, что от него хотят скрыть какие-то факты.

В 1945 г. музей в доме Ипатьева был закрыт, и вещи из него как будто бы перевезли в городской собор [39]. Но и в него Гаррисона Солсбери местные власти не впустили. С нашей стороны мы можем добавить, что вряд ли большевики одежду, снятую со своих жертв после расстрела, при своем бегстве увезли на Запад, а потом вернули обратно в Екатеринбург. На это у них попросту не хватило бы ни времени, ни нервов.

Дом Ипатьева просуществовал в своем оригинальном виде до осени 1977 г., когда был большевиками снесен. В последнее время в нем помещалось областное отделение Союзпечати, которое «распространяет печатную ложь и продолжает это делать и в настоящее время». В семидесятые годы к бывшему «дому особого назначения» началось все увеличивающееся паломничество, что и послужило причиной сноса. Как и для большинства своих черных дел, так и для разрушения Ипатьевского особняка большевики выбрали ночь. Но это не помешало большой толпе наблюдать попытку советской власти уничтожить последние следы Екатеринбургского злодеяния. Но «никому не дано уничтожить память о пролитой здесь крови, ставшей истоком рек, морей и океанов, в изобилии за-

---

[39] Вероятно, Екатерининский.

топивших с тех пор нашу землю», сообщал в своем письме один русский (советский) интеллигент, посетивший Екатеринбург летом 1977 г.

Кроме дома Ипатьева, снесен большевиками и Екатерининский собор, из которого священник ходил на богослужения к Царственным Узникам. Вознесенскую церковь, стоявшую почти напротив Ипатьевского дома, превратили в музей. А в Новотихвинском женском монастыре, откуда монашки носили продукты Царской Семье, теперь военный госпиталь. Храмы в нем полуразрушены, бойницы в сохранившихся крепостных башнях забиты ржавым железом, а кругом мерзость, грязь и запустение[40].

Теперь попытаемся выяснить личность еще одного человека, сыгравшего известную роль в трагической судьбе Царской Семьи. Его звали Борисом Соловьевым, и был он женат на дочери Распутина. Отец Соловьева вел дружбу со старцем, а сын его стал членом распутинского кружка в 1915 г. Следователь Соколов считал Бориса Соловьева одним из вожаков революционного движения среди солдат Петроградского гарнизона. В апреле 1917 г. Соловьев пытался пробраться в Тобольск, в октябре женился на дочери Распутина, очевидно, не по любви, а потом проживал в Тюмени. Как зять Распутина, Соловьев пользовался доверием Императрицы и под видом спасения Царской Семьи, оперируя из Тюмени, «действовал с дурными намерениями». Соколов писал по этому поводу следующее: «Вкравшись в доверие недальновидных монархистов, Соловьев действовал определенно с целью погубить Их Величества».

Из Тюмени этот современный Соловей-разбойник

---

[40] В 1978 году в «Русском Возрождении» было напечатано письмо, полученное из СССР от одного русского (советского) интеллигента, посетившего Екатеринбург, Коптяки и Алапаевск летом 1977 года и приложившего к письму фотографию наружного вида дома Ипатьева, сделанную им лично. Ее мы помещаем в нашем труде с любезного разрешения князя Оболенского, редактора журнала. Вот что писал в конце письма неизвестный нам интеллигент: «Нет, не забыли мы всех этих деяний, хотя и минуло с тех пор 60 лет. Мы рассказывали об этом нашим детям и уверены, что дети наших детей обо всем, что произошло в бывшем Екатеринбурге, носящем теперь название одного из отвратительнейших выродков XX века, расскажут следующим поколениям».

раскинул повсюду свои сети и внимательно следил за лицами, направляющимися в Тобольск с целью помочь Царской Семье. Большинство из них он перехватывал и выдавал большевикам. После поражения красных, летом 1918 г. Соловьев очутился в Восточной Сибири, по приказу следователя Соколова был арестован, но сразу же освобожден с помощью «всесильной приятельницы» атамана Семенова, на чьей «территории» был произведен арест. По большевистским сведениям, Соловьев откупился бриллиантами, которые ему удалось выманить у Царской Семьи. Вилтон говорит о Соловьеве в том же духе, поражаясь таинственной ассоциации его с лицами, подозреваемыми как германские шпионы. Сидней Гиббс также назвал Соловьева двойным агентом, работавшим на немцев и большевиков. Между тем Мельгунов придерживался другого мнения: «Бориса, как именует его А. Ф. в письмах к Вырубовой, Императрица знала давно». Мельгунов не находил никаких существенных улик, чтобы заклеймить Соловьева как двойного шпиона, разве что имевшего пристрастие к наживе сомнительными средствами. В 1968 г. в немецком «Welt Am Sontag» Соловьев опять назван провокатором. По новейшим советским источникам, ему удалось побывать в Тобольске и повидаться с Государыней. Он вручил Заключенным известную сумму денег, полученную от монархистов, но большую часть присвоил себе: «Ограбив Их, Соловьев бежал в Восточную Сибирь». К этим новейшим советским сведениям нужно относиться с осторожностью.

Нас интересует вопрос: были ли предприняты какие-либо попытки со стороны русских людей спасти Царскую Семью? Русское общество приняло с большим равнодушием арест Государя и ссылку Царской Семьи в далекую Сибирь. Война выбила из строя лучших людей, революция сбила с толку здравомыслящих патриотов, а нахлынувшая волна большевизма разметала то, что уцелело от революции. Поэтому намерение спасти Государя могло появиться только в монархических кругах и в силу политического положения могло осуществиться только при помощи немцев.

Видя, что на союзников нельзя возлагать никакой надежды, русские монархические группы отправили

в Тобольск значительную сумму денег и, получив оттуда тревожные сведения, начали зондировать почву у гр. Мирбаха. С ним вели переговоры сенатор Нейгард, гр. Бенкендорф и Кривошеин. Но из этих попыток монархистов ничего не вышло. Мирбах принимал их очень сухо и дал понять, что все происходящее сейчас с Россией естественное и неизбежное последствие победы Германии. Вероломно относились немцы даже к германофильским организациям. В Москве была разгромлена одна тайная военная группа германофильского «Правого Центра», которую возглавлял ген. Довгирд, начальником штаба был Дрейер, а в самом штабе — офицеры германской миссии «для связи». Оказалось, что старший советник германского посольства Рицлер и начальник немецкой контрразведки Мюллер находились в тесном сотрудничестве с Караханом и Дзержинским и снабжали их «списками адресов, где должны быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики против советской власти» (Деникин. Мировые события и Русский вопрос. Париж, 1939, с. 82).

Касаясь Тобольского периода ссылки, Мельгунов писал следующее: «Соколов был совершенно прав в своих выводах о том, что ни в самом Тобольске, ни в Тюмени не было никакой офицерской группы, готовой освободить Царскую Семью», а отдельные лица не были в состоянии что-либо предпринять.

В Екатеринбурге положение значительно ухудшилось: там Царская Семья попала в западню, из которой почти что не было выхода. В 1917 году в Екатеринбург эвакуировали Академию Генерального штаба, в городе было известно о присутствии значительного числа офицеров. Сообщали о какой-то офицерской роте, ушедшей в полном составе к Белым. Но работающая день и ночь Чрезвычайка не давала возможности создать какую бы то ни было антибольшевистскую организацию. Кроме этого, по сообщениям английской разведки, большевики, опасаясь попыток освобождения Царской Семьи, приняли исключительные меры не только в доме Ипатьева и вокруг него, но и в городе и его окрестностях. Англичане считали, что в районе Екатеринбурга было сосредоточено до 10 тысяч красных бойцов.

Было бы ошибочным с нашей стороны не упомянуть о жертвенном порыве русской молодежи, которая шла в авангарде на всех фронтах Белого Движения в борьбе с кровавым большевизмом. Это так ясно подчеркнул уже в конце пятидесятых годов советско-русский писатель Борис Пастернак, описывая как раз Уральский фронт в прославившем его романе «Доктор Живаго». В попытке как-то организовать отряд для спасения Государя заговорщики вступили в контакт с местной скаутской группой, которую составляли почти что подростки. Юные скауты (назовем их теперь разведчики), все, как один, выразили желание принять участие в опасном деле. Между ними не было колебания, и они горели желанием выступить против большевиков. Единственно, кто был еще в силах освободить Царскую Семью, — это немцы, действуй они решительно в Москве и через своих многочисленных агентов в Сибири, подчинявших себе десятки тысяч военнопленных, из которых многие уже были в рядах красной «гвардии». В конце июня и эта возможность отпала.

В Тобольске с отъездом Яковлева оставили распоряжаться Хохрякова. Отряд полковника Кобылинского был распущен и заменен тремя взводами чекистов с пулеметной командой. В своем бегстве, кроме остальных многочисленных документов и следов преступления, большевики оставили списки этого отряда — все это были латыши. Начальником отряда являлся бывший пограничный жандарм и шпион Родионов. Это был «человек грубый, злобный зверь, которому доставляло удовольствие мучить». Родионов приказал полк. Кобылинскому «убираться на запад, в большевистский тыл», но ему удалось скрыться и дождаться прихода армии адм. Колчака. В августе 1918 г. пол. Кобылинский вступил в ряды Белой Армии, участвовал во многих боях, был ранен и взят в плен большевиками в Красноярске. В 1926 г. этот доблестный офицер закончил свою жизнь в чекистском застенке.

20 мая Родионов заставил еще не оправившегося Царевича Алексея отправиться в путь. С ним ехали три Вел. Княжны и 26 приближенных и слуг, в том числе ген. Татищев, графиня Гендрикова, няня Тегле-

ва, Пьер Жильяр, Сидней Гиббс и другие[41]. 23 мая Царская Семья опять соединилась в доме Ипатьева и оставалась неразлучной до своей смерти. Генерала Татищева, графиню Гендрикову, Волкова, Чемодурова, Нагорного и Седнева отправили сразу в тюрьму, и почти все они были зверски убиты. Волкову удалось бежать по дороге к месту расстрела.

---

[41] Очень интересно описание встречи Наследника Алексея и Великих Княжон в Тюмени, переданное И. Ивановым. Он был послан З. С. Толстой в Тобольск и Екатеринбург, чтобы узнать об условиях жизни Царской Семьи в Сибири. Рассказ Иванова был напечатан в 1921 году в Париже. Мы помещаем его, так как новейшие советские исследователи передают весьма схожую версию встречи последнего Наследника престола с простым русским народом:

«После Пасхи, когда открылась навигация, Наследник Цесаревич с Великими Княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасией прибыли из Тобольска на пароходе «Русь» в Тюмень. Здесь собралась на пристани громадная толпа народа, которая приветствовала Царских Детей. При виде Наследника Цесаревича послышался громкий плач с причитанием: «Дорогой Ты наш, милый Ты наш, куда Ты от нас уезжаешь и зачем Ты нас оставляешь?» Плакали женщины и мужчины, так что, смотря на эту картину, от слез удержаться было положительно невозможно. Встречали с зеленью и цветами, которыми стали усыпать путь Их следования...»

Затем рассказывается о столкновениях с красноармейцами, которые безрезультатно пытались воспрепятствовать излиянию народных чувств к Царской Семье!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как мы уже сказали, Царская Семья была помещена Шаей Голощекиным в «дом особого назначения» и окружена тюремщиками. Стража делилась на наружную, со случайным составом, и внутреннюю, которая сразу же была специально подобрана из местных рабочих Злоказовского завода. После прибытия Наследника кадр наружной стражи был составлен из более надежных рабочих Сысертского (главным образом) и Злоказовского заводов. «Комендантом» дома назначили уральца Авдеева при помощнике Мошкине и начальнике караульной команды Павле Медведеве.

До того времени, как наружная стража была заменена рабочими, охранники с симпатиями относились к Узникам. Мельгуиов оспаривал утверждения Соколова о постояиных издевательствах тюремщиков [42]. Ему вторят и большевистские исследователи. Обратимся к тексту книги Роберта Вилтона, участиика следствия, и увидим картину, подтверждающую утверждения Соколова:

«Екатеринбургский период был продолжительиым мученичеством для Романовых, все время ухудшавшимся. Тюремщики, поначалу русские, с дьявольской изобретательностью мучили свои беззащитные жертвы. Это были грубые, криминальиого типа пьяницы, подонки, какие только революция могла выбросить на поверхность. Александра была специальным объектом их издевательств. Семья была в страшном положении, особенно страдала Александра. Но их вера в Бога и их любовь друг к другу освещала им кромешную тьму страшной тюрьмы. Над развратными

[42] Мельгунов ие имел возможности озиакомиться с протоколами «Предварнтельного Следствия» и особенио с многочислениыми снимками жуткой площадиой брани и иецензурными рисунками, которыми были разукрашены стеиы помещений, в которых содержалась Царская Семья.

песнями их мучителей плыли звуки Херувимской песни, русского гимна хвалы небес»[43].

И начали смягчаться сердца русских тюремщиков, и даже такого отпетого человека, как Авдеев. Он позволил на свой риск, скрыв это от Чрезвычайки, доставлять монашкам продукты из Новотихвинского монастыря и даже попросил принести Императору (так и назвал) табаку. Мельгунов объясняет такое отношение Авдеева обоюдной корыстью: от продуктов многое перепадало ему и страже. Но мы скорее склонны стать на точку зрения Вилтона и Соколова. Правда, Авдеев в своих «воспоминаниях» злобно отзывался о Государе, но это и немудрено. Был он пьяницей, человеком малограмотным, и «воспоминания» вряд ли им писались: «Не сомневаюсь: общение с Царем и его Семьей что-то пробудило в пьяной душе Авдеева и его товарищей. Это было замечено. Их выгнали... Семья была окружена чекистами. Это было уже приготовление к убийству» (Соколов).

Организаторы злодеяния не были уверены в преданности русских рабочих внутренней стражи. Поэтому, придравшись к мелкой краже Царского имущества, совершенной Мошкиным, его арестовали, Авдеева сменили и в дом Ипатьева привели новых, не русских тюремщиков. Место Авдеева занял Юровский, при помощнике Никулине, а Павел Медведев остался на своем посту. Затем прибыло еще десять человек, и, поселившись внизу, они приняли на себя внутреннюю охрану дома. Медведев этих тюремщиков считал «не нашими». И в самом деле, следствие точно установило по разным надписям и подписям на стенах, как и другим оставленным следам, что все эти десять человек чекистов являлись «омадьяренными» немцами (австрийцами). «Домом особого назначения» заправляли Голощекин, Юровский и Белобородов. Так как они являлись главными виновниками-исполнителями преступления, то не мешает ознакомиться с их революционно-криминальными биографиями.

Шая Исакович Голощекин, 42 лет, из Витебска, дантист, не работавший по своей специальности, а занимавшийся с молодых лет большевистской пропа-

---

[43] Царские Дети часто пели в заключении исключительно церковные песнопения и «Умер бедняга в больнице военной» на слова К. Р. (Вел. Кн. Константин Константинович).

гандой, играл немалую роль в московской компартии и был членом ЦК. Вместе со Свердловым Шая агитировал до революции на Урале, после чего сохранил с «председателем» ВЦИКа близкие отношения. Просидел в общей сложности Голощекин шесть лет в царской ссылке, в тюрьме, а после революции стал военным комиссаром Екатеринбурга и членом областного Совдепа. Бурцев, хорошо знавший Шаю, так его охарактеризовал: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации».

Александр Григорьевич Белобородов (Вайсбард?), 27 лет. Уральский рабочий, работавший короткое время помощником цехового конторщика. С 16 лет включился в революционную работу, в 1908 г. арестован и просидел в тюрьме шесть лет. После революции встретился со Свердловым в Перми. В начале 1918 г. становится «председателем» областного Совдепа, пешка в руках Войкова, Сафарова и Голощекина. Белобородова схватила Чека за кражу крупной суммы денег. Но вскоре его выпустили без последствий, оставив даже «председателем», но с тех пор Белобородов потерял всякую охоту перечить Москве.

Яков Михайлович Юровский (Янкель Юровских), 40 лет, Томской губернии, часовщик и фельдшер военного времени. Отец Юровского, Хаим, был сослан за кражу в Сибирь. В 1905 г. Юровский уехал в Германию и там, изменив вере отцов, перешел в лютеранство, вероятно, из-за каких-то выгод. Очень плохо о Юровском отзывались даже его близкие родственники. Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы — Эле Лея добавляла: «Яков деспот и эксплуататор». По Сиднею Гиббсу, был Юровский «злой, хладнокровный палач». По историку Мельгунову, «самый отпетый преступник». Вернулся из-за границы Юровский со средствами, неизвестно откуда добытыми, открыл для маскировки фотографическое дело и начал заниматься революционной деятельностью. Будучи «комендантом» «дома особого назначения», он являлся самым кровожадным и жестоким среди убийц Царской Семьи, и даже его «коллега-палач» Войков поражался свирепости Якова, требовавшего крови мальчика-поваренка. В Екатеринбурге среди чекистов и в Совдепе Юровский пользовался исключительным влиянием.

Схваченный тюремщик Филипп Проскуряков на

допросе показал следующее: «Авдеев хотя и был простым и примитивным рабочим и иногда напивался, но во время его комендантства ни он, ни его товарищи не делали ничего дурного Царской Семье. Юровский и Никулин вели себя иначе. В их время Царская Семья страдала больше. Файка Сафонов начал писать разного рода нецензурные слова».

Следственные органы тщательно записали и засняли все нецензурные слова, похабные фразы и целые стихотворения, которыми пестрели стены коридоров, дверей и других мест, по которым проходили Узники. Особенно излюбленным местом такой похабщины были двери уборной и стены около нее. Содержание этой заборной литературы таково, что даже издатели бульварных романов вряд ли бы решились такие вещи печатать. Однако авторы английской книги «Досье Царя» не постеснялись ей воспользоваться (см. с. 45 книги). Большевистский исследователь Касвинов в 1979 г., несмотря на все приведенное, продолжал утверждать, что отношение чекистов к Царской Семье в заточении было «гуманным». Правда, «советский гуманизм» и поныне продолжает показывать свое звериное лицо!

Продолжая свои показания, тюремщик Проскуряков рассказал, как Юровский и Никулин напивались в доме Ипатьева и в пьяном виде горланили большевистские песни. В результате всего этого и остальные тюремщики стали вести себя по отношению к Царской Семье гораздо хуже. Однажды Вел. Княжна Анастасия Николаевна выглянула в окно. Тюремщик Подкорытов выстрелил в нее, но промахнулся. Медведев доложил об этом происшествии Юровскому, но последний только ответил: «Они не должны смотреть в окна».

Однако Касвинов, ссылаясь на Соколова, старается уверить читателей, что Медведев в своем показании заявил: «За время их (т. е. Царской Семьи) заключения в Ипатьевском доме никакого издевательства над царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось». Эта цитата является фабрикацией Касвинова и у Соколова отсутствует.

Уже в начале 1920 г. Юровский снова появился в Екатеринбурге и как «знатный» убийца получил в награду лучший особняк в городе. Английский ка-

питан Франсис Мак-Коллаг, посетивший Екатеринбург в марте 1920 г., описал свою встречу с главным убийцей Царской Семьи: «В Екатеринбурге я задержался несколько недель и, вращаясь в обществе местных большевиков, узнал, что в городе живет Юровский, человек, который убил Царя. Я отправился его повидать и нашел занимающим один из самых лучших домов Екатеринбурга, почти что напротив Английского Консульства, только в трехстах шагах от места, где был убит Царь. Большевики сделали Юровского инспектором государственной страховки на всю Екатеринбургскую область, и жил он с большим комфортом, но имел серьезиую сердечную болезнь» [44].

До сих пор идут споры, где была решена судьба Царской Семьи: в Москве или на Урале? И что толкнуло большевиков на такое чудовищное преступление? Еще в 1920 г. Роберт Вилтон категорически утверждал: вопрос уничтожения Романовых был решен в Москве! Хотя Ленин и одобрял тенденцию «власть на местах», но этот лозунг был лишь дымовой завесой. Действительной силой являлись ВЦИК и Чрезвычайка. В стенах этих двух зловещих учреждений и была решена судьба Екатеринбургских Узников. Впервые большевики признали полностью убийство в статье Быкова[45], в которой он хотел доказать, что уральские большевики действовали по своему усмотрению. Но, «не желая брать на себя ответственность, Совдеп вел переговоры с центром» [46]. Предполагалось устроить над Государем «показательный суд с главным обвинителем Троцким», Голощекин должен был ехать на Урал и подготовить все для пародийного процесса. Но когда он приехал в Екатеринбург, фронт Белых уже начал зажимать в клещи город (Челябинск пал около 15 июня, Тобольск двумя неделями раньше). Тогда якобы Уральский Совдеп «решил расстрелять Романова». По Мельгунову, иную конъюнктуру давал рассказ Вой-

[44] Юровский имел дочку, про которую кап. Мак-Коллаг писал, что у нее было лицо мадонны. Была она еще более фанатичной большевичкой, чем ее отец, и, возглавляя местный комсомол, вела яростную кампанию против религии.

[45] Быков сменил Белобородова на посту «председателя» областного Совдепа. По имеющнмся у нас фотографиям и после Октябрьской революции он любил щеголять в золотых погонах.

[46] Другими словами, боясь и не смея.

кова, записанный Беседовским. По этой «исповеди раскаявшегося чекиста», большевики хотели использовать Царя как козырь в торге с немцами[47]. Ленин в дебатах указывал, что французская революция не тронула королевских детей. Уральских чекистов больше всего поддерживали жадные до крови Свердлов и Крестинский. Центральный комитет был в нерешительности. Тогда Екатеринбургские большевики заявили, что ввиду создавшегося положения на фронте они не ручаются за сохранность Царя, предвидя, что может случиться, если Он будет освобожден Белыми. После этого Москва приняла решение расстрелять всех Романовых, но дала строжайшие инструкции скрыть убийство членов Семьи. По мнению Мельгунова, план преступления был выработан в центре и систематически осуществлялся летом 1918 г. Гутман (Ган) писал: «Нужно было убить так, чтобы произошло в провинции и было выполнено местной властью, якобы без санкций центральной власти». В изложении Керенского, переговоры Кремля с Уралом были фиктивными, и план злодеяния выработали задолго до угрозы Уралу Белыми, в интимном кругу Ленина. Быть может, в основе была месть за брата Александра, казненного за покушение на жизнь Императора Александра III.

Как только вопрос об убийстве Царской Семьи был решен, приступили к разработке его исполнения. Голощекин предлагал расстрел за городом; Белобородов советовал инсценировать похищение и увоз Семьи; Войков выдвинул фантастический план расстрела у реки, после чего тела должны были бросить в воду с привязанными гирями. В результате споров был принят план убийства в доме Ипатьева с тем, чтобы Юровский привел его в исполнение, а Войков присутствовал как представитель областного Совдепа и потом как химик уничтожил тела. Все это мы узнали из «исповеди» Беседовского.

В нашей работе мы не будем говорить о самом злодеянии и об уничтожении тел: оно слишком чудовищно и подробности его всем давно известны[48].

---

[47] В этом случае миссия Яковлева в Тобольск с целью увоза Государя приобретает известный смысл.

[48] Советский невозвращенец Беседовский опубликовал рассказанную ему Варшавским полпредом Войковым, под влиянием выпитого, жуткую историю бойни в доме Ипатьева. Собы-

После расстрела Царской Семьи палачи приняли меры, чтобы замести за собой следы преступления. В решении уничтожить тела убитых ясно виден страх большевиков, чтобы их тела не «использовали контрреволюционеры как мощи, играя на невежестве народных масс». Почти что три года Советы замалчивали убийство членов Семьи и Царских приближенных и вряд ли раскрыли бы преступление полностью, если бы в Екатеринбурге не появился Соколов. Организаторы убийства и замалчивания правды никак не предполагали, что следствие будет вести такой опытный, энергичный и неутомимый человек, каким оказался Соколов. Его предшественники Наметкин и Сергеев уже завели следствие в тупик.

Заняв выжидательную позицию, большевики замалчивали Екатеринбургское преступление почти что три года, а потом было приказано Быкову, сменившему Белобородова, написать статью, в которой открыто было признано полностью убийство Имп. Николая II, Его Семьи и приближенных. Затем уже начали появляться описания в том же духе. В Большой Советской Энциклопедии (1958 г.) была напечатана небольшая заметка об этом: «Николай II был арестован по требованию Петроградских рабочих 8 марта. По постановлению Уральского Областного Совета Николай II и члены его семьи были расстреляны».

В ночь, когда было совершено злодеяние в доме Ипатьева, Екатеринбургские жители с надеждой прислушивались к орудийной стрельбе, и город был обойден Белыми с юга. 19 июля началось бегство

тие это имело место под новый 1925 год после вечера для сотрудников посольства. «Это была жуткая картина, — говорил Войков, держа в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови, который он снял с одной из своих жертв после расстрела. — Мы все, участники, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошел бы с ума». Тем не менее Польское правительство не побрезговало дать свое согласие на назначение Войкова на пост полпреда в Варшаве. Правда, солгав, Чичерин заверил поляков, что Войков не принимал участия в убийстве. Однако книга Роберта Вилтона «Последние дни Романовых» была издана уже в 1920 году, и роль Войкова в убийстве Царской Семьи на Западе была хорошо известна. Большевики и до сих пор яростно отрицают правдивость «исповеди» Беседовского и наличие у него записной книжки Войкова.

красных из Екатеринбурга, 22 июля большевики вернули дом Ипатьеву, а 2 августа в него вошел первый следователь Наметкин. Екатеринбургский Окружной Суд сменил Наметкина и 7 августа возложил следственную работу на члена Екатеринбургского Окружного суда И. А. Сергеева. Об его личности мы можем узнать из работ ген. Дитерихса, Вилтона, Соколова, Саммерса и др. Был Сергеев левым либералом, поддерживал Керенского, и выдвинуло его на пост следователя, по-видимому, Омское правительство, состоявшее из эсеров. Это правительство вовсе не было заинтересовано в следствии и раскрытии Екатеринбургского преступления. Пост министра правосудия в Омском правительстве занимал М. Старынкевич, социалист-революционер, бывший ссыльный, рассматривавший цареубийство как обыкновенное преступление. Старынкевич всячески противился смене Сергеева и назначению Соколова[49]. Авторы книги «The File on the Tsar», ставя под вопрос следственные методы Соколова и пытаясь скомпрометировать результаты его работы, негодуют на Белую администрацию за смещение Сергеева, которое как будто было вызвано его либеральными взглядами, еврейским происхождением и тем обстоятельством, что вел он следствие по правильному пути, выразив уверенность, что большинство членов Царской Семьи не погибло в доме Ипатьева[50].

На самом же деле Сергеева сменили по следующим причинам: 1) он не являлся следователем, как Соколов, и по российским законам, как судья, следствия вести не мог; 2) проделав серьезную работу, Сергеев, как и его предшественник, не потрудился побывать на руднике урочища Четырех Братьев, где были обнаружены следы уничтожения тел и материальные доказательства преступления (Наметкин один раз посетил Ганину Яму, но пробыл там очень короткий срок); 3) совершенно естественно, что Белая администрация не желала, чтобы следствие о цареубийстве вел последователь Керенского, которого она считала одним из главных виновников гибели Цар-

[49] Ссылаясь на Лондонский «Таймс» от 18 февраля 1919 года, Вилтон писал, что Старынкевич был так недоволен работой Соколова, что призывал к его убийству.

[50] Это утверждение как раз неверно, и мы опрозергаем его документами следствия.

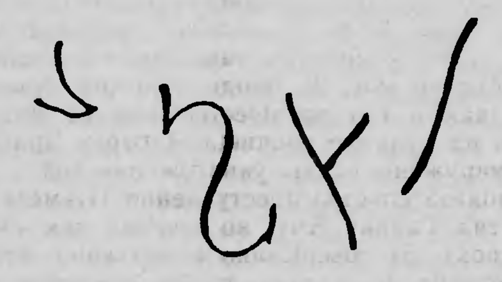
ской Семьи. В феврале 1919 г. Старынкевич подписал распоряжение Сергееву сдать следственный материал следователю по особо важным делам Н. А. Соколову (Протокол № 23, с. 249).

В ходе следствия в доме Ипатьева, в подвальном помещении, где было совершено преступление, Сергеев обнаружил надпись на стене по-немецки:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht,

взятую из стихов Гейне Belsatzar, с выпущенным словом aber. Перевод этого двухстрочия следующий: «В эту самую ночь Валтазар был убит своими слугами (холопами)». Содержание стихов взято Гейне из библейской истории, в которой царь Валтазар, унижавший израильскую Иегову, был убит своими собственными слугами. Авторы «Досье Царя» рассуждают по поводу этой надписи таким образом: несколько Екатеринбургских большевиков были евреями[51], как и Гейне. Стихи описывают суверена, не еврея, который оскорбил Ветхий Завет Израиля. Авторы книги задаются вопросом: была ли эта надпись сделана евреем, хваставшимся убийством Царя, или кем-то другим, намеренно желавшим обвинить евреев в смерти Царской Семьи?

В той же комнате, на южной стене, были обнаружены четыре кабалистических знака, которые мы приводим ниже.

В Британском музее находится брошюра Энеля «Жертва», переведенная на русский Верным, в которой Энель делает попытки расшифровать значение

[51] Члены Областного Совдепа: Голощекин, Войков, Вайнер, Сафаров, Сыромолотов, Хотимский и Юровский. Чрезвычайная тройка: Голощекин, Чуцкаев, Юровский.

этих знаков. Саммерс / Менгольд говорят о приведенных символах так: ученый Энель пришел к заключению, что первые три знака (символа) были буквой Л на греческом, древнееврейском и самаритянском языках еврейской истории. Из самой брошюры мы узнаем следующее: «Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы».

По мере прогресса следствия новые факты были установлены. Соколов определил точно роль Ермакова, давно связанного с Голощекиным. Это был самый обыкновенный преступник-грабитель, сосланный за свои деяния на каторгу, а после революции, за «разбойничьи услуги», назначенный Верх-Исетским военным комиссаром. Хорошо знавший все окрестности Екатеринбурга и лесную глухомань, Ермаков со своим помощником, матросом Вагановым, был привлечен Голощекиным для выбора места и уничтожения тел!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как уже было упомянуто в начале этой работы, некоторые лидеры русской эмиграции (главным образом монархисты немецкой ориентации) и уцелевшие члены Дома Романовых вопреки неоспоримым фактам не хотели верить в гибель Царской Семьи. Такой подход к факту Екатеринбургского злодеяния дал богатую пищу разным фантазерам на Западе и способствовал появлению самозванцев.

За последние 10—15 лет в Англии и Соединенных Штатах вышел из печати целый ряд книг, авторы которых рассказывали нам самые фантастические истории спасения Царской Семьи из Екатеринбургской западни, после чего Они исчезли бесследно, неизвестно куда или были вывезены агентами Союзников в Западную Европу.

Создавая свои небылицы, совершенно не зная характера ни Государя, ни Государыни, авторы этих книг заставили их «играть роль», на которую ни Николай II, ни Императрица никогда бы не пошли. Из многочисленных источников достоверно известно о фанатической преданности Государя и Государыни своей родине. Ни при каких обстоятельствах не согласились бы Царь и Царица покинуть Россию в беде. Допустим, что Союзным агентам все-таки удалось уговорить Царскую Чету решиться на этот шаг, но на «эмиграцию» в Австрию, Германию или Польшу (Вена, Бреслау) они никогда бы не пошли. Кроме того, приняли ли бы Царственные Узники условия своих таинственных избавителей жить долгие годы в Европе, среди сотен тысяч своих бывших верноподданных, теперь политических эмигрантов, в полном инкогнито из-за какого-то воображаемого страха быть опознанными большевистскими агентами! Совсем другого склада были Имп. Николай II и особенно Государыня, чтобы пойти на такие постыдные и унизительные условия. Надо иметь слишком буй-

ное воображение для того, чтобы поверить подобным сказкам.

Однако на Западе таким сказкам многие верили и продолжают верить. И существовала ли в действительности такая опасность от большевиков в Европе для Царской Семьи, чтобы должны они были до конца дней своих скрываться в подполье, совершенно изменив наружность? Однако соответственно тексту некоторых книг воображаемые спасители повезли жить Государя и его Семью как раз к советской границе в Польшу, которая в послереволюционные годы буквально кишела большевистскими шпионами и чекистскими агентами. Вот Троцкий, например, предпочел убраться от своих бывших красных собратьев по другую сторону земного шара.

После революции в России и окончания гражданской войны в Западной Европе проживало открыто и без всякого страху несколько представителей Дома Романовых. Во Франции — Вел. Кн. Николай Николаевич, негласно возглавивший русскую национальную эмиграцию. В изгнаиии находился Вел. Кн. Кирилл Владимирович, объявивший себя в 1924 году манифестом Императором Всероссийским. Затем в Сербии и Брюсселе вел политически крайне активную жизнь последний Глава Русского Национального Правительства, ген. барон П. Н. Врангель. Все они, да и многие другие, были в те годы потенциально более опасными врагами большевиков, но им и в голову не приходила мысль скрываться и уходить в подполье.

И можно ли допустить, чтобы Государь и все члены Царской Семьи, проживая долгие годы «где-то» в разиых местах Европы, ни разу не были узнаны людьми, которые их так или иначе знали? А первые два десятилетия после революции все страны Западной Европы были переполнены русскими эмигрантами, главным образом бывшими военными и русской интеллигенцией. Во многих городах даже существовали монархические центры. И интересно отметить, что отдельные члены Царской Семьи, путешествуя «инкогнито» по Европе, бывали узнаваемы людьми, их не знавшими. Так, по крайней мере, сообщают нам авторы некоторых работ. Как могло случиться, что ни один из заговорщиков, а особенно русских, входивших в так называемый отряд «спасения» (спа-

сательный отряд), сопровождавший Царскую Семью на пути из Екатеринбурга на Запад, ни разу не заговорил и не объявился? Все эти лица как в воду канули!

И наконец, за 62 года своего существования советская власть еще никогда и нигде не признавала преступлений, большевиками не совершенных. Делали всегда наоборот: яростно отрицали все злодейства и убийства, проводимые аппаратом массового уничтожения (ВЧК, Чрезвычайка, ГПУ, НКВД, МВД, КГБ). Если же поверить басням некоторых авторов об обязательстве Ленина выпустить Царскую Семью, данном, конечно, под давлением, то после поражения Германии этот аргумент также отпадал! Кроме того, ликвидации в разных застенках под покровом ночи были типичным и излюбленным большевистским методом уничтожения населения, и не только в СССР, но и в других коммунистических странах. Чтобы подействовать на психику людей и как можно больше запугать их, весь массовый террор и аресты производились главным образом ночью. Вспоминается мне последняя Пасхальная ночь 1950 г. в городе, где я вырос, в северо-восточной Югославии. Мы шли пешком по безлюдным улицам на Пасхальную заутреню в церковь, а зловещие агенты югославской секретной полиции (УДБ-а) гнали в тюрьму группы крестьян, арестованных за то, что они отказывались «добровольно» вступать в колхозы (надо сказать, что через несколько лет это насилие над крестьянами было прекращено).

К примеру сказанного в начале этой главы, назовем трех авторов, опубликовавших свои книги за последние 10—15 лет. Содержание их типично для подобной литературы, и поэтому нет никакого смысла терять время на другие работы, написанные в том же духе. Что их, почти всех, роднит — это жгучее желание тем или иным способом дискредитировать следовательскую работу Соколова. Некоторые авторы идут дальше и стараются изобразить духовный и физический облик следователя в весьма неприглядном виде. Вторая особенность подобного жанра, как уже было упомянуто, — это попытка уверить широкую читательскую публику на Западе в полной возможности спасения Царской Семьи из Екатеринбургской западни и даже в вывозе их из Советской Рос-

сии. И наконец, типично для всех таких произведений стремление их авторов пользоваться непроверенными, сомнительными сведениями, выхватывая из разных текстов информацию, выгодную их точке зрения, пренебрегая фактами, которые идут вразрез с их теориями и гипотезами.

Напрашивается вопрос: не проще ли было игнорировать подобную литературу как недостойную серьезного внимания? Да! Если бы не писательско-журналистская репутация авторов, успех их книг среди читательской публики на Западе, как и реакция советского радиовещания и органов печати на выход таких произведений.

Есть и еще одна важная причина, ради которой нельзя обойти молчанием разбираемые нами работы: в Советском Союзе растет интерес к трагической судьбе Царской Семьи. А сведениям из большевистских официальных источников советские граждане, умудренные горьким опытом, мало доверяют. И изданные на Западе книги, описывающие судьбу Царской Семьи, могут ввести их в заблуждение.

Уже было упомянуто о книге Gary Null «The Conspirator Who Saved the Romanovs», в которой ее автор создает романтическую картину побега Государя с Семьей, организованного бывшим секретарем Распутина, торговцем бриллиантами Аароном Симановичем. В эпилоге этой книги говорится об отъезде Государя в Польшу, т. к. он чувствовал, что хочет быть поближе к своей любимой России. Является совершенной загадкой, как Имп. Николая II не удалось открыть всесильным ГЕСТАПО, НКВД и польской коммунистической полиции. К этому вряд ли можно что-либо добавлять, т. к. в книге Gary Null больше фантазии, чем в русской народной сказке «Об Иване Царевиче и Сером Волке».

В 1970 и 1975 годах были изданы две книги известного журналиста и исследователя Guy Richards под названием: 1) «The Hunt for the Czar» и 2) «The Rescue of the Romanovs».

В этих работах автор не потрудился, по-видимому, как следует проверить полученные им сведения, достоверность приведенных фотографий. Ричардс не знаком с положением фронтов в гражданскую войну 1918—1920 годов, с укладом и обычаями русской жизни. В первой книге на фотопластинке 22 (сразу

же за с. 146) он воспроизводит малоизвестную фотографию Великих Княжон со следующим пояснением: предполагаемые Вел. Княжны Ольга, Татьяна, Анастасия и Мария, по утверждению полковника Голеневского, сфотографированные в Польше около 1921 г., приблизительно «три года после убийства». Автор книги не потрудился просмотреть общедоступные фотографии Царской Семьи. В противном случае он убедился бы, что приведенный им снимок был сделан летом 1917 г., что подтверждает собственноручная надпись с датой, сделанная Вел. Княжной Анастасией Николаевной (см. книгу Е. Е. Алферьева «Письма Царской Семьи из заточения», Св. Троицкий монастырь, 1974, с. 534).

Говоря о городе Казани, Ричардс называет его татарским, хотя был он основан до монгольского нашествия. В Казани в начале этого века проживало 83 процента русских и всего лишь 11,5 процента татар. И был этот город крупнейшим русским культурным центром. У автора появляется откуда-то вытянутое им, исчезнувшее с времен Петра Великого (конец XVII века) сословие бояр. Цитируя Райса без оговорок, он говорит о казачьем генерале Буденном, перешедшем на сторону большевиков в гражданскую войну после крушения антибольшевистских сил ген. Деникина на Украине. На самом деле Буденный не был казаком и в царской армии имел чин только вахмистра, примкнув к большевикам сразу в начале революции. Затем Имп. Николай II называется главой Церкви, что не соответствует действительности; к тому же после революции в России была установлена патриархия.

Совершенно наивной и абсурдной является информация Ричардса о том, что «бывший царь Николай II тайно сговаривался с маршалом Пилсудским о поддержке Белых против Красных». На самом деле Пилсудский был врагом русских, ненавидел Государя и предпочитал в России красный режим. Чемберлен в книге «Русская революция 1917—1920» (по-английски) писал, что Пилсудский считал, что «победа Белых будет противоречить польским национальным интересам».

Бывший Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России ген. А. И. Деникин по этому поводу писал следующее: «Год тому назад я выпу-

стил брошюру на польском языке, изложив в ней историю тайного соглашения Пилсудского с советским правительством и предательства Пилсудским вооруженных сил Юга России. Брошюра получила распространение в Польше и вызвала отзывы почти во всей польской прессе. Характерно, что большинство газет, по цензурным соображениям, воздержалось от оценки моральной стороны поступка Пилсудского. Только «Польска Збройна», официальный орган военного министерства, со злобой поведал: «Дело вовсе не в том, искренно или неискренно Пилсудский вел переговоры с советами или с Деникиным. Дело шло об ослаблении врага и об отношении, на почве личной и исторической, Иосифа Пилсудского к России новой — «красной» и к России старой — «белой». В белой России Пилсудский должен был видеть извечного врага, тогда как в России красной он мог видеть только кристаллизующийся хаос».

Что из этого хаоса выкристаллизировалось и как заплатила Польша за политику Пилсудского, показала дальнейшая история. (Цитировано из Деникина. «Мировые события и Русский вопрос», Париж, 1939.)

Необъективно осуждая следственные методы Соколова, «показавшего невероятную ловкость и проворство» в попытке доказать убийство Царской Семьи, автор неожиданно задается совершенно абсурдным вопросом: а не проделал ли Соколов всю свою гигантскую работу в Сибири и Европе с целью скрыть спасение Государя и Его Семьи?

Не будем разбираться во всех утверждениях Ричардса, а приведем еще один пример. Говоря об одном из главных участников преступления — Медведеве, автор книги заявляет, что показания его жены и обвиняемого противоречат одно другому. На самом деле Медведев понимал ясно, что его ожидает как цареубийцу, да еще в условиях гражданской войны, а поэтому всячески старался затушевать свою роль. С женой же он говорил откровенно и сразу после убийства рассказал ей правдивую историю. Тогда ему нечего было бояться, к тому же сам Медведев никак не ожидал, что будет схвачен Белыми. Показания Марии Медведевой очень категоричны и даны без всякого давления. С полной уверенностью можно сказать, что поступкам своего мужа она не

сочувствовала и сообщницей его идей не была. После допросов ее выпустили, несмотря на то, что у нее нашли часть награбленного Царского имущества. Уже этот факт доказывает гуманность следственных властей. Шла беспощадная гражданская война не на жизнь, а на смерть, и другая сторона — красные — без всякого милосердия уничтожала всех инакомыслящих и им не сочувствующих. И 9—10 ноября 1918 г. Мария Медведева решительно заявила судье Сергееву: «Во время убийства Царской Семьи стрелял и мой муж, единственный из Сысертских рабочих».

Вторая книга Ричардса носит более радикальное название «The Rescue of the Romanovs» и посвящена она, главным образом, так называемым «The Chivers Dispatches» — секретным документам, хранящимся якобы в Белом доме. При посредстве д-ра Кисингера (???) эти документы скопировал бывший депутат Британского парламента Петр Бессель и копии передал Ричардсу. В «Чайверс Диспетчес» описывается бегство Царской Семьи из Екатеринбурга, через Одессу на Запад под прикрытием ликвидации двух Царских слуг как инсценировки убийства всей Царской Семьи.

Убийство этих двух царских слуг Ричардс связывает с заявлением Царского камердинера Терентия Чемодурова. Поэтому нужно установить: что и кому говорил он об этом. Автор книги утверждает, что Чемодуров описывал разным лицам, как Романовы бежали под прикрытием упомянутого убийства. Это заявление, данное якобы Чемодуровым, совпадает с текстом «Чайверс Диспетчес» и усиливает, по Ричардсу, достоверность документов. Между тем на допросе у Сергеева Чемодуров говорил совершенно иное. Был он допрошен как свидетель 15—16 августа 1918 г. и, кроме остального, показал:

«11(24) мая из дома Ипатьева меня доставили не на вокзал, а в тюрьму, где я пробыл в заключении до 25 июля, когда Сибирские и Чехословацкие войска заняли Екатеринбург... Ничего не знаю о судьбе, постигшей моего Государя и Его семейство; не знаю ничего и о судьбе оставшихся при Государе лиц» (Протокол, с. 10 и 11).

Из этого заявления и пребывания Чемодурова в тюрьме с 11 мая до 25 июля ясно видно, что он

ровно ничего не знал о судьбе Ипатьевских Узников. Автор книги не потрудился проверить сомнительные сведения, заимствованные им, быть может, у BBC.

Относительно «Чайверс Диспетчес» Ричардс задается вопросом аутентичности полученных им от Бесселя документов, но приходит к заключению, что они не подделаны и содержат версию, в значительной мере новую, представляя совершенно ложной историю убийства Царской Семьи в Екатеринбурге. Между тем, если внимательно ознакомиться с детальной картой окрестностей Екатеринбурга, картами Российской Империи и фронтов гражданской войны в 1918—1919 гг., как и принять во внимание состояние здоровья Наследника Алексея Николаевича в июле 1918 года, то, безусловно, можно прийти к заключению, что документы, получившие название «Чайверс Диспетчес», являются грубой подделкой. И если эти «документы» действительно находятся в Белом Доме, то приходится сомневаться не в аутентичности «Чайверс Диспетчес», а в подлинности их сказочного содержания.

В своих комментариях к документам Ричардс говорит о дополнительной секретной клаузуле Брест-Литовского мира, по которой советское правительство обязалось немцам выпустить Царскую Семью. Сомневаемся, чтобы такая клаузула вообще существовала, и ее категорически отрицает историк Мельгунов. Документы из прусского архива, опубликованные историком Куртом Яговом, говорят, что датский король Христиан X, обеспокоенный тревожными известиями из Петрограда, обратился к Вильгельму с предложением вмешаться в судьбу Царской Семьи, но кайзер отклонил это предложение, и такое поведение Вильгельма и немецкого правительства было логичным последствием решительного отказа Государя вести переговоры о сепаратном мире, хотя условия, предложенные немцами, были крайне благоприятны: очищение всей занятой территории, предоставление России Константинополя, некоторые исправления прусских границ в пользу России и заем в размере десяти миллиардов золотых марок. Горячим сторонником мира с Россией был германский Кронпринц. Государь отверг все предложения немцев, оставшись верен своим Союзникам, которые очень скоро предали не только Его, но и Россию, поспешив признать созданную нем-

цами «Украинскую республику», несмотря на то, что находились в состоянии войны с Германией [52].

Кайзер Вильгельм знал об отрицательном к нему отношении Государя и Государыни. Они не просили и считали ниже своего достоинства просить у кайзера помощи, несмотря на то, что прекрасно сознавали свое трагическое положение. Посол немецкого правительства и брата Государыни Великого Герцога Эрнеста-Людвига Гессенского Магенер сказал С. Маркову следующее: «Я не понимаю вас, русских. Вы настаиваете, что Германия — только Германия — может спасти и должна спасти Государыню и Ее Семью, а ведь у нас не только при Дворе, но и повсюду даже известно, что ваша Императрица считает себя настолько русской, что ни за что не поедет в Германию и ни за что не согласится принять немецкую помощь».

Догадки Ричардса о соглашении Ленина с немцами об освобождении Царской Семьи, конечно, под давлением, не выдерживают критики хотя бы потому, что все это могло иметь силу до тех пор, пока немцы являлись господами положения и легко могли ликвидировать советский режим. После поражения Германии большевикам были развязаны руки, и они, конечно, отказались бы от данных ими обязательств, что как раз характерно для всей ленинской политики. А свое таинственное «путешествие» на Запад Царская Семья, по «Чайверс Диспетчес», начала только в конце декабря 1918 г., т. е. через 2 месяца после поражения Германии.

Но допустим, что соглашение между большевиками, немцами, американцами и японцами было достигнуто и план спасения Царской Семьи выработан в деталях, без соглашения с адмиралом Колчаком, на чьей территории Царственные Узники долго находились. По Ричардсу, главным организатором операции был вице-адмирал Ньютон Мак-Колли. Это тот Мак-Колли, о котором с таким теплом отзывался в своих воспоминаниях последний Глава Русского Национального Правительства в Крыму барон Петр Николаевич Врангель. Адмирал был при штабе Врангеля главой американской военной миссии.

«Чайверс Диспетчес» являются своего рода хроно-

[52] О «похабном» Сепаратном мире будет сказано подробнее дальше.

логическим собранием из 19 сообщений (депеш) от 10 июля 1918 года до 17 февраля 1919 года, посланных, по-видимому, американцем, одним из руководителей «отряда спасения».

Забегая вперед, скажем, что путь в 2700 с лишним километров от Екатеринбурга до Одессы, который должны были преодолеть Царственные Беглецы зимой через Урал и Европейскую Россию, по бездорожью и глубоким снегам, попадая то на красную, то на антибольшевистскую территорию, продолжался около двух месяцев. Мог ли вынести трудности такого путешествия больной Царевич Алексей? В этом приходится сильно сомневаться.

18 июля 1918 года ночью, т. е. на другой день после действительного убийства, Беглецы, по «Чайверс Диспетчес», окруженные «спасателями», покинули дом Ипатьева на грузовике и уже через час с небольшим достигли первой своей цели: трехэтажного особняка «министра торговли» («Японского убежища»), расположенного, как сообщает Ричардс, около деревушки Коптяки и Бизим-Баевска, т. е. в непосредственной близости от урочища Четырех Братьев и Ганиной Ямы, где как раз происходил последний акт Екатеринбургской трагедии.

А в доме Ипатьева было совершено убийство только двух Царских слуг, чтобы инсценировать преступление и замести следы бегства. Зная хорошо характер Николая II и Государыни, мы с полной уверенностью можем сказать, что они никогда бы не пошли на такую жертву ради спасения своих собственных жизней. На детальной карте Верх-Исетской волости, сделанной картографом Ярутиным для следственной комиссии, упомянутый особняк отсутствует. Было известно, что кое-кто из жителей Екатеринбурга проводил летние месяцы в Коптяках, снимая комнаты в крестьянских избах, но никаких больших особняков в окрестностях не существовало.

Сразу же после занятия Екатеринбурга Белыми и чехами началось интенсивное следствие и весь район урочища Четырех Братьев и Ганиной Ямы подвергся тщательному и систематическому осмотру. Крестьяне Коптяков проявили большое любопытство и с полной охотой свидетельствовали о виденном и пережитом в течение нескольких дней, начиная с ночи 17 июля. Р. Вилтон, в то время принимавший сам

деятельное участие в следствии, живущий в лесу около места уничтожения тел, подтверждает инициативу коптяковских крестьян при даче показаний. И многие жители этой деревушки заявили, что заметили они 17 июля перед рассветом и далее необычайное оживление, много вооруженных людей, грузовики, угрожающих им оружием чекистов, взрывы. Но, очевидно, эти события, продолжавшиеся и после 18 июля, не нарушали мира и спокойствия Царственных Беглецов в особняке «японской торговой миссии». Это, по крайней мере, можно заключить, ознакомившись с текстом «Чайверс Диспетчес».

И Царская Семья продолжала жить, изолированная в «полном инкогнито» от своих верноподданных. Адмирал Колчак и генерал Дитерихс являлись последовательными, убежденными монархистами, и Государю было это известно. Можно задаться вопросом: пытались ли союзные агенты — «спасатели» насильственным путем помешать Николаю II объявить себя? Конечно, нет! Быть может, сам Император пожелал скрыться от своих верных приверженцев? На этот вопрос нам ответил Соколов: «В своей душе Он никогда не хоронил нас и продолжал оставаться нашим Царем».

И существует еще один важный вопрос: могла ли Царская Семья проживать с 25 июля до 20 декабря 1918 г. в непосредственной близости от Екатеринбурга, в центре производимого следствия, и не быть замеченной? Эта возможность исключена! Ведь кто-то доставлял все время продукты в особняк (конечно, крестьяне) на большое количество людей, к Государыне вызывался какой-то доктор.

Авторы «Чайверс Диспетчес», кроме остального, пытаются дискредитировать Государя в глазах евреев, очевидно, американских, сообщая несколько раз об юдофобских рассуждениях Николая II. Зная сдержанный и деликатный характер Государя, мы должны отбросить это как злостную преднамеренную клевету! И не являлась ли такая клевета целью всей фальшивки?

Итак, 19 декабря 1918 г., по сообщению «Чайверс Диспетчес», Царская Семья покинула свое первое убежище и по глубокому снегу и бездорожью на автомобилях (!) двинулась в Кунгур (в депеше название переврано), находившийся приблизительно в

80 километрах от Перми, где в это время шли жестокие бои с красными, и Пермь пала 20 декабря. Таким образом, спасательный отряд с Царской Семьей двигался по пути продвижения войск армии Колчака, наступавших на северо-запад, и никто из Беглецов не вызвал подозрения и не был опознан.

Из Кунгура тронулись дальше 3 января 1919 г., но где и каким образом интернациональной группе агентов удалось благополучно перевести Царскую Семью через линию фронта, в красную зону, составитель депеш нам не сообщает. По всей вероятности, их автор не представлял себе линий фронтов гражданской войны в этот период! Дальше путь лежал через Симбирск — Хвалынск — Тамбов — Павловку — Екатеринослав в Одессу, в которой весной 1919 г., до взятия города Белыми, царил хаос под номинальным французским контролем. Приведенные города маршрута в депешах также переврваны или дана только часть названия. Например, вместо Екатеринослава только Екатерино.

В Херсоне Беглецы остановились в «пустом монастыре» в 12 милях от города. Таким монастырем мог быть только многолюдный Херсонский Благовещенский, имевший около 200 монахинь и послушниц. Но в период гражданской войны он оставался нетронутым и был закрыт большевиками только в 30-х годах.

17 февраля 1919 года «спасательный отряд» с Государем и его Семьей, по «Чайверс Пейперс (Диспетчес)», прибыл благополучно к месту своего назначения в Одессу. На этом и кончается содержание мистифицированных депеш. Но затем Ричардс публикует письмо лорда Гардинга на имя английского Короля Георга V, «разысканное» якобы Петром Бесселем также в архивах Белого дома. В этом письме лорд Гардинг сообщает о пути спасения Государя и Великих Княжон Ольги, Марии и Татьяны из Одессы, через Константинополь, Софию и Линц в Бреслау. Ричардс высказывает предположение, что Государыня с Наследником и Вел. Княжной Анастасией были оставлены где-то в госпитале Румынии или Болгарии.

Говоря о болгарском промежуточном эпизоде, автор книги подчеркивает необходимость для Царской Семьи находиться в подполье и скрывать свое место-

пребывание из-за страха, чтобы Ленин и Троцкий не «послали свой флот к болгарскому берегу и оккупировали эту маленькую балканскую страну». Ричардс, очевидно, не имеет понятия, что в описываемый им период Сибирская Армия адмирала Колчака и Вооруженные силы на Юге России под командованием ген. Деникина вели наступление на всех фронтах, и большевикам нужно было думать, как спасти свою собственную шкуру, а не о попытке захватить Болгарию только из-за того, что эта страна укрывала Царскую Семью, которую, по Ричардсу, большевики сами согласились выпустить. К тому же никакого Черноморского флота Ленин и Троцкий не имели! В начале революции флот был приведен большевиками же в полную негодность и к 1919 году частично восстановлен, но не Красными, а Белыми (включая современный линейный корабль «Генерал Алексеев»).

В 1974 г. вышла в свет книга «The File on the Tsar» («Досье Царя»), вызвавшая реакцию московского радиовещания. Авторы этой книги, написанной полвека спустя после Екатеринбургской трагедии, далеко от места описываемого преступления, с легкостью телевизионных репортеров предложили читателям свою гипотезу, правдоподобную в свете «свидетельских показаний», о том, что большевики перевезли куда-то почти всех членов Царской Семьи из Екатеринбурга живыми. Как судья Сергеев и сэр Чарлз Элиот, так и авторы книги думают, что только Царские слуги были убиты в доме Ипатьева и их тела уничтожены в рудчике Ганина Яма. Таким образом, легенда, созданная Guy Richards-ом и другими, получила свое продолжение в книге Антони Саммерса и Тома Менгольда.

Надо отдать справедливость авторам «Досье Царя» — они потрудились немало, проделали огромную работу, затратив большие средства с определенной задачей: во что бы то ни стало доказать, вопреки всем фактам и здравому смыслу, ложность сибирского следствия и уверить своих читателей в вывозе почти всей Царской Семьи живыми из Екатеринбурга. А для того чтобы достигнуть этой цели, нужно было как можно больше дискредитировать следственную работу Соколова, подвергнуть уничтожающей критике не только методы его работы, но и самого Соколова как человека.

Саммерсу и Менгольду не удалось найти оригинальное досье Соколова — «Царское Дело», но после долгих поисков им посчастливилось: они обнаружили копию Роберта Вилтона в Гарвардском университете. В процессе поисков материала авторам не пришла в голову мысль, что на Западе существует еще одна копия «Царского Дела», принадлежавшая генералу Дитерихсу. Роберт Вилтон, принимая участие в следствии, жил летом 1919 года вместе с Соколовым в лесу, около Ганиной Ямы, и собирал сведения независимо от других, для себя, а кое-что из оригинальных протоколов мог и выпустить.

Авторы «Досье Царя» интересовались не только следственными методами Соколова, но и его наружностью и характером: он выглядел неуравновешенным и был очень нервным, пишут о нем Саммерс и Менгольд, и далее цитируют какого-то не названного ими военного: «При первых слухах о приближении большевиков Соколов упаковал свои вещи и бросился в Омск. Тогда мы его схватили и отправили обратно в Екатеринбург». Таким образом, авторы книги пытаются представить Соколова трусом! Факты говорят противоположное. Большевистская революция застала Соколова в Пензе, и он проделал огромный путь пешком через весь Урал, чтобы достичь освобожденной от красных территории. Шел Соколов, переодетый в крестьянскую одежду, подвергаясь все время опасности быть опознанным и схваченным большевиками. Такой путь требовал хорошей сноровки, крепких нервов, большой выдержки и мужества.

Соколов не убегал из Екатеринбурга, и никто из «военных» не имел никакого права возвращать его обратно. В действительности он получил предписание Главнокомандующего Восточной Группы покинуть Екатеринбург и вывезти с собой «все акты подлинных следственных производств» (Документ № 294 от 11 июля 1919 г., с. 937. «Совершенно секретно»).

И Соколов покинул Екатеринбург в последний момент. Вот как описал Роберт Вилтон его последние часы в городе: «Я вспоминаю ночь нашего отъезда из Екатеринбурга. Красные приближались, но Соколов отправился во мрак и дождь, чтобы получить сведения от важных свидетелей-крестьян. Они могли посадить его в погреб и выдать красным. Он назвал себя и объяснил цель своего посещения. Снабжая его ин-

формацией, крестьяне подвергались большому риску. Соколов объяснил им, кто он. «А теперь, что вы намерены сделать? — спросил он. — Поможете ли вы правосудию? Помните ли вы, что тот, кто убит, был вашим Царем?» И они выбрали путь чести и самопожертвования».

Авторы книги пишут о том, как бывший премьер Керенский сказал про Соколова: «Стойкий, крайний монархист». Будучи сами подданными Ее Величества королевы Елизаветы, Саммерс и Менгольд хотят этой фразой, по-видимому, показать, что монархист не мог честно и добросовестно вести следствие об убийстве Царской Семьи. Не знаем, сказал ли Керенский про Соколова приведенную ими фразу, но хорошо известно, как охотно бывший премьер давал показания Соколову в Париже, став на его точку зрения по поводу убийства Царской Семьи в Екатеринбурге.

Стараясь использовать в своих целях всякий частный разговор Соколова, Саммерс и Менгольд пишут: «Теперь мы знаем, что Соколов настроил себя по поводу окончательной судьбы Царской Семьи до того, как он даже приступил к следствию». Так ли это? Как опытный следователь, Соколов профессиональным чутьем сразу понял, что он напал на верный след, и в какой-то форме выразил свое собственное мнение. Ведь мемуарист не вел стенографической записи разговора. Поголовное истребление всех членов Дома Романовых, где бы они ни находились (Петроград, Пермь и Алапаевск на Урале), включая даже крупного историка, Великого Князя Николая Михайловича [53], которого не спасло заступничество Максима Горького, дало Соколову ключ к решению преступления! Он понял, что большевики твердо решили уничтожить всех Романовых, даже тех, которые не играли никакой роли в политической жизни страны до революции. Следователю стало ясно: Царская Семья большевиками уничтожена. Нужно было только искать доказательства, и Соколов их нашел!

---

[53] В БСЭ за 1974 год есть следующее о Вел. Князе: «Историк, Предс. русск. Ист. ор. Об-ва. Стоял в стороне от придворной жизни. Автор ряда исследований по русской истории. При непосредственном участии Н. М. издан ряд важных в историко-культурном отношении публикаций». Затем перечисляются труды. Авторы заметки не пишут только, что такого человека Чека расстреляла в Петрограде без всякого суда.

Авторы книги хотят уверить читателей, что «рука армии» в лице генерала Дитерихса находилась за спиной Соколова. Какие на это у них данные? Назначение следователя пришло от адмирала Колчака, и он был вполне независим в своей работе. Соколов получал помощь и поддержку со стороны ген. Дитерихса, но иногда между ними возникали очень большие и серьезные трения, следы которых ясно отразились в их переписке и газетных заявлениях Соколова.

Лишено также всякого основания утверждение авторов о желании Белого командования и администрации во что бы то ни стало доказать убийство Царской Семьи, что якобы отвечало интересам Белых. В рядах Добровольческой армии сражались люди разных убеждений, и белые вожди не ставили себе целью восстановление монархии, а лишь свержение кровавых большевистских узурпаторов, после чего народ сам должен был выбрать себе форму правления. И правильно заметил историк Мельгунов, что в те дни бо́льшими реставраторами были левые либералы во главе с первым министром иностранных дел Временного Правительства П. Милюковым, который хлопотал о восстановлении монархии при помощи немцев. Быть может, Белые и совершили фатальную ошибку, не приняв во внимание приверженности крестьянской России к монархии и Царю-батюшке. Но факт остается фактом: Белые вовсе не были заинтересованы во что бы то ни стало доказать то, чего не было, и авторы книги не могли нам представить ни одного достоверного документа, подтверждающего их теорию. Адмирал Колчак, поручая следствие Соколову, хотел знать правду, только одну правду.

Одним из важных аргументов авторов «Досье Царя», подтверждающих их гипотезу, являются, как они пишут, неоднократные заявления второго следователя, судьи Сергеева, о том, что он не верит в гибель всей Царской Семьи в доме Ипатьева. На странице 80-й их книги мы находим следующую цитату: «Я не верю, что все они — Царь, Его Семья и остальные с ними — были застрелены там» (Судья Сергеев, декабрь 1918 г.).

Далее печатается содержание заявления, которое Сергеев сделал Герману Бернштейну, репортеру «Нью-Йорк Трибюн». Достав из стола голубую папку

с надписью «Дело Николая Романова», судья подтвердил Бернштейну, что он не верит, что все они — Царь, Его Семья и остальные с ними — были убиты там. По его мнению, только Николая II, профессора Боткина, двух лакеев и Демидову расстреляли в доме Ипатьева. Это заявление, как мы полагаем, является газетным вымыслом. Под администрацией адмирала Колчака досье о Екатеринбургском убийстве никак не могло носить название «Дело Николая Романова». Для Белых низложенный монарх оставался Императором или бывшим Императором! К тому же сам Сергеев дал название своему досье: «Дело об убийстве бывшего Императора Николая II и членов Его Семьи». И в своем постановлении, противно утверждениям авторов «Досье Царя», Сергеев без колебания пришел к заключению, что вся Царская Семья была убита в ночь на 17 июля 1918 года в доме Ипатьева. Вот выписка из досье Сергеева:

«Обсудив изложенное и обращаясь ныне к разрешению вопроса об ответственности лишь одного задержанного Медведева, надлежит признать:

1) что, по собранным следствием данным, *событие преступления представляется доказанным*[54];

2) что бывший Император Николай II, бывшая Императрица Александра Феодоровна, Наследник Цесаревич, Вел. Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов;

3) что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявшие при Царской Семье лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп;

4) что убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых;

5) что соучастие Павла Спиридонова Медведева в совершении означенного преступления по уговору и сообща с другими лицами *представляется доказанным*[55]. Я, производящий следствие, Член Окружного Суда Сергеев, руководствуясь 393 ст. Уст. Уг. Суд.,

---

[54] Курсив наш.
[55] Курсив наш.

постановил...» (Протокол, с. 195—199). Далее говорится о привлечении Медведева к ответственности за убийство Царской Семьи.

Этим документом аннулируется один из важных аргументов авторов книги, с такой симпатией относящихся к Сергееву и так полагающихся на его мнение.

Важен также спор о найденном человеческом пальце. Напомним читателям, что, кроме других многочисленных вещественных доказательств, в руднике урочища Четырех Братьев был обнаружен человеческий палец. Саммерс и Менгольд приводят его изображение на снимке № 33, поясняя, что Соколов вынес заключение, что палец принадлежит Императрице. Далее они ссылаются на мнение патолога, профессора Кампса, который обвинил Соколова в «занятии тонким искусством самообмана до невероятной степени».

Из книги Соколова «Убийство Царской Семьи» мы узнаем совсем иное. На странице 216 в параграфе 63 написано следующее:

«Экспертиза определила:

2) Этот палец принадлежит, по всей вероятности, руке человека, знакомого с маникюром, и имеет вид выхоленный.

3) Экспертиза более склонна признать, что этот палец — женщины, имевшей тонкие длинные пальцы...

5) Палец принадлежит взрослому человеку средних лет».

Таким образом, сам Соколов никаких выводов не делал, а палец был передан на заключение экспертам. Нужно сказать, что в 1917 г. на Урал перевели Петроградский университет, и на медицинском факультете работало достаточно высококвалифицированных патологов. Кроме того, допрошенный как свидетель полковник Кобылинский показал, что предъявленный ему следствием палец похож на пальцы Императрицы: «Ногти у Нее были длиннее конца пальцев и были полукруглые. Ни Государь, ни Боткин, ни Демидова маникюром не занимались».

В том же духе дала свое показание и Эрсберг (Досье, с. 760—761). Таким образом, из вышеприведенного вытекает, что человеческий палец, найденный в урочище Четырех Братьев на месте уничтоже-

ния тел, мог принадлежать только Государыне Александре Феодоровне.

Саммерс и Менгольд рассыпаются в комплиментах «коменданту» дома Ипатьева, главному виновнику преступления, Якову Юровскому, стараясь уверить читателей, что он вовсе не был таким изувером, каким его представляют многие исследователи и каким, очевидно, он представлен в этой работе. Его участие в убийстве Царской Семьи вполне доказано и признано Сергеевым, и об этом нет надобности говорить. Участие Юровского в уничтожении тел около Ганиной Ямы и урочища Четырех Братьев подтверждается показанием горного техника А. И. Фесенко. Знавший в лицо Юровского, он встретил его там 11 июля с Ермаковым и еще одним неизвестным лицом. В том же районе 15 июля Юровского повстречал другой свидетель — Волокитин. На месте уничтожения тел, около рудника, были обнаружены порванные страницы анатомического трактата на немецком языке, как и немецкая газета из Германии. Среди убийц Юровский был единственным фельдшером, знал кое-что из анатомии, жил до революции в Германии и владел немецким языком.

Говоря о Юровском, Саммерс и Менгольд пишут следующее: «То, что мы знаем об его поведении до и во время занимаемой должности, с трудом может подтвердить, что он являлся сторонником насилия». Далее они дают со слов какого-то доктора, у которого Юровский работал помощником хирурга, такую характеристику этому закоренелому преступнику: «Юровский являлся честным, квалифицированным и сознательным работником... Он был образован, хорошо начитан. В действительности Юровский оказался более мягок и имел больше чувства ответственности, чем Авдеев...»

Можно ли согласиться с этими утверждениями авторов «Досье Царя»?

Из текста «Предварительного следствия, произведенного судебным следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым» мы узнаем следующее: звали упомянутого доктора, приятеля Юровского, Кесорин Архипов, и был он лишь зауряд-врач. Сведения об Архипове сообщили следственным властям: непосредственный начальник его — доктор Белоградский, управляющий одной из екатеринбургских аптек —

Лытлин, как и другие лица. Сам Архипов был допрошен, и у него произвели тщательный обыск. На основании собранного материала следствие установило, что Юровский вел тесную дружбу с Архиповым еще до революции и в больнице был «правой рукой» доктора. Архипов делал Юровскому всяческие послабления, и их дружба не прекратилась, даже когда Юровский стал видным членом Екатеринбургской зловещей Чрезвычайки. Благодаря личным отношениям Архипов и пытался выгородить Юровского. При обыске у доктора и обнаружили собственноручное письмо Юровского, воспроизведенное в копии ген. Дитерихса так, как его писал сам Юровский. Из его текста мы можем легко заключить, что автор письма был малограмотен (учился Юровский в русско-еврейской школе «Талматейро», но учение бросил, не окончив школы).

Главным обвиняемым в Екатеринбургском злодеянии, которого следственным властям удалось арестовать, был Павел Медведев, принимавший сам участие в убийстве. Кроме него, были схвачены еще два охранника и разводящий стражи в доме Ипатьева. Двое из них рассказали следственным властям об убийстве всей Царской Семьи со слов Медведева и своих товарищей тюремщиков, бывших так или иначе свидетелями преступления. Третий, по всему судя, наблюдал убийство, следователю в этом не признался, но был уличен родной сестрой, которой рассказал о том, как он лично присутствовал при злодеянии.

Показания этих трех охранников в описательных деталях иногда сбивчивы (напр., как выглядела Демидова), что можно считать вполне естественным, т. к. все они не являлись профессиональными преступниками, попав в охранники скорее случайно, были людьми простыми и необразованными. Но в главном, в описании убийства всей Царской Семьи со слугами, их показания вполне сходятся.

Саммерс и Менгольд замечают, что Медведев был у Соколова «star witness» («главный очевидец»). Они приводят рассказ помощника прокурора Николая Остроумова о допросе Медведева, на котором он присутствовал. Авторы книги подчеркивают, что заявление Остроумова было частью письма, написанного с целью доказать защитникам лже-Анастасии, как настоящая Великая Княжна погибла в застенке дома

Ипатьева. Мы не придерживаемся этого мнения. Как бы ни держал себя Остроумов в деле лже-Анастасии, допрос Медведева он описал правдиво.

Саммерс и Менгольд повествуют об их встрече с сэром Томасом Престоном в 1971 г., рассказавшим им, как Медведев признался в преступлении под пытками. Они не приводят доказательств, которыми Престон располагал, чтобы подтвердить им сказанное. Далее в книге мы читаем об их ссылке на капитана Генерального штаба Белоцерковского, бывшего главой Екатеринбургского Военного Контроля, якобы сказавшего какому-то приятелю, уже вне пределов России, что Медведев умер после того, как «I hit him once too often» («Однажды я слишком сильно его избил»). В доказательство своих догадок авторы добавляют следующее: «Обе стороны в гражданскую войну употребляли пытки!»

История с заявлением капитана Белоцерковского особого внимания не заслуживает! Какому другу, где и когда сделал кап. Белоцерковский это хвастливое признание и какие доказательства нам могут дать Саммерс и Менгольд в подтверждение своей теории? Их заявление о том, что обе стороны в гражданскую войну применяли пытки, не соответствует истине, и мы отсылаем авторов книги к серьезной и обстоятельной работе историка Мельгунова «Красный террор в России». В этой книге, изданной и на английском языке, Мельгунов, основываясь на собранных им фактах и документах, категорически утверждает: «Белого террора в гражданскую войну в России не существовало».

Расследование убийства Царской Семьи в Екатеринбурге велось чуть ли не на виду всего цивилизованного мира и, в частности, было освещено представителями американской печати. Майор Слотер, начальник Американской Военной Миссии в России, 15 апреля 1919 г. заявил товарищу прокурора Омского Суда Розову следующее: «Интересующий вас вопрос об отношении большевиков к убийству бывшего Императора Николая II освещен в американской прессе довольно подробно. Материал собирался в России заведующим бюро печати в г. Вашингтоне г. Снесоном и представителями газет «Нью-Йорк Геральд» Бернштейном и «Таймс» — Акерманом».

Следственные органы Наметкина, Сергеева и Со-

колова не применяли никакого насилия над задержанными и подследственными лицами. Установить это, даже и в настоящее время, не так трудно.

Следствием был допрошен горный техник Фесенко, о котором уже упоминалось. Он показал Юровскому и его окружению путь в Коптяки. Вилтон в своей книге «Последние дни Романовых» рассказывает более подробно об этом человеке. Фесенко следил за работой следственной комиссии около рудника у Ганиной Ямы, хотя и подозревался в симпатиях к большевикам. Вилтон обратил на него внимание, думая, что Фесенко является одним из людей Соколова. Неожиданно незнакомец воскликнул: «You will have to look very, very hard» («Вам надо будет очень, очень тщательно искать»).

Затем он пустился в рассуждения о том, что дело уничтожения тел огнем, кислотой и керосином является мифом. Вилтон направился к Соколову и рассказал ему о неизвестном человеке. «Это, должно быть, Фесенко, — заметил следователь. — Он привел Юровского сюда. Он только лишь молодой и глупый большевик!» Вилтон был удивлен, что Фесенко оставлен Соколовым на свободе. Если бы следственные власти применяли пытки, то Фесенко находился бы в тюрьме и из него могли бы выжать достаточно сведений, недостающих следствию.

В протоколах допросов постоянно попадается фраза «От дальнейших показаний обвиняемый (или свидетель) уклонился». Баронесса Буксгевден вовсе не пожелала говорить, а она многое знала. То же можно сказать о Настасье Зыковой из Коптяков, которая опознала матроса Ваганова, т. к. в момент допроса он был уже мертв, но отказалась назвать другого. Между тем у себя в деревне Зыкова рассказывала то, чем как раз интересовалось следствие. «Настасья лукавила. Я позволял ей это, ибо искал истину путем закона», — писал Соколов. Тюремщик Проскуряков долго уклонялся от дачи показаний, а показание разводящего Якимова является целым большевистским трактатом. Якимов так и не признался в том, что лично видел расстрел Царя и остальных Ипатьевских Узников. Однако его сестра Капитолина Агафонова рассказала следователю, как ее брат, придя к ней в неузнаваемом виде, описал подробную картину убийства. Капитолина повторила слова Якимова: «Сцены

расстрела были так ужасны, что он несколько раз выходил, за что его бранили товарищи-охранники, упрекая в жалости к Царской Семье». Если бы следственные органы по отношению Якимова действовали по методам, которые авторы книги стараются навязать Белой администрации, то Якимов признался бы в чем угодно.

«Новые доказательства, главным образом необъявленные, теперь дают основание подозревать, что весь эпизод с Медведевым внушает подозрение, что его история была самовольно изменена белыми чиновниками или, вероятно, совершенно придумана», — сообщают нам Саммерс и Менгольд.

Медведев был допрошен чиновником уголовного розыска (сыщиком) Алексеевым 12 февраля 1919 г. в Пермской тюрьме, в присутствии и под личным надзором прокурора Пермского Окружного суда П. Я. Шамарина и его помощника Тихомирова. Вот что об этом допросе рассказал сам Шамарин: «Я не решился доверять никому другому наблюдение за допросом Медведева и принял его на себя. Я старался предоставить ему полную свободу в объяснениях, не допуская ему наводящих вопросов».

Далее Шамарин заявил, что ему было ясно: «Медведев старался свалить часть вины на других и затушевать собственное участие. Слушая Медведева, я был убежден, что убивала, конечно, и его рука. Объяснение, что он отсутствовал как раз в тот момент, когда происходило убийство, слишком уж натянуто и искусственно», — закончил свое заявление прокурор Шамарин (Протокол от 3—5 октября 1919 г.).

Авторы «Досье Царя» не упоминают в своей книге об этом столь важном заявлении Шамарина. Показание, данное Медведевым Алексееву в присутствии прокурора и его помощника в Пермской тюрьме, идентично признанию, сделанному Медведевым 10 дней позднее следователю Сергееву. На основании этих допросов Сергеев постановил: преступление Медведева[56] установлено:

1) его собственным признанием;

2) показаниями Марии Медведевой, жены обвиняемого;

---

[56] А таким образом и факт убийства всей Царской Семьи и их приближенных.

3) как и показаниями Михаила Летемина (из Протокола от 22. II. 1919).

При обыске у упомянутого Летемина было обнаружено много награбленных Царских вещей (около ста предметов), дневник Царевича Алексея и Его собака Джой. К этим показаниям нужно прибавить признания двух других тюремщиков: Проскурякова и разводящего Якимова. Весь материал допросов обвиняемых и свидетелей представлен в протоколах «Предварительного Следствия, произведенного Судебным Следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым», в копии ген. Дитерихса и оригинале Роберта Вилтона.

На Западе идет спор: возможно ли уничтожить 11 тел взрослых людей при помощи трех средств: огня, керосина и серной кислоты? Чтобы скрыть следы своего преступления, убийцы, ограбив свои жертвы, перед рассветом 17 июля приступили к уничтожению их тел, закончив свою грязную работу к утру 19 июля, когда была снята блокада урочища Четырех Братьев и дороги на село Коптяки. Таким образом, преступники имели в своем распоряжении двое суток, чтобы при помощи огня, 400 галлонов керосина и 400 фунтов серной кислоты уничтожить тела своих жертв. До войны Екатеринбург был центром добычи платины в России, и серная кислота употреблялась для создания значительного тепла, необходимого для плавки этого металла, одного из самых твердых. Серная кислота, как известно, особенно эффективна для растворения крупных трубчатых костей, и об этом не мог не знать убийца-химик Войков.

Сибирское следствие на основании заключения экспертов установило, что огонь, поддерживаемый непрерывно 48 часов, при добавлении 400 галлонов керосина и 400 фунтов серной кислоты может превратить тела взрослых людей в пепел. Не следует забывать, что летом 1918 г. на пепелище было найдено несколько осколков крупных раздробленных и обгорелых костей, но Наметкин и Сергеев не обратили на эту крайне важную находку никакого внимания[57]. Весной, когда следствие возглавил не пропустивший ни малейшей мелочи Соколов, осколки уже куда-то исчезли.

---

[57] Приходится ли после этого удивляться и негодовать, что Сергеев был сменен?

Саммерс и Менгольд ставят под вопрос заключение Соколова на основании экспертизы о возможности полного уничтожения тел тремя названными средствами. Они обратились к патологу проф. Франсису Кампсу и другим специалистам, которые, по их словам, выразили свое сомнение в возможности уничтожить дотла в два дня 11 тел взрослых людей огнем, керосином и серной кислотой. Нам известны были пожары, в которых за несколько часов только пламя уничтожало человеческие тела почти что до пепла. Затем мы обратились к главному патологу штата Вермонт, который подтвердил экспертизу Сибирского следствия, т. е. возможность уничтожения до пепла 11 тел взрослых людей при длительном огне, с помощью кислоты и керосина.

Нет никакой надобности разбираться и далее во всех неточностях, которые были обнаружены нами в книге «Досье Царя». Мы постарались парировать их доводы и доказать противное. В подтверждение нашей аргументации приведем еще один характерный пример, показывающий, как поверхностно относились авторы книги к тексту некоторых документов на русском языке. Назовем наш пример «Эпизодом с яичной скорлупой».

Послушницы Новотихвинского монастыря Антонина и Мария, носившие продукты Царским Узникам и их приближенным в дом Ипатьева вплоть до их зверского убийства, рассказали на допросе следующее: «15 июля Юровский приказал нам принести на следующий день полсотни яиц и велел их упаковать в корзину». В следующий раз, когда в среду послушницы принесли продукты, их не приняли и приказали в дальнейшем ничего больше не приносить.

В своей книге по этому поводу Соколов писал: «Для кого Юровский приготовлял 15 июля эти яйца, прося упаковать их в корзину? Вблизи открытой шахты, где уничтожались трупы, есть маленькая лесная полянка. Только на ней имеется единственный сосновый пень, весьма удобный для сидения. 24 мая 1919 г. вблизи этого пня, под прошлогодними листьями и опавшей травой, я нашел яичную скорлупу».

Этот текст вызвал следующее замечание Саммерса и Менгольда, которое для точности мы приводим по-английски: «In case the lone egg shell was not enough to link Yurovsky with the mine». По-видимому, авторы

книги не знали, что в русском разговоре яичная скорлупа от одного яйца и может быть от многих яиц. Но если бы Саммерс и его коллега внимательней просмотрели книгу Роберта Вилтона «Последние дни Романовых» (на английском), то на странице 343 они бы нашли не «egg-shell», а «egg-shells»[58].

В заключение приведем еще несколько важных фактов, в значительной мере подкрепляющих вероятность гибели Царской Семьи и их верных приближенных в екатеринбургском застенке. Эти факты по каким-то причинам большинством исследователей замалчивались.

1) В доме Ипатьева после бегства большевиков была обнаружена икона Феодоровской Богоматери (бриллианты с нее убийцы успели содрать). По поводу этой находки камердинер Чемодуров заявил следующее: «Без этой иконы Императрица никуда не выезжала. Лишить Императрицу этой иконы было равносильно лишить ее жизни».

2) В «доме особого назначения» было также найдено много лекарств и других принадлежностей, необходимых для лечения Царевича Алексея. Если бы мы согласились с версией о решении большевиков сохранить жизнь членам Царской Семьи и вывозе их в неизвестное место, то как же сторонники версии спасения могут объяснить причину, по которой Юровский, ротный фельдшер по профессии, бросил нужные для сохранения Наследника лекарства? Почему Государыня не взяла величайшую для нее святыню?

На месте уничтожения тел, около Ганиной Ямы, следствие обнаружило много осколков драгоценных камней (альмандины, бриллианты, рубины, изумруды), принадлежавших Царице и Вел. Княжнам. По мнению авторитетных экспертов, эти драгоценности были отделены и частично раздроблены ударами каких-то тяжелых предметов. Царская учительница, Клавдия Битнер, допрошенная как свидетельница,

---

[58] В 1980 году Антони Саммерс «осчастливил» читательскую публику Америки и Канады опять: новой работой весьма спорного содержания. В июне месяце появилась его объемистая книга «Conspiracy». Выход книги повлек за собой бурные телевизионные дебаты (на NBC), во время которых Давид Филлипс, бывший старший агент CIA (представитель в Мексике), работавший якобы (?) под кличкой Морис Бишоп, энергично оспаривал догадки Саммерса (Summers Anthony. Conspiracy. NewYork, San Francisco, St. Louis, Toronto, 1980).

подробно рассказала, как все эти драгоценные камни зашивались Теглевой и Эрсберг в лифчики, костюмы, пуговицы костюмов и бархатные шапочки Великих Княжон (см. Протокол, с. 381). Если бы мы и допустили возможность маскировочного уничтожения одежд Ипатьевских Узников, вплоть до лифчиков (!!!), то каким образом сторонники такой фантазии могут объяснить кромсание носильных вещей перед их сжиганием? В этом не было никакой надобности: одежду было легко уничтожить быстро и без следа на простом огне.

Таким образом, гипотеза Соколова о том, что тела убитых после предварительного осмотра с целью грабежа были изрублены на куски, по всей вероятности топорами[59], и сожжены на кострах, является единственной реальной версией. Это предположение подкрепляется свидетельствами коптяковских крестьян, которые передавали рассказы чекистов, уничтожавших тела. После окончания своей черной работы эти люди проезжали через Коптяки на пути в Тагил, спасаясь от наступающих Белых, и некоторые из них в пьяном виде хвастались тем, что только что совершили. И в завершение всего большевики в 1979 г. признали не только убийство всей Царской Семьи с приближенными, но описали и уничтожение тел в урочище Четырех Братьев: «Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в болоте»[60].

В заключение этой главы необходимо упомянуть, что с появлением на Западе представителей т. наз. «второй волны» из СССР (первая была еще из России) в русской периодической печати начали появляться статьи, описывающие разные события в сталинско-хрущевско-брежневский период жизни страны. Некоторые из авторов этих статей, претендуя на свои знакомства с чуть ли не самыми главными вожаками большевистской партии и советского правительства, рассказывали, не стесняясь своих связей с палачами народов России, самые неправдоподобные истории.

Один из таких авторов, Анатолий Вербицкий, до-

---

[59] Один большой топор следствием был найден.

[60] Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1979, с. 493. Добавление о зарытии останков в болоте является вымыслом автора.

думался создать собственную версию убийства Царской Семьи. Свое намерение он осуществил, поместив в «Новом Русском Слове» в Нью-Йорке несколько лет тому назад обширную статью под названием «Правда и ложь об убийстве Царской Семьи». В этой статье Вербицкий сообщал, как он встретился с важным представителем Московской Чрезвычайки, чекистом Сергеем Ураловым, который поведал ему о своем участии в расстреле Царской Семьи и их приближенных.

Создавая, по всей вероятности, для саморекламы свою неправдоподобную историю, Вербицкий сделал существенную ошибку, выдумав имя и фамилию таинственного чекиста. Вряд ли ему было известно о существовании на Западе протоколов Сибирского следствия, в которых имеются имена буквально всех лиц, непосредственно или косвенно замешанных в цареубийстве.

Так, на страницах 561 — 566, 673, 1141 — 1144 копии генерала Дитерихса мы читаем: «Справка: 19 марта 1919 г. за № 45 послано требование о задержании следующих лиц, выбывших на советскую территорию...» Далее перечисляются имена и фамилии 162 лиц, но имя Сергея Уралова в этом списке отсутствует. Нет его и в списках задержанных, как и среди имен скрывающихся на территории, занятой Белыми[61].

---

[61] До своей эмиграции из СССР Вербицкий написал в 1968 году книгу, по-видимому, в «патриотическом» советском духе, о чем говорит ее название: «Товарищ чекист»!!!

Статья Вербицкого написана в духе брошюры-фальшивки Иоганна Мейера «Как погибла Царская Семья», опубликованной в 1956 году. По всей вероятности, Мейер, как военнопленный, содержался в Екатеринбурге и находился там летом 1918 года, но к убийству Царской Семьи вместе со своим «мифическим героем» — Мебиусом, не имел никакого отношения.

Впоследствии Мейер вел торг с агентами лже-Анастасии, предлагая свои услуги: лжесвидетельствовать о спасении Вел. Княжны Анастасии Николаевны, конечно, за хорошую мзду. Но запросил он слишком много, и сделка не состоялась. И тогда Мейер начал утверждать совершенно обратное. Не заслуживает доверия его объяснение, что молчал он долгих 38 лет из страха перед кем-то. Имеются сведения, что Гестапо было известно пребывание Мейера в Екатеринбурге в период революции, и его несколько раз допрашивали. Некоторые русские монархические круги придавали слишком большое значение выдумках Иоганна Мейера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Таким образом, за истекшие 60 лет издано очень много книг, журналов, брошюр, альбомов и других работ, посвященных судьбе Имп. Николая II и Его Семьи, и количество таких изданий исчисляется сотнями. Часть авторов этих книг, как уже говорилось, выставили свои гипотезы спасения, если не Государя, то, во всяком случае, Его Семьи и выезда Их на Запад.

В советской России через три года полностью подтвердили убийство в доме Ипатьева, но книг, посвященных судьбе Царской Семьи, почти что не печаталось. Партийное руководство, очевидно, желало, чтобы граждане страны поскорее забыли о трагедии на Урале. Шли годы, шестьдесят с лишним лет прошло со дня Екатеринбургского убийства, и неожиданно оказалось, что память о Царской Семье не исчезла совсем в сердцах русских людей. Как ни старалось большевистское руководство ее вытравить, но все их усилия не привели к желанному результату, надежды не оправдались. Началось паломничество к месту их трагической гибели — дому Ипатьева[62]. Это обстоятельство, как и появление за рубежом огромного количества работ русских и западных авторов, посвященных трагедии в «доме особого назначения» и обличающих Кремлевских преступников, привело большевистское руководство в замешательство. Чекистские щупальца были коротки, чтобы дотянуться до неугодных им книг, и уничтожить их оказалось им не

[62] Один известный американский журналист и писатель рассказал нам следующий эпизод: в конце 1979 года в Москве он встретился с видным представителем Союза советских писателей, который пригласил его к себе. Неожиданно он принес какой-то деревянный орнамент и сказал: «Угадайте, что это? Часть украшения оконной рамы из дома Ипатьева. Я был там и взял себе на память. Дом находится без присмотра!» Очевидно, это было в годы накануне сноса.

под силу. И тогда в спешном порядке решено было свыше: снести дом Ипатьева в Екатеринбурге, носящем временно имя главного виновника преступления — Свердлова, и выбросить на местный и иностранный книжный рынок целый ряд лживых книг, на скорую руку написанных разными партийными прихвостнями.

Среди авторов подобной литературы невероятным рвением отличаются И. Василевский, Валентин Пикуль и особенно Марк Касвинов. Уже в 1972—1973 годах в ленинградском журнале «Звезда» появилась целая серия его статей под названием «Двадцать три ступени вниз». В этих статьях с типичным большевистским лицемерием и цинизмом Касвинов описывал Екатеринбургскую бойню, сваливая предательство Ленина на плечи Государя. Только потерявший разум человек мог взять на себя обязанность через 55 лет после злодеяния хладнокровно описать дикую расправу над невинными женщинами, больным мальчиком и Царскими приближенными, ровно никакой роли в политической жизни страны до революции не имевшими. Им оказался, как мы уже сказали, советский писатель Касвинов, в тех же статьях подчеркивавший «гуманность, сдержанность и великодушие советской власти в период 1918 г.».

В начале 1978 г. Московское радио на английском языке, реагируя на выход в свет ряда исследовательских работ на Западе, посвященных Екатеринбургской трагедии, подтвердило факт «казни семьи Романовых». Радиокомментатор утверждал, что хотя «казнь» и не являлась убийством, но случившееся было неприятно и понадобилось «долгое искание в душах, прежде чем решение было принято». Стараясь оправдать преступление, Московское радио пыталось уверить своих британских слушателей, что всякий живой член Дома Романовых должен был считаться возможным знаменем, вокруг которого стали бы собираться враги революции. «Пришлось принять очень трудное и, может быть, даже трагическое решение, и оно было принято». Почему же вместе с членами «Дома Романовых» расстреляли доктора Боткина, Демидову, Харитонова, Труппа и заодно кровожадный Юровский хотел ликвидировать и мальчика-поваренка, московские радиоизуверы не объясняют.

В середине 1979 г. была выброшена на местный

советский рынок довольно объемистая книга за подписью того же Касвинова, хотя он уже успел умереть года за два до этого. Касвинов или другие анонимные авторы дали книге то же самое название — «Двадцать три ступени вниз», и отпечатана она была в 50 тысячах экземпляров. Часть издания для внутреннего употребления сразу же распродали. Другую, предназначенную для иностранцев, направили в закрытые распределители — магазины «Березка», продающие товары только за твердую валюту.

На одной из титульных страниц книги издатели или лица, стоящие за спиной Касвинова, заявили: «23 года царствования последнего представителя династии Романовых отмечено множеством тяжких преступлений против трудового народа Российской империи. И народ вынес свой справедливый приговор Николаю II. Книга М. К. Касвинова повествует о жизни и деяниях царя и его ближайшего окружения, о бесславном конце Николая Кровавого, которого буржуазные фальсификаторы истории старались и стараются представить безвинной жертвой».

Таким образом, организаторов и исполнителей злодеяния во главе с Лениным, внуком крупного капиталиста из поволжских немцев, автор книги называет «трудовым народом, который вынес свой справедливый приговор»! Верно ли это? Ленин, Свердлов, Крестинский, Голощекин, Белобородов, Юровский, Войков, Сафаров, Сыромолотов, Дидковский, Чуцкаев и другие, представляя предательскую шайку немецких шпионов и преступников, никак не могут быть подведены под эту классификацию. Все они были белоручками, паразитами на народном теле, никаким трудом, кроме пропагандного одурачивания народных масс, не занимавшимися! Не принадлежали к «трудовому народу Российской империи» и десять человек чекистов-палачей, подобранных Голощекиным, Белобородовым и Юровским для самой грязной работы. Они являлись военнопленными, австро-венграми по национальности и гражданами Австро-Венгерской империи.

К трудовому народу Российской империи действительно принадлежали охранники во главе с Авдеевым — рабочие Злоказовского и Сысертского заводов. Но, несмотря на их мозолистые руки и пролетарское происхождение, большевистское руководство

имело мало к ним доверия и за несколько дней до отвратительной бойни сняло этих рабочих с внутренних постов, заменив чекистами и военнопленными. В ночь убийства на всякий случай у них были отобраны и наганы. К трудовым людям, непосредственно виновным в преступлении, можно отнести Медведева, Никулина и Ваганова, но на это можно сказать: в каждой семье могут быть уроды.

Тень замученного в Екатеринбургском застенке Имп. Николая II до сих пор тревожит кремлевских сатрапов. Располагая неограниченным контролем печати, они и приказали литературным клевретам поднять шумиху против зарубежных авторов за то, что те в совершенно другом свете представляли и продолжают представлять события в Екатеринбурге и вовсе не признают гибель Царя «бесславной».

Попав, совершенно неожиданно, с императорского престола и поста Верховного Главнокомандующего в мрачное заточение, Имп. Николай II мужественно, стоически и безропотно нес крест страданий. До конца дней своих Он не падал духом, не жаловался на судьбу и не просил пощады у своих бесчеловечных палачей и, конечно, предвидя свою гибель, не обратился за помощью к тому, кто мог легко спасти его, т. к. считал его врагом своей родины. Такое поведение Имп. Николая II у преддверия могилы создало ему ореол славы небесной, и никакие попытки марксистских историков и исследователей, проповедующих свою собственную мораль ненависти, злобы и мести, этот ореол разрушить не смогут!

Книга Касвинова «Двадцать три ступени вниз» цинично-лживая, полная клеветы, написана с издевкой, и ее автор не скупится на вульгарные выражения. Хотя Касвинов и заявляет, что его труд «является достойным отпором инсинуациям буржуазных фальсификаторов истории», тем не менее замаскировать правды ему не удается.

Содержание книги поражает своими противоречиями! К примеру, на стр. 8-й предисловия мы читаем: «Наследственной чертой почти что всех Романовых был алкоголизм. Их кутежи принимали подчас самые непристойные формы. Рубили головы своим борзым собакам, лакали, стоя на четвереньках, шампанское из серебряной лохани... Сам Николай любовь к алкоголю унаследовал от отца. Десятки знавших его

людей отмечали в своих воспоминаниях эту пагубную страсть. К концу царствования дело зашло так далеко, что его почти не видели трезвым...» А на странице 129 находим совершенно противоположное: «Вопреки распространенному мнению Николай пил мало. За столом спиртных напитков почти не употреблял...»

Касвинов ссылается в книге все время на зарубежных авторов, главным образом русских: Соколова (больше всего), Вырубову, ген. Мосолова, Александрова, Вилтона, Родзянко, Масси, Каткова, Воейкова, Мельник-Боткину, о. Георгия Шавельского, ген. Деникина, Руднева, «белоэмигранта» Мельгунова, Пуришкевича, Милюкова, Жильяра, ген. Дитерихса, Керенского и др. Этим он ставит себя в очень выгодное положение перед читателями, не имеющими возможности проверить правильность цитируемого текста. Все перечисленные авторы в Советском Союзе под большим запретом, и их произведения находятся под замками. Используя это преимущество, автор книги проявляет большое проворство и изворотливость. Страницы многих цитат не обозначены точно, некоторые приведенные цитаты вовсе не существуют, а иногда содержание форменным образом подделано.

На странице 490 автор приводит текст письма из книги ген. Дитерихса (с. 58, том 1), как будто бы полученного Государем через доктора Деревенко от полковника Сидорова: «В середине июня тайно прибыл в Екатеринбург белогвардейский полковник И. И. Сидоров с специальной миссией скоординировать подготовку нападения на дом Ипатьева».

Это «письмо» действительно приведено в книге ген. Дитерихса, но только как пример большевистской фальшивки. Касвинов не сообщает источник, от кого получено «письмо», напечатанное в «вечерних советских известиях» и переданное 3 апр. 1919 г. по всей Советской России по радио Москва—Будапешт. Подвергая разбору «письмо», Дитерихс приходит к заключению, что оно является примитивным фальсификатом. Кроме больших технических неувязок, неизвестный «офицер» называет Государя «Вы», Наследника Цесаревича — «Царевичем» или «маленьким», как будто бы летом 1918 года он уже успел прочесть дневник Государя, который до гибели находился при Нем. Цель письма ясна: попытка большевиков уверить население страны в существовании реальной воз-

можности освобождения Царской Семьи «белогвардейцами» и оправдать убийство.

У Касвинова очень много ссылок на Витте, Кони, Симановича, Авдеева и Шульгина. Четверо из них принадлежат к деятелям старой России. Однако, пользуясь текстом их воспоминаний и других работ, следует принять во внимание специфическое отношение этих авторов к лицам и событиям, которые они в своих мемуарах описывают.

Граф С. Ю. Витте был отставлен от дел в период жизни, когда он еще не утратил своих умственных и физических сил. Долголетняя привычка власти, иногда неограниченной, жажда кипучей деятельности вызвала у него не совсем хорошие чувства к лицам, которые сменили и заняли его положение, а особенно к Государю. Отличительной особенностью воспоминаний Витте является «самовосхваление, которым они дышат, можно сказать, от первой страницы до последней. Страстная натура Витте лишила его возможности объективно относиться к своим политическим противникам» (В. И. Гурко).

А. Ф. Кони — бывший Председатель Императорского Петербургского Окружного Суда. Это тот самый Кони, под председательством которого был вынесен оправдательный приговор террористке Вере Засулич, которая тяжело ранила Петербургского градоначальника ген. Ф. Ф. Трепова в 1878 году[63]. После Октябрьской революции, когда почти что все сослуживцы и коллеги Кони были физически истреблены или ушли в изгнание, сам Кони уцелел и написал свои воспоминания, в которых, несмотря на красный террор и реки крови, текшие кругом него, лицемерно бросал грязью в Царя и старый режим, которому сам служил более 40 лет.

Аарон Симанович — аферист, торговец бриллиан-

---

[63] Можно ли себе представить, чтобы при большевистском режиме лицо, тяжело ранившее одного из красных сатрапов, было советским судом оправдано. В Петрограде после убийства Урицкого было расстреляно «несчетное число лиц, преимущественно из офицеров. Хотя Урицкий был убит евреем, ничего общего с офицерской средой не имевшим. Затем настали бесконечные Кронштадтские расстрелы, далее уничтожение целого ряда выдающихся деятелей кадетской партии. Расстрелы без всякого предъявления обвинений Великих Князей, расстрелы после убийства Володарского и т. п. — несть числа» (Из воспоминаний баронессы М. Д. Врангель: «Люди — Звери». Париж, 1924).

тами и доверенный секретарь Распутина. Американский автор Гарри Налл сделал Симановича спасителем Царской Семьи из заточения. Вряд ли можно рассматривать серьезно его воспоминания.

В. В. Шульгин — личность колоритная и спорная, сменовеховец. По неизвестным причинам в 1944 году он не ушел от большевиков, был схвачен и отправлен на долгие годы в концлагерь. После смерти Сталина освобожден и послан на жительство во Владимир, где и умер[64]. Шульгин публично «покаялся» и писал, что было угодно его красным хозяевам. Работая над своей книгой, Касвинов не пропустил случая посетить Шульгина в его Владимирской ссылке, получив от него «ценные» сведения, порочащие старую Россию и Царский режим, к которому Шульгин сам принадлежал.

Писал «мемуары» и первый «комендант» дома Ипатьева — Авдеев, смененный со своего поста за попустительство Узникам и потому, что ему не могли доверить убийство Царской Семьи. В «воспоминаниях» Авдеев злобно отзывался о Царе, но этому удивляться не приходится. Был он человеком малограмотным, к тому же пьяницей, и кто писал за него «воспоминания», мы не знаем. Поэтому придавать им большого значения нельзя.

С другой стороны, Касвинов пользуется работами раннего советского историка Семенникова[65], что ясно чувствуется в тексте, хотя его имени он не упоминает и работ Семенникова не цитирует.

Главной целью своей работы Касвинов себе поставил: развенчать как можно больше Имп. Николая II как человека и государственного деятеля, втоптать в грязь Его духовный и физический образ. Ссылаясь на советского историка М. Н. Покровского, который фамилию «Романовы» ставил в кавычки, М. К. Кольцов писал: «Кавычки. В кавычках ничего», цитирует Касвинов и добавляет от себя: «Можно ли

---

[64] Несколько лет назад мой добрый знакомый посетил Владимир и, кроме остального, задался целью разыскать могилу Шульгина. Но, несмотря на все его усилия, этого ему не удалось. Очевидно, Шульгин сделал для большевиков свое дело, и о нем нужно было забыть.

[65] «Николай II и великие князья; родственные письма к последнему царю», Л., 1925. «Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии) по новым документам», М., 1926 и другие.

по крайней мере считать бывшим царский режим? Да, режим был. А кроме режима? Ничего, прямо ничего»[66].

Быть может, неосведомленные советские читатели, лишенные возможности объективно реагировать на события, поверят автору, но в этом приходится сильно сомневаться. И если при Николае II, кроме режима, не было действительно «ничего» — почему же тогда автор так трудится над личностью Государя и Его царствованием на протяжении сотен страниц? Чтобы доказать свое «ничего»? Но над «ничем» нельзя трудиться.

Но, оказывается, что на самом деле, «кроме режима», было много чего, о чем Касвинов умышленно старается замалчивать. А было то, что подняло Россию в области литературы, искусства, церковного зодчества, музыки, иконописи, театра, балета и живописи на недосягаемую высоту. Холодный сноб Поль Валери в своем дневнике назвал XIX век в России одним из трех чудес в мировой истории: Эллада, Ренессанс и Россия XIX века. И такой расцвет в стране происходил не при советском, а при царских режимах предков Имп. Николая II, Императорах Александре I, Николае I, Александре II и Александре III. Годы царствования Имп. Николая II также ознаменовались блестящим умственным и культурным подъемом, и Золотому XIX веку пришел на смену Серебряный. Если бы при царях в России глушили человеческую свободу и преследовали инакомыслящих так, как это делали Ленин, Сталин и все их последователи, то действительно, кроме режима, в России не было бы ничего[67].

Давно известно, что у большевиков нет чувства истории, и во многих случаях государственную историю советские, марксистские историки начинают с «великого» — по пролитой крови — Октября. Однако, когда большевистский режим оказался в смертельной

---

[66] Касвинов М. К. Указ. соч. с. 126, 134, 383.

[67] А в XIX веке цензура и цензоры существовали не только в России, но и в так называемой демократической Европе. Сороковые и пятидесятые годы прошлого века ознаменовались расцветом творческой деятельности едва ли не самого знаменитого композитора — Джузеппе Верди. Известно, как он натерпелся от преследований цензоров, принужденный переносить постановки своих опер из одного города в другой. А действие оперы «Бал под масками» он должен был перенести из Швеции в Бостон, США.

опасности и не было выхода из создавшегося положения, то про этот Октябрь с его достижениями поспешили забыть и из музейного нафталина стали поспешно вытаскивать императорские знаки отличия, золотые погоны; создавались ордена имени прославленных царских героев, фактически заклятых врагов всякого интернационального марксизма-большевизма; открывались оскверненные и разоренные церкви; кое-где допускали даже священников в некоторые военные подразделения.

Пишущему эти строки хорошо памятен один день в июне 1941 г. — день вторжения немецких армий в Советский Союз. Живя в крайней северо-восточной точке Югославии, не так далеко от Одессы, можно было хорошо слушать радиопередачи из СССР. И вот, в послеобеденный час этого знаменательного дня в эфире послышался дрожащий, прерывающийся и очень взволнованный голос прежде надменного наркома «товарища» Молотова. Не будучи в силах преодолеть своего возбуждения, он объявлял своим подъяремным гражданам о «вторжении гитлеровских полчищ в СССР». А после сообщения не зазвучал пролетарский «Интернационал», призывающий восстать всех «проклятьем заклейменных», а полились звуки старинного марша «Гром победы раздавайся, веселися храбрый Росс». Видно было, что Сталин со всеми своими красными приспешниками никак не мог рассчитывать, чтобы большевистско-марксистские лозунги вызвали энтузиазм и патриотический подъем у подсоветских граждан.

Касвинов в книге «Двадцать три ступени вниз» называет массовые народные манифестации в Петербурге и Москве в начале первой мировой войны «монархическо-черносотенной лавочкой». Слишком много народу принимало участие в этих патриотических демонстрациях, чтобы их можно было подвести под эту категорию. И среди манифестантов находились люди, не являвшиеся никак монархистами-черносотенцами: Шаляпин, Есенин, Маяковский, который в Москве взобрался на памятник Юрию Долгорукому и с него горланил в толпу патриотические вирши. Есенин пошел дальше, «благоговейно» посвятив Государыне один из своих сборников.

Ничего подобного не наблюдалось в 1941 году. Тогда население в надежде на освобождение от боль-

шевнстского ига кем бы то ни было во многих местах встречало немецких захватчиков как своих освободителей. Одной такой встрече стал случайным свидетелем генерал Власов (отбросивший немцев от Москвы), после чего ему открылись глаза на советскую действительность.

В июне 1941 года Сталин и его режим уже потерпели поражение и проиграли войну. Помог ее выиграть им позже своими зверствами над народами СССР Адольф Гитлер и политически близорукие Западные Союзники. Все это не помешало большевистским историкам назвать Вторую мировую войну «великой отечественной», лицемерно сравнивая ее с эпопеей 1812 года, когда Россия без всяких союзников отразила нашествие всей Европы («Двенадесяти языков») и когда не нашлось в народе ни одного человека, который бы повернул оружие против своей матери-родины.

Между тем после смерти Сталина в последние десятилетия в Советском Союзе поняли пропагандно-финансовое значение интереса Запада к произведениям дореволюционного русского искусства и особенно к «неподражаемой красоте русского зодчества» (композитор Берлиоз). И бросились восстанавливать то немногое, что еще уцелело от безумного и бессмысленного уничтожения и не было разбазарено по заграничным аукционам[68]. Начали в спешном порядке реставрировать иконы, стенописи, фрески, восстанавливать церкви и монастыри, служившие до этого тюрьмами, концлагерями, складами, хлевами и другими подсобными помещениями в советском хозяйстве.

Все то, чем теперь кичатся и хвастаются Кремлевские правители перед своими гражданами и иностранными посетителями, будь они с Запада или Востока,

---

[68] Конечно, то, что было уничтожено дотла, восстановить оказалось невозможно. Приведем один пример. В Московском Кремле, кроме соборов и церквей, существовали еще и два монастыря. Чудов, кафедральный, самый старый в Кремле, почти что ровесник Новоспасскому, превращенному большевиками в музей. Основан Чудов был в 1365 году Святителем Алексеем на Царской площади Кремля. В одной из келий монастыря происходило действие Пушкинской драмы. Второй — величественный Московско-Вознесенский (женский) являлся местом погребения великих княгинь и цариц. Все реликвии, хранившиеся в этих двух монастырях, были большевиками уничтожены и разграблены. И теперь никто из москвичей не имеет и понятия о существовании Чудова и Вознесенского монастырей.

из свободного мира или из-за «железного занавеса», принадлежит не им, а старой России, память о которой они стараются совсем вытравить или исказить до неузнаваемости. Заграничиого туриста не удивишь новостройками с достижениями советской техники, гигантскими ГЭС, показными колхозами и совхозами. Ему подавай седую старину, а она усердио и долго сметалась и продолжает уннчтожаться там, где ограничен доступ заграиичным посетителям. Западиый турист хочет полюбоваться замечательной красотой русских церквей и соборов, посмотреть дворцы и терема великих князей и царей, подивиться на мастерство русских иконописцев и художников.

Еще и теперь, 62 года после Октября, можно встретить в Советском Союзе людей, говорящих: все, что было хорошего, было при царе, когда по Касвинову, кроме «режима», ничего не было. До сих пор в памяти народной время царствования Имп. Николая II ассоциируется со словами «мирное время». И если царский период советские люди называют «мирным временем», то, очевидно, теперь оии живут в период непрекращающейся борьбы порабощенного народа со своим поработителем.

Сто двадцать страниц своей книги посвящает Касвинов личности царя, издеваясь даже над его наружностью: «Он был плотного сложения, с несколько непропорционально развитой верхней частью фигуры. Полная шея придавала ему вид некоторой неповоротливости. Глаза, обычно непроницаемого выражения... Сегодня я мог рассмотреть его... Царь некрасив, цвет бороды и усов желто-табачный, крестьянский, нос толстый, глаза каменные»[69]. Мстиславскому Он через месяц после отречения выражением лица и взглядом кажется похожим на затравленного волка. Зубы у Него были ухоженные, но плохие, поэтому, смеясь, Он иногда прикрывал рот ладонью... Одутловатое, красное, с напухшими, воспаленными веками лицо... Застылый желтый, как у затравленного волка, взгляд»[70].

---

[69] Взято нз воспоминаиий Лемке, иапечатаиных большевиками в Москве.

[70] Очень часто, желая унизить своих врагов, большевики называют их «затравленные волки». Не забудем, что советско-русский писатель Леонов написал пьесу «Волк». Герой ее, сын священника, из-за своего происхождения объявлен чужим («волком») и затравлен до самоубийства. Советские цензоры нача-

Какое уничтожающее описание наружного вида Царя. Однако достаточно внимательно взглянуть на одну из больших ясных фотографий Николая II, помещенных в многочисленных книгах, журналах, брошюрах и альбомах, посвященных Царской Семье[71], чтобы убедиться в совершенно противном. Государь был скорее выше среднего роста (5 футов, 7 дюймов) и имел открытое, приятное, «породистое» лицо. Особенными у него были глаза, выразительные, лучистые. Улыбка у Царя была мягкая, стеснительная, слегка грустная. Физически он был хорошо развит, вынослив и поэтому любил простой физический труд, которого не гнушался. В молодости Николай II любил охоту и был прекрасным стрелком[72]. И невольно напрашивается сравнение наружности Государя с лицом, которое узурпировало власть в России, легко выпущенную, недоброй памяти, Керенским — с «косоглазым, картавым, лысым сифилитиком Лениным»[73], обладавшим еще и другими недостатками.

ли травить и Леонова за эту пьесу, обвиняя его в «антипатриотизме», подчеркивая, что «всякий русский патриот должен быть предан идеям коммунизма». И Леонов «исправился».

[71] Интересен очень большой альбом, изданный Марвином Лайонсом в Нью-Йорке, под названием «Николай II. Последний Царь» (на английском) в 1974 году.

[72] «Во внешности Николая II было истинное благородство и обаяние, которое, по всей вероятности, скорее таилось в его серьезных, голубых глазах, чем в живости и веселости характера» (Мириэль Бьюкенен).

[73] Так охарактеризовал вождя пролетарской революции большой русский писатель И. А. Бунин в «Воспоминаниях», Париж, 1950, с. 240.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В своих статьях в ленинградской «Звезде», а позднее в книге (1979) Касвинов всячески пытается связать любовь Государыни вычерчивать знак свастики («Хокен кройц») с нацистской идеологией, смакуя заметку лондонского «Таймса», позволившего себе в рецензии к фильму «Николай и Александра» назвать Царицу «Фашиствующей Брунхильдой»! И Касвинов, и издатели «Таймса» (если вообще они приведенную реплику напечатали) должны были знать, что древний знак свастики в годы революции никакого отношения к нацизму и фашизму, которых тогда не было и в помине, не имел! Употреблялся знак свастики еще браминами и буддистами Индии, Китая и Японии как приветствие и пожелание благополучия. Изображения свастики можно и до сих пор найти в древнехристианских катакомбах[74], на надгробных плитах и священнических одеждах.

Попав в Екатеринбургский застенок, Государыня изобразила на оконном косяке дату: «17/30 апреля 1918» и рядом знак свастики, дав повод автору книги усмотреть в этом еще одно лишнее доказательство германофильства «немки» Императрицы, не только симпатизирующей своему бывшему «фатерлянду», но и «шпионившей» в пользу Германии.

Была ли действительно Императрица Александра Феодоровна такой германофилкой, какой ее пыталась представить аристократическая «элита» — левое и либерально-оппозиционное русское общество, сыгравшее на руку большевикам, которые подхватили эту, выгодную для них, клевету и раздули ее до неимоверных размеров.

Будучи немкой по рождению, будущая русская Императрица рано осталась сиротой и воспитывалась

---

[74] Пишущий эти строки лично видел изображения свастики в катакомбах Св. Каллиста в Риме.

при дворе своей бабушки королевы Виктории, которую очень любила[75]. Государыня не очень-то долюбливала немцев, а Вильяма, как она называла кайзера Вильгельма, просто презирала.

В доказательстве ложности бессмысленных обвинений Государыни в «измене и предательстве» чрезвычайную роль играет интимная переписка Царственных Супругов. «Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II» были переведены на английский язык В. Д. Набоковым и изданы Гессеном, которого можно упрекнуть в необъективном отношении к Царской Семье касательно комментариев к письмам. Они были изданы через четыре года после гибели Императрицы, без разрешения на печатание со стороны близких родственников Царской Семьи. Некоторые объективные критики подняли вопрос: допустимо ли с моральной точки зрения издавать интимные письма Государыни к Имп. Николаю II? И не повелевала ли издателям элементарная порядочность выпустить, по крайней мере, интимную часть писем, не имеющую никакого отношения к политическим событиям и общественной жизни страны? Вот что по этому поводу писал А. И. Куприн[76]: «Не знаю, да и не хочу знать, каким путем были украдены (другого глагола нет) письма Государыни Александры Феодоровны к Императору Николаю II, где их переписывали, на каких условиях их продали за границу и кто их печатал. Знаю только, что это было темное и подлое дело, но совсем не удивляюсь»[77].

Письма были все-таки изданы и стали достоянием исследователей и любопытных читателей всего мира. Однако их публикация имела и позитивные последствия. Всякая интимная переписка двух горячо любящих друг друга супругов (в этом случае письма Государыни) является зеркалом их души. И Ее письма помогли восстановить истину об Александре Фео-

---

[75] Императрице врачи не позволили ехать на похороны королевы Виктории в 1901 году, но она присутствовала на заупокойной службе в английской церкви в Петербурге, была очень расстроена и все время плакала.

[76] Большой русский писатель Зарубежья, «признанный» в СССР.

[77] Стремноухов П. П. «Императрица Александра Феодоровна в ее письмах». «Русская Летопись», Париж, 1924, кн. 6, с. 115.

доровне и убедиться, что возводимые против Нее обвинения в симпатиях к Германии и измене своей новой родине — России являются ложными. Не одна страница книги Касвинова содержит попытки представить Императрицу «ядром германофильской группы», руководящей и яростной сторонницей пронемецкой партии, внушающей все время Государю, что «Его личные интересы» лучше всего гарантирует германский «райх» и единение с ним. Где, когда и при каких обстоятельствах внушила Императрица свои германофильские идеи? Автор книги не приводит нам никаких существенных доказательств и документов, а только совершенно произвольные догадки [78].

В интимных письмах к Супругу-Царю германофильские настроения Александры Феодоровны, если таковые существовали, должны были как-то отразиться и проявиться, хотя бы намеками, а особенно во время войны. Посылая свои письма Государю, Императрица была совершенно уверена, что ничья чужая рука не прикоснется к ним. «Она знала, что клевета чернила ее, как женщину, как жену, как мать; она знала, что ее обвиняли в предательстве, в государственной измене; она знала, что это клевета, как средство борьбы, метила через ее голову в Царя, ее Семью, династию и установленный в России государственный строй», — писал автор комментариев «Писем...» Стремноухов [79].

Бывший председатель Петербургского Окружного Суда Кони не постыдился в угоду своим красным хозяевам написать в воспоминаниях про Александру Феодоровну следующую клевету, радостно подхваченную Касвиновым: «Она не любила русский народ, признавая в нем хорошим, как мне говорила Нарышкина, лишь монашество; она презирала его и ставила ниже известных ей европейских народов» [80].

На клевету Кони хорошо ответила дочь погибшего

[78] Как и его ранний предшественник Семенников.

[79] Стремноухов П. П. Указ. соч., с. 75. Мириэль Бьюкенен, дочь Британского посла при русском дворе, в своих воспоминаниях о прожитых днях в Петербурге, писала о содержании писем следующее: «(Письма Императрицы) раз и навсегда освобождают Императрицу от обвинения в сношениях с немцами» (с. 48 русского перевода). К этому нужно прибавить, что М. Бьюкенен не явилась доброжелательницей Государыни.

[80] Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1966, т. 2, с. 388.

с Царской Семьей доктора Боткина, Татьяна Мельник-Боткина: «Не будь Ее Величество такая русская душой, разве смогла бы она внушить такую горячую любовь ко всему русскому, какую она вложила в своих августейших Детей. После революции особенно сказалось отношение Ее Величества ко всему русскому. Пожелай они, намекни они одним словом, и Император Вильгельм обеспечил бы им мирное и тихое существование на родине Ее Величества, но, уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, Ее Величество говорила: «Я лучше буду поломойкой, но я буду в России». Это доподлинные слова, сказанные моему отцу» [81].

Многие письма Государыни дышат глубоким патриотизмом. Александра Феодоровна болеет душой за весь русский народ, за офицеров, солдат, гвардейцев... Она глубоко переживает русские потери на фронте, всегда всей своей душой с войсками и молится за них:

«Все мысли и молитвы наши с нашими войсками», — пишет Она Государю (11/II/1916).

Или:

«Мои самые горячие молитвы будут сопровождать наши дорогие войска» (19/IV/1916).

И дальше:

«Мои мысли и помыслы на фронте» (14/VIII/1916).

А затем:

«Бог пошлет нам лучшие дни, удачу и успех нашим храбрым войскам» (4/IX/1916).

Все ужасы войны и ее страшные последствия Александра Феодоровна восприняла не как принцесса немецкой крови, а как русская Императрица: «Да, я более русская, чем многие другие» (20/IX/1916). А в 1915 г. Она писала Государю: «...Дорогой, и ты знаешь, как я люблю твою страну, которая стала моей, ты знаешь, что для меня эта война во всех отношениях» (16/V/1915).

Русские войска одержали блестящую победу в Галиции, и Императрица радуется:

«Слава Богу, Перемышль взят, — поздравляю

---

[81] Мельник, Татьяна (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921, с. 23—24.

всех моим любящим сердцем. Какая радость для наших любимых войск» (9/III/1915).

А вот примечания «немки» Императрицы и «германской шпионки» о немцах:

«Слава Богу, известия продолжают быть хорошими, пруссаки отступают» (23/X/1914).

Немцы подвергли бомбардировкам дворец короля Альберта, и Государыня реагирует на это событие таким образом:

«Как гнусно было сбрасывать бомбы с аэропланов на виллу короля Альберта, где он сейчас живет» (22/X/1914).

А вот и реакция на поведение немецких войск:

«Одного бы только я хотела, чтобы наши войска вели себя примерно во всех отношениях, не трогали бы и не разбойничали, пусть эти гадости творят только прусские войска»[82] (24/IX/1914).

И, наконец, уже из Тобольского заточения Александра Феодоровна пишет:

«Боже, что немцы делают! Наводят порядок в городах, но все берут... Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, — но ведь это не вся страна» (10/XII/1917).

А дальше:

«Бедная родина, измучили внутри, а немцы искалечили снаружи...» (2/II/1918).

И последнее:

«Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и более унизительно, чем это? Принимаем порядок из одной руки, пока другой они все отнимают. Боже, спаси и помоги России» (3/III/1918).

Немцы — «как ползущий, все съедающий рак»! (19/IV/1918)[83].

---

[82] Пруссаками Государыня называет все немецкие войска.

[83] Приведем еще несколько свидетельств:

1) Британского посла Бьюкенена: «Хотя часто утверждают, что она немка, а поэтому преследует германские интересы, но это неправда» (т. II, с. 43).

2) Французский посол Палеолог спросил Вел. Княгиню Марию Павловну в ноябре 1914 года о чувствах Императрицы

Касвинов не может понять, как это во время войны Государыня могла получить окружным путем письмо от своего брата, из враждебной Германии, о чем Она немедленно сообщила Государю. Он также ставит упрек Императрице в том, что Она обратила внимание на дурные условия, в которых жили военнопленные немцы в Сибири, связывая все это с Ее пронемецкими настроениями. Как человек, взлелеянный в марксистском бесчеловечном обществе, Касвинов не допускает мысли, чтобы в дореволюционной России письмо, полученное от брата, из вражеского стана, могло не считаться преступлением.

По отношению к военнопленным Государыня была совершенно права, полагая, что долг гуманности требовал от России поступать с ними по-человечески. Кроме того, Александра Феодоровна считала, что улучшение положения германских военнопленных в России вызовет положительную реакцию в Германии и там начнут лучше относиться к русским пленным. Таким образом, заботясь о немцах, Царица заботилась и о своих русских [84].

О преданности Императрицы Александры Феодоровны русскому народу мы можем судить по Ее исключительной роли в организации целой сети военных лазаретов и личном участии в уходе за ранеными во время войны. Чувство сострадания к ближним и острое желание помочь нуждающимся и обездоленным было всегда отличительной чертой характера последней русской Императрицы.

Бывший председатель Петербургского Окружного Суда и сенатор А. Ф. Кони, не пожалевший красок,

к Германии и получил следующий ответ: «Я вас, может быть, удивлю. Она страстная анти-немка. Она отрицает у немцев всякую честь, всякую совесть, всякую человечность. Она мне говорила на днях: «Они потеряли нравственный смысл! Они потеряли христианское чувство!» (т. I, с. 207).

3) И, наконец, Британский военный представитель, генерал Вильямс 27 июля 1916 года после разговора с Государыней занес в свой дневник следующее: «Она так горда Россией!» (цитировано из «Русской Летописи», Париж, 1925, кн. 7, с. 81).

[84] Не нужно забывать, что в зверском отношении к советским военнопленным в последнюю войну повинен не только Гитлер, но в такой же мере и Сталин. В самом начале войны этот «знаменитый генералиссимус» противно всем законам гуманности заклеймил всех красноармейцев, сдавшихся в плен, как предателей «советской родины»! Отказавшись принимать участие в международном Красном Кресте, Сталин бросил своих военнопленных на произвол бесчеловечных нацистов.

чтобы в большевистской печати очернить Царскую Чету, признавал, однако, что Государыня еще в мирное время занималась попечительством, тратя на это немалые собственные средства. На свои деньги Она построила и снабдила всем необходимым несколько лечебниц в Крыму.

Многие близко знавшие Государыню рассказывали, что с самого приезда в Россию Она живо интересовалась работой в госпиталях и ухаживала за больными, особенно за детьми. Александра Феодоровна содержала на свои средства несколько школ для больничных сестер, а после Японской войны выстроила Дом Инвалида, в котором военные калеки изучали нужные им ремесла.

С началом войны Государыня отдала себя всю на служение русским раненым и увечным воинам, не жалея своих сил и здоровья. Не в упрек будет сказано. Ее примеру не последовал никто из жен и дочерей монархов и президентов в стане Союзников или в лагере врагов.

Как только открылись военные действия, обладая недюжинными организаторскими способностями, что было замечено и Кони, который работал под Ее руководством в мирное время, Александра Феодоровна запланировала целую сеть госпиталей и санитарных центров от Петергофа до Москвы и от Харькова до Одессы. Центром личной активности Государыни была группа так называемых эвакуационных госпиталей, расположенных вокруг Царского Села. В ее распоряжении находилось более десяти санитарных поездов и другие средства эвакуации раненых.

Сама Императрица, как и Великая Княжна Татьяна, была как бы создана для милосердного дела. Окончив с успехом интенсивные курсы сестер милосердия, Государыня с Дочерьми все время работала в своих госпиталях, не зная отдыха и усталости. И нередко тяжело раненные офицеры, а особенно солдаты при тяжелых операциях (например, ампутация конечностей), выражали горячее желание, чтобы Императрица присутствовала при операции: «Царица, стань около меня, держи мою руку, и мне будет легче...». И никогда Александра Феодоровна не отказывала в такой просьбе тяжело раненным русским солдатам. Поддерживая своими руками голову стра-

дальца, Она говорила ему слова утешения и молитвы.

«Императрицу, одетую в простую серую форму русской сестры милосердия, проходящую по бесконечным залам и помещениям госпитальных зданий, раненые солдаты и офицеры приветствовали «как бы сошедшего с неба их ангела-хранителя»[85].

Одной из причин появления разных самозванцев после гибели Царской Семьи было желание завладеть Царскими деньгами, якобы вложенными в иностранные банки. В настоящее время достоверно известно, что вклад на сумму в несколько сот тысяч фунтов стерлингов в Британском банке существовал. Но в конце лета 1915 года последние сто тысяч фунтов были взяты Государыней через посла Бьюкенена на нужды Ее военных госпиталей.

Таким образом, чувство преданности и любви к русскому народу красной нитью проходит через все интимные письма Государыни к Супругу Императору Николаю II и подтверждается Ее действиями на поле организации помощи русским раненым воинам. Эти факты дают полную возможность объективным исследователям убедиться в ложности грубых обвинений Государыни, кем бы то ни было, в германофильстве, предательстве и государственной измене.

---

[85] В приложении приводится одно стихотворение, посвященное, по всей вероятности, одним из раненых офицеров Царскосельскому госпиталю Ее Величества.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чтобы как-то затушевать свою неприглядную роль в предательском «похабном» мире в Брест-Литовске, Ленин поручил подручным и послушным ему историкам, пользуясь ложью и клеветой, создать легенду о попытках Имп. Николая II и Государыни заключить во что бы то ни стало сепаратный мир с Германией. Фактически ленинский Брестский мир не был никаким миром, а приятным ультиматумом, подкрепленным немецкими штыками.

Большевики начали переговоры с немцами еще в конце 1917 г., 10 февраля 1918 г. произошел разрыв, Ленин и Троцкий попробовали бряцать пролетарским оружием, но немцы не испугались и начали наступление. 18 февраля германские войска взяли Двинск, после чего Ленин заявил: «Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен». Красные продолжали призывать пролетариат к оружию, а немцы наступать. И большевикам не оставалось ничего другого, как подписать 3 марта 1918 года свою полную капитуляцию. Возмущение условиями «похабного» мира было общим, и когда большевистские представители проходили через строй немецкого караула, напирающая толпа осыпала делегатов бранью и выкриками: «Разбойники, грабители! Христопродавцы! Ироды! Погубили Россию!»

Мельгунов дает яркую иллюстрацию отношения самих пролетариев к Брестскому миру в одном эпизоде, переданном большевиками: «Вопрос о переносе столицы в Москву был разрешен на IV съезде советов. И вот, когда совнарком выезжал из Петербурга, поезд был окружен в ночь с 10 на 11 марта на ст. Малая Вишера отрядом в 400 человек матросов и 200 солдат, которые намеревались учинить расправу с «жидовским» правительством, продавшим Россию немцам... «Символистика» совсем неожиданная!..

Спасла положение латышская преторианская гвардия большевиков»[86].

По Брестскому миру, который советские делегаты должны были подписать, не получив права сделать какое-либо заявление, Россия потеряла один миллион квадратных километров с 45-миллионным населением. Страна подпадала под полную экономическую зависимость от Германии и политически отбрасывалась назад к началу XVII века[87].

Новейший фальсификатор истории Касвинов старается создать заговор при участии Имп. Николая II, Государыни и Царского правительства, целью которого было заключить отдельный мир с Германией. Вот как он описывает «попытки Николая и придворной клики продать Россию немцам». К весне и лету 1915 года «распутинская группа царедворцев» предприняла первые шаги по установлению контактов с немцами. Руководящим ядром группы «являлись Царица и Распутин, а движущей пружиной был страх Николая II и его окружения перед революцией».

Касвинов обрушивается на следователя Чрезвычайной Следственной Комиссии Руднева, сделавшего заявление за рубежом о том, что он не нашел ни одного факта, который бы подтвердил обвинение

---

[86] Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951, с. 315.

[87] Условия похабного мира точно выполнялись большевиками до поражения Германии на Западном фронте. За это время Центральные силы успели выкачать из России 80 тысяч вагонов зерна и других продуктов, немцы получили десятки тысяч лошадей для своей кавалерии, и было захвачено все вооружение и боеприпасы, брошенные пролетарской армией на фронтах войны. 11 ноября 1918 года немцы подписали перемирие с Союзниками и были принуждены оставить оккупированные ими области России. Это дало повод Касвинову написать следующее: «Сбылось предвидение Ленина: Брестский диктат уже через 8 месяцев пал под соединенными ударами русского и германского рабочего класса». Вышеприведенное заявление показывает наглядно, какими фальшивками пользуется автор книги, чтобы доказать свою точку зрения. На самом деле во время подписания перемирия на Западе, в документе от 10 ноября 1918 года, кроме остального, Союзники потребовали от немцев:

Параграф. 9. На Востоке войска Центральных сил должны отойти к границам 1 августа 1914 года.

Параграф. 10. Аннулирование Брест-Литовского и Бухарестского мира.

против Государя и Александры Феодоровны в предательстве и государственной измене.

Чуть ли не главной «свидетельницей» обвинения фигурирует у автора книги Мария Александровна Васильчикова, дочь директора Эрмитажа, ставшая фрейлиной в 1880 году. Вслед за Семенниковым он путает ее с другой Васильчиковой, о чем будет сказано позже. По Касвинову, М. А. Васильчикова еще в 1906 году, купив себе имение в Австрии, переселилась в эту страну. В феврале 1915 года ее посетили два представителя Германского и один Австрийского правительства, передав три письма на имя Имп. Николая II с просьбой переслать. Шведский посол в Петрограде передал советнику русского министерства иностранных дел пакет от Васильчиковой на имя Государыни, а в нем были вложены письма Царю. В этих письмах правительства Центральных сил выражали желание вступить в переговоры с целью заключения мира. Государыня сообщила Императору о получении этого пакета и переслала письмо «в пользу мира».

Австрийские власти благосклонно относились к Васильчиковой и разрешили ей вернуться в Россию. 2 декабря она прибыла на русскую границу[88]. Далее, пользуясь цитатой из письма Александры Феодоровны к Николаю II, Касвинов повествует, как Васильчикова, поселившись против Царского дворца, шпионила, конечно, в пользу немцев: «Мари Васильчикова с семьей живет в зеленом угловом доме и из своего окна следит за нами, как кошка, за всеми людьми, которые входят или выходят из нашего дома, и делает свои замечания. Она привела Изу в бешенство, расспрашивая ее, почему дети раз вышли из одних ворот пешком, а на другой день — на велосипедах, почему один из офицеров приходит с портфелем утром в одном мундире, а вечером одет в другую форму, — она сказала графине Фред(ерикс), что она видела, как к нам въезжал Гр(игорий) (отвратительно!). Итак, чтобы наказать ее, мы к Ане сегодня вечером отправились кружным путем, так что она не видела нашего выезда».

Когда же подвернулся «подходящий момент, Государыня Императрица дала знак полиции, и Василь-

[88] После революции при обыске у нее якобы нашли письма Франца Иосифа.

чикову по этапу препроводили в Черниговскую губернию»[89]. Придворной германофильской группе удалось начать в Стокгольме тайные русско-германские переговоры: «Кайзера представлял банкир граф фон Варбург, Николая II — А. Д. Протопопов».

«Исследованиями советского историка К. Ф. Шацилло документально установлено, что весной 1915 г. с ведома и согласия Николая II был послан в Германию специальный агент для переговоров с кайзеровским правительством», — сообщает нам автор книги.

И разве могло быть иначе, если «сам Ленин предупреждал, что заключение сепаратного мира возможно уже «завтра или послезавтра», а «тайно он может быть уже заключен». В подтверждение этого приводится текст из сочинений Ленина: «Что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II и влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что в всемирной политике обрисовался поворот к империалистическому союзу России с Германией против Англии, все это не может подлежать сомнению». Поэтому Касвинов и извергает громы и молнии на русских зарубежных писателей и западных советологов, давно отвергнувших большевистскую фальшивку.

Можно задаться вопросом: почему Государь и его правительство, видя брожение в стране, усталость от войны и неудачи на фронте, не могли подумывать о заключении сепаратного мира? Тем более попытки шли исключительно со стороны противника, условия предлагаемого мира были крайне выгодными, и Государь уже имел представление о подпольной пропаганде Союзников против него и его режима[90]. На самом деле все события происходили совсем иначе.

По всем объективным данным, у Государя вообще никогда не возникала мысль о выходе России из войны. Как человек исключительно честный, Николай II такой акт рассматривал предательством, на которое он не был способен. Хорошо известно, что

---

[89] Текст приведенного выше письма Государыни несколько перевран, и датировано оно в действительности не 4, а 14 июня.

[90] Предупреждения о заговоре Союзников поступали со всех сторон. Из Крыма приехал предупредить Государя о грядущей опасности преданный престолу патриарх евреев-караимов Грахам.

Царь был оптимистом по натуре и совершенно не разделял пессимизма его окружения. Война шла с переменным успехом, были большие неудачи, но и громкие победы: Государь ни на минуту не сомневался в успешном исходе войны.

Людендорф в своих воспоминаниях признавал, что прогнозы на 1917 год были «крайне беспокойны». В особенности его страшила Россия, подготовлявшая новые сильные кадры. «Наше положение было исключительно трудным, и почти невозможно было найти выход[91]. Если война продолжится, наше поражение представлялось неизбежным». Россия готовилась к большому наступлению, и военный министр сообщал в Думе о приближающейся победе. Производство разных видов оружия и боеприпасов быстро увеличивалось[92]. Немцы знали об этом, а поэтому к концу 1916 года на русском фронте, не считая турецких сил, было сосредоточено 2/5 германских и 3/4 австро-венгерских сил, и эта пропорция все время увеличивалась. Уинстон Черчилль в своей книге «Мировой кризис» так представил положение России накануне Февральской революции:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией, и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя

[91] Но выход был найден: революция! Первую фазу — Февраль, организовали «доблестные» русские союзники, подготовив немцам вторую фазу — Октябрь. Людендорф все-таки оказался прав: без участия России, даже со вступлением Америки, война продолжалась еще почти 2 года!!!

[92] Вот данные по сравнению с 1915 годом: производство легких орудий увеличилось в 8 раз, винтовок — в 4 раза, разных снарядов — в 10 раз, взрывчатых и других материалов — от 40 до 69 раз.

особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы».

«...В марте Царь был на престоле; Российская Империя и русская армия держалась, фронт был обеспечен и победа бесспорна».

«Согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской Империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна».

«Несмотря на ошибки большие и страшные, тот строй, который в нем воплощался, которым Он руководил, которому своими личными свойствами Он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России».

Имп. Николай II и его правительство настолько были уверены в победе, что начали строить планы на послевоенное будущее и подумывать о грядущей мирной конференции. Поднимался даже вопрос о лицах, которым будет предоставлена честь представлять на этой конференции Россию.

Следователь Чрезвычайной Следственной Комиссии Рудиев действительно сделал письменное заявление о результатах работы комиссии, которой не удалось найти буквально ничего, чтобы скомпрометировать Николая II и Государыню[93]. Стараясь дискредитировать работу Муравьевской комиссии, Касвинов пробовал всячески доказать, что главной ее целью являлась попытка скрыть и замаскировать «преступления царя и Александры Феодоровны». На самом же деле было совершенно обратное. Член президиума комиссии А. Ф. Романов[94] в своих воспоминаниях не только полностью подтвердил точку зрения Рудиева, но и обвинил Муравьева с его кликой в попытке

---

[93] Одно заявление Руднев сделал в Екатеринбурге в 1919 году на 27 страницах, другое уже за рубежом.

[94] Романов был назначен Керенским как «оппозиционер», отказавшийся до Февральской революции от высокого поста в Ставке.

«всеми правдами и неправдами установить преступность всех и вся, отомстить всем деятелям старого режима. Ни о каком правовом русле у лиц этого направления не было и речи».

Муравьев сделал стенографические записи показаний обвиняемых, и они попали в руки большевиков. Романов советовал относиться к записям с сугубой осторожностью, так как «они никем не подписывались, обвиняемым не представлялись и редактировались четырьмя литераторами, в числе которых был и Блок, певец большевизма»[95].

Роль Васильчиковой в пресловутой легенде о мире была не такой, какой описал нам ее Касвинов, соединив воедино два разных лица. На самом деле существовали две Васильчиковы, дочь директора Эрмитажа М. А. Васильчикова и «Мари» — княжна М. И. Васильчикова[96]. Мария Александровна Васильчикова действительно жила в своем имении в австрийском Семериинге на положении полупленницы. Она посылала письма Государю с призывом «как инициатору Гаагской конференции остановить кровопролитие». 27 мая 1915 года уже из Берлина Васильчикова писала, что посетивший ее германский министр иностранных дел фон Ягов просил сообщить Государю следующее: «Германия искренно желает прекратить войну». Петроград никак не реагировал ни на одно из трех писем.

Мы знаем, что первое письмо, адресованное Государыне, было получено, о чем Она сообщила Царю. Николай II не счел нужным делать секрет из письма Васильчиковой, а Сазонов не придал ему большого значения. Васильчикова действительно получила разрешение австрийских властей покинуть страну, но только на три недели. Помог ей в этом, вероятно, брат Государыни по причине смерти ее матери. Австрийцы поставили условием вернуться в назначенный срок, в противном случае ее имение конфисковывалось. На границе, в штабе VI армии, Васильчикову подвергли допросу и запросили ставку, делать ли

---

[95] Категорически отрицает всякую причастность Государыни к «измене» и товарищ председателя Муравьевской Чрезвычайной комиссии сенатор С. В. Завадский. Его воспоминания были напечатаны в XI томе «Архива Русской Революции».

[96] Заимствовал ли эту путаницу Касвинов у Семенникова или допустил сам, мы не знаем.

обыск вещей. Ген. Алексеев распорядился обыскать только при «сомнении», т. к. ее хорошо знали в Петербургском обществе. В письме от 14 июня 1915 года, которое мы цитировали, Государыня писала о другой Васильчиковой, княжне «Мари», которая была непримиримым врагом Распутина и, очевидно, шпионила за ним. «Австрийская» Васильчикова в июне 1915 года находилась еще вне пределов России, прибыв на русскую границу 2 декабря.

Кроме посредничества Васильчиковой, Германское правительство пыталось наладить мирные переговоры при помощи других каналов. Министр Императорского Двора граф Фредерикс получил письмо от своего старого и хорошего знакомого — графа Эленбурга, занимавшего такое же положение при кайзере Вильгельме. В письме в очень осторожной форме намекалось на возможность восстановления дружеских отношений, «если Государь захочет». Граф Фредерикс передал письмо своему Государю, выразив мнение, что оно не могло быть написано без желания кайзера. Николай II направил письмо Сазонову и повелел оставить его без ответа. Это событие произошло до прибытия Васильчиковой в Россию.

В начале 1916 г. по Петрограду поползли слухи о том, что Царское правительство под влиянием «немки»-Царицы ищет возможности заключить мир с Германией. Можно подозревать, что слухи эти распространяли немецкие, а может быть, и союзные агенты. Как раз в это время бывший русский посол в Вашингтоне барон Розен представил Государю «записку о мире». В ней Розен докладывал, что, «кроме крушения Европы, бессмысленная бойня ни к чему не может привести»![97] Выразив одобрение только идеям записки, Царь направил Розена к Сазонову, который не одобрил его (Розена) концепции. На этом дело и кончилось.

Кроме Васильчиковой, Семенников и другие большевистские историки, главным образом при помощи которого они надеялись построить обвинение против Государя и Государыни, выставляли Протопопова. Сам Касвинов на него особенно не напирал. Протопопов был выбран «козлом отпущения» не столь благодаря своей деятельности, сколько из-за его близости к Распутину, а в особенности к Государыне.

[97] Теперь мы видим, как Розен был прав.

А. Д. Протопопов занимал целый ряд почетных должностей, на которые был выбран. Его избрали Симбирским предводителем дворянства, членом Думы, товарищем ее председателя (Родзянко), председателем парламентской делегации от обеих законодательных палат для поездки в Союзническую Европу. Протопопов являлся также последним министром внутренних дел Императорского правительства. Государь так объяснял причины, по которым он назначил Протопопова на этот пост: троекратная просьба председателя Думы Родзянко, рекомендательное письмо Короля Георга и хвалебный отзыв Сазонова. Протопопов был человеком умным, вкрадчивым и обаятельным собеседником. Вместе с тем он был лжив, беспринципен и политически неразборчив. И кого только Протопопову не удалось обворожить и обмануть, включая Государыню и даже английского короля, пришедшего от него в восторг.

В июне месяце Протопопов в составе русской парламентской делегации посетил Стокгольм. Там он, предупредив посла Нелидова, имел свидание с упомянутым Касвиновым Варбургом. Свидание это имело совершенно случайный характер, что видно из того, что состоялось оно за 2—3 часа до отъезда Протопопова. Инициатива принадлежала опять-таки немцам — Германскому посольству, организовал встречу крупный банкир еврей Ашберг. Протопопов поставил условием, чтобы заинтересованные стороны встретились на нейтральной почве, в присутствии хозяев дома и кого-нибудь из членов делегации[98]. Нелидов, узнав от Протопопова о содержании разговоров, не придал им никакого значения.

По возвращении в Россию Протопопов сообщил о своем свидании с Варбургом Сазонову, после чего министр иностранных дел просил Государя выслушать Протопопова. Прием состоялся в Ставке в присутствии генерала Алексеева. Сам Семенников относительно стокгольмских переговоров («сообщений», как их называли) признавал: «Нам остается только указать самую вероятность сообщений».

24 мая 1916 года английский крейсер «Хэмпшир», на котором лорд Китченер ехал в Россию, подорвался на мине, затонул у Оркнейских островов. Это дало повод Семенникову и другим марксистским истори-

[98] Присутствовал член Думы Олсуфьев.

кам, а за ними и Касвинову обвинить «распутинскую клику» в том, что их агенты сообщили немцам о дне выхода «Хэмпшира». Было откуда-то выкопано таинственное лицо под фамилией Шведов, который отправился в Стокгольм сообщить немцам о поездке лорда Китченера в Россию и о том, что «пьяный царь, проболтавший секрет о приезде Китченера Воейкову, Воейков выболтал этот секрет Андроникову; Андроников передал его Шведову». Все это звучало очень наивно и несерьезно! Государь, по собственному признанию Касвинова, пил очень мало и поэтому «в пьяном» виде не мог выболтать военных секретов. Если бы немцы и получили известие о предстоящем выходе «Хэмпшира», то такую важную военную информацию они имели возможность передать каким-нибудь другим, более практичным и быстрым путем. Запись мемуариста Финча в 1933 г. серьезного внимания не заслуживает. И сами англичане были склонны думать, что крейсер затонул, случайно наскочив на мину. Это предположение являлось и официальной версией.

В августе месяце английский король по совету своего правительства, обеспокоенного антианглийскими настроениями в России, послал Имп. Николаю II письмо со следующим содержанием: «До меня дошли сведения из многих источников, что германские агенты в России производят большие усилия, чтобы посеять рознь между моей страной и твоей».

Далее Георг подтверждал решение Британского правительства признать за Россиею право на обладание Константинополем и другими территориями. Имп. Николай II ответил ему в конце августа и, заверив короля в глубоких чувствах дружбы между народами России и Англии, обещал «справиться с теми, кто этих чувств не разделяет».

В октябре 1916 г. Государь имел беседу с Бьюкененом и, по словам посла, кроме остального, заявил, что ничто не заставит его пощадить Германию, когда настанет время для мирных переговоров.

Поздней осенью почти одновременно выступили в Петрограде Милюков и в эмиграции Ленин. «Стараясь выяснить штюрмеровскую агентуру за границей, Милюков нашел в германофильствующей болтовне в дамском салоне один из «каналов» преступного общения с врагом», — сообщал Мельгунов.

В конце ноября произошло важное политическое событие в отношениях воюющих стран, еще раз подтверждающее, как далек был Царь от сепаратного мира. 28—29 ноября Германское правительство при посредничестве Америки предложило всем Союзникам вступить в переговоры о заключении мира, не ставя предварительно никаких условий. Царское правительство первым решительно отвергло предложение Германии.

Не прошло и двух недель после этого события, как 12 декабря последовал Царский приказ по армии, в котором говорилось о восстановлении свободной Польши после победы и о присоединении Константинополя к России. Этот приказ по армии лишний раз показывал всю абсурдность догадок об отдельном мире.

О пресловутой «немецкой шпионской организации» в Швеции под названием «зеленых», в которую уверовал даже и Соколов, нами уже говорилось. Историк Мельгунов считал, что не было почти никаких существенных доказательств, чтобы подтвердить существование этой организации. Он отметил, что в Царской переписке употреблялось очень много разных псевдонимов. Так, Горемыкин был «стариком», Воейков — «лысым», Протопопов — «Калининым», Питирим — «сусликом». Были прозвища вроде: «красная шапка», «солнышко» (Государыня), «желтый», «солнечный луч» (Наследник) и другие.

В заключении своей книги «Легенда о сепаратном мире» Мельгунов убедительно писал, что Николай II и Государыня «с непреклонной волей шли по пути достижения достойного для страны окончания войны. В этом отношении Они были почти фанатично последовательны, и в Их кругозоре не мелькала даже мысль о возможности условий, при которых нарушение чести могло быть оправдано событиями. Не только мерзкое обвинение в «измене», с негодованием отвергаемое Родзянко в воспоминаниях, но даже его предположение, что, «может быть, А. Ф. полагала, что сепаратный мир более выгоден России», должно быть категорически отброшено. «Бацилла мира» их не коснулась»[99].

Отрицает легенду о сепаратном мире и Солжени-

---

[99] Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, с. 494—495.

цын в интервью, данном им в феврале 1979 г. для BBC. Однако трудно согласиться со следующим утверждением писателя: «Николай II потому и потерял трон, что был слишком верен Англии и Франции, слишком верен этой бессмысленной войне, которая России не была нужна ни на волос. Он именно дал увлечь себя тому воинственному безумию, которое владело либеральными кругами» [100].

По своему характеру Государь был человеком сдержанным, уравновешенным и не поддающимся никаким моментальным увлечениям и эмоциям. Единственное лицо, имеющее какую-то возможность оказать влияние на Царя в вопросе войны, — Государыня, войне не сочувствовала, был против нее и Распутин. К либералам Император Николай II питал мало доверия и никак не мог подпасть под их влияние.

Но был ли у Государя выбор в вопросе войны и мира в те роковые для России и Европы дни? Не Он развязал войну и не имел Он никакой возможности предотвратить ее! И не мог русский Царь отдать на съедение австро-венграм братскую и героическую Сербию. По долгой традиции Россия являлась покровительницей и защитницей южных славян. И от этой традиции не так просто было отказаться, разве что уйдя в изоляцию. Не забудем, что даже такой пацифист, как Лев Толстой, послал своего Вронского (полковника Раевского) воевать за свободу и независимость Сербии.

И нетрудно себе представить, что могло произойти, если бы Россия не выступила в Сербском конфликте, уже не говоря о моральных обязательствах. Престиж великой державы, и так подорванный японской кампанией, был бы окончательно потерян, но войны все равно избежать бы не удалось. Уже в 1908 г. подстрекаемая прусскими милитаристами Австро-Венгрия начала свою захватническую политику против южных славян, объявив аннексию Боснии и Герцеговины. На очереди была Сербия и Черногория, а выстрелы в Сараеве являлись только подходящим поводом. В 1914 г. ключ к войне и миру в Европе находился в руках у кайзера Вильгельма и Германии,

---

[100] «Русское Возрождение». Париж, 1979, с. 53.

которая, вооружившись до зубов, рвалась на восток для захвата необходимого «лебеис раум»-ма[101].

Не мог Государь вступить и в переговоры с немцами в 1915 году, т. к. почти что все русское общество, за исключением небольшой группы, как и военачальники, от мала до велика, сочли бы такой акт как государственную измену. И Императору Николаю II не оставалось ничего другого, как продолжать войну, развязанную честолюбивым кайзером и его милитаристской кликой.

Ровно через год после отречения Императора Николая II Ленин, выхвативший власть из рук напуганного и растерявшегося Керенского, предал Россию на растерзание немцам.

В книге «Двадцать три ступени вниз» Касвинов вновь старался оживить легенду о сепаратном мире. Но эта попытка ему не удалась, как не удалась она и раньше более серьезным и талантливым марксистским историкам Семенникову, Шацилло и другим.

Последние страницы книги Касвинова полны грубых выпадов против людей и лиц, которых автор по приказанию свыше классифицировал как врагов «социализма» и советской системы. «Не видя иного выхода из сложившегося положения, Исполнительный комитет Уральского Совета к концу заседания

---

[101] Английский посол Бьюкенен по этому поводу писал, что Государь «никогда не задумывался положить на чашу весов всю силу своего влияния в сторону мира. Он так старался вести мирную политику, так искренно был готов идти иа уступки, лишь бы избежать ужасов войны, что в конце 1913 года создалось впечатление, что Россия никогда не будет воевать, впечатление, которое, к несчастью, побудило Германию воспользоваться создавшимся положением» («Русская Летопись», Париж, 1925, кн. 7, с. 59).

Дочь Бьюкенена, Мириэль, не принимавшая сама участия в политической игре того времени, ио посвященная во все тонкости дипломатических интриг, занесла в свои воспоминания следующие строки: «Николай II не знал, что сделанные им для поддержания мира усилия не удались, но он не знал и не догадывался, что те сердечные, двусмысленные телеграммы, которые посылались в Царское Село из Потсдама, были иаписаны рукой, уже готовой нанести смертельный удар».

Интересно отметить, что Ю. М. Одинзгоев писал следующее о Сараевском покушении, вызвавшем мировую войну: «Убийство Австрийской наследственной четы было делом рук масонов; и недаром, во время суда над убийцами, было установлено с документальной точностью, что убийцы являлись масонскими агентами. Это как-то замолчали, как обстоятельство, ие стоящее внимания» («Крестный Путь», с. 300).

12 июля принял решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда. Везти Чету уже было некуда и не на чем». И такие строки мог написать человек, претендующий на звание ученого, историка, писателя [102]. Как это было совершено, Касвинов не сообщил и к словам «предать Романовых казни» не добавил: «а также их Детей и приближенных».

Большевистские предположения о невозможности эвакуации Царской Семьи как одно из оправданий убийства не имеют никакого основания. От заседания 12 июля до бегства большевиков из Екатеринбурга прошло две недели. Красные успели вывезти за это время не только награбленное имущество своих жертв, но и много чего другого. Имелось в городе также достаточное количество войск, чтобы обеспечить эвакуацию Царской Семьи по железной дороге на запад.

Заканчивает свою книгу Касвинов следующими строками:

«Неотвратим и логически закономерен стал расчет с царизмом «по-плебейски». И столь же закономерен конец, постигший Романовых.

Всегда будут напоминать об этом 23 ступени, которыми они спустились вниз» [103].

В этом он не ошибся! Память о Царской Семье и о 23 ступенях, по которым они сошли на свою Голгофу с верными своими слугами, не исчезла через 62 года после Их трагической гибели, сохранится она и далее.

Читатели, вероятно, заинтересуются судьбой, которая постигла организаторов и убийц Царской Семьи с их приближенными: Свердлова, Голощекина, Белобородова, Юровского, Войкова, Медведева, Ваганова и других. Как уже говорилось, все они вовсе не принадлежали к людям идейным, преследовавшим высокие политические и моральные идеалы, как до сих пор пытается их изобразить большевистская пресса. На самом деле это были самые типичные преступники-грабители, подонки общества. Совершив трусливое убийство из-за угла, как выразился Ом-

---

[102] Вспоминаются слова поэта XIX века Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», так часто повторяемые советским поэтом Евтушенко. Касвинов, очевидно, не был ни писателем, ни гражданином.

[103] Касвинов, конечно, не предвидел сноса этих 23 ступеней.

ский прокурор Шамарин, они ограбили свои жертвы, присвоив из корыстных целей их драгоценности и другие вещи, а затем бежали от наступающих войск армии адмирала Колчака.

Все главные участники Екатеринбургского злодеяния, без исключения, понесли заслуженную кару, и большинство из них ненадолго пережили свои жертвы. Павел Медведев, не дождавшись суда, умер в следственной тюрьме от сыпного тифа. Ваганов, не успев бежать с большевиками, был разыскан и убит своими же товарищами-рабочими. За ними последовал Свердлов. Во время посещения бывших Морозовских фабрик один из рабочих ударил его по голове тяжелым предметом, и он умер от сотрясения мозга в начале 1919 года.

Затем пришла очередь Войкова. Хотя Касвинов хотел представить его убийство как «крупный белогвардейский заговор в Польше», но в этом нет и доли правды. Русский юноша, гимназист Коверда подстерег полпреда-убийцу на Варшавском вокзале, прикончив его несколькими выстрелами из револьвера. На суде он показал, что задумал и привел свой план в исполнение единолично, желая покарать Войкова за убийство Царской Семьи. Белобородов и Юровский попались у Сталина в троцкизме и после пыток (особенно досталось Белобородову) были отправлены в преисподнюю своими же товарищами-чекистами. Юровского не спасла даже тяжелая сердечная болезнь, которую он приобрел, вероятно, во время своей преступной деятельности в Екатеринбурге. Шаю Голощекина «родная» большевистская партия, создать которую он так старался, «миловала» дольше всего. По Рою Медведеву, Сталин вычистил его из партии, и он пропал без вести в одном из безымянных лагерей Архипелага, как гибли тысячи невинных жертв, которых он в свое время отправлял туда же[104].

---

[104] Однако С. Войцеховский писал, что по сообщению книги «Комиссары» (М., 1964) Голощекин был расстрелян уже в 1939 году в Москве как «жертва клеветы и произвола».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Меня твои тревожат дни,
Я в жизнь пришел твоей дорогой,
Страна, проклятая людьми
И возвеличенная Богом.

В. С.

Как мы уже раньше говорили, известия об убийстве всех членов Дома Романовых, которых только большевикам удалось захватить в свои кровавые лапы, уже обильно обагренные потоками крови невинных людей, убедили следователя Соколова в том, что Государь и Царская Семья большевиками не пощажены.

Известия с Урала были подтверждены вещественными доказательствами. Там были обнаружены тела всех Алапаевских Узников, не нашли только тела Брата Государя.

Великий Князь Михаил Александрович, наследник Российского престола, после Царевича Алексея, был арестован большевиками и в феврале 1918 года выслан в город Пермь, где он и проживал в гостинице купца Королева со своим секретарем Н. Н. Джонсоном, камердинером Челышевым и шофером Боруновым. Утром 13 июня в гостиницу явился великокняжеский повар Митревели и узнал от служащнх гостиницы, что Великий Князь с Джонсоном увезен большевиками в неизвестном направлении.

Вскоре арестовали и Челышева. В чекистском застенке он случайно встретился с камердинером Государыни Волковым и рассказал ему следующее: около полуночи 12 июня пришли в гостиницу трое вооруженных чекистов и, грубо заставив Великого Князя одеться, увели его куда-то с Джонсоном. Через некоторое время Челышев отправился в местный совдеп и сообщил о случившемся. Большевики сделали вид,

что им ничего не известно об исчезновении узников, и «обещали устроить погоню».

После взятия Перми войсками адмирала Колчака следствие установило, что Великий Князь вместе со своим секретарем был увезен чекистами в ближний Мотовилихинский лес, там убит, а тела жертв убийцы сожгли. Схваченная большевичка Вера Карнаухова, секретарь Пермского большевистского комитета, показала на допросе следующее:

«Пришел как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня донеслась его фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом»

Следует полагать, что эта «знатная» большевичка была хорошо осведомлена о всех преступлениях местных большевиков, т. к., кроме личного положения секретаря парткома, имела она руку и в красной инквизиции: ее родной брат Ф. Лукьянов был одним из следователей Уральской областной Чрезвычайки. Между тем местный совдеп сразу же после исчезновения Великого Князя начал распространять по Перми слухи об увозе Его «монархистами и белобандитами».

В начале мая 1918 года Чека арестовала в Москве Великую Княгиню Елизавету Феодоровну, старшую сестру Государыни, которая в это время была Настоятельницей Марфо-Мариинской обители. Ее вместе с монахинями[105] Варварой и Екатериной отправили сначала в Екатеринбург, а затем в Алапаевск Пермской губернии, в 140 верстах к северу от Екатеринбурга. Туда же из Вятки 20 мая привезли трех сыновей Великого Князя Константина Константиновича[106]: Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, Вел. Князя Сергея Михайловича и молодого князя Владимира Павловича Палей[107], которому не исполнилось еще и 19 лет. Этот одаренный юноша

---

[105] Как их называли «сестры общины».

[106] Вел. Кн. Константин Константинович, известный лирический поэт, писавший под псевдонимом К. Р., был человеком очень культурным и вел дружбу с много старшими себя Достоевским, Чайковским, Фетом и Гончаровым (Пагануцци Павел. К. Р. — поэт, гуманист и русский патриот. «Перекличка», Нью-Йорк, 1976, с. 22—31).

[107] Сын Вел. Князя Павла Александровича от морганатического брака.

был талантливым поэтом, и мы приводим ниже стихотворение, написанное им в заточении, в Вятке, незадолго до его трагической гибели:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья...
Все время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого стерегущий,
Нет, — кровный враг, латыш угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику дышущий...
За что? За что? Мысль рвется из души.
Вся эта пытка нравственных страданий.
Тяжелых ежечасных ожиданий
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...
А недруги так жутко близко.

Узников поместили всех вместе в здании какой-то школы, совсем на краю города. С ними находились и их служащие: Ф. М. Ремез, Круковский, как и лакей Калинин, а позднее прибыл врач Вел. Кн. Сергея Михайловича доктор Гельмерсен.

Небольшой караул тюремщиков состоял из австро-мадьяр, местных большевиков-рабочих и красноармейцев. Поначалу режим не был очень суровым. Князья ходили в церковь, совершали без конвоя прогулки в поле, работали в огороде, делая грядки и цветочные клумбы.

Что касается охраны, то среди них попадались разные люди — и хорошие, и плохие. Первые входили в положение Князей, жалели их, старались сделать им приятное. Больше всего узники терпели от пленных австрийцев. Они были крайне грубы, дерзки и придирчивы, все время ночью врываясь в комнаты узников под предлогом обыска.

21 июня 1918 года пришло, по-видимому, какое-то распоряжение из Москвы через Екатеринбург, и режим резко ухудшился.

У узников были отобраны все деньги, вещи, даже лишняя обувь. Им запретили всякие прогулки, а также покупать продукты на рынке. Очевидно, чекисты готовились к убийству заключенных.

В тот же день, 21 июня, Великий Князь Сергей

Михайлович получил разрешение послать телеграмму в областной совдеп Екатеринбурга. Это было даже на руку большевикам и никак не расстраивало их дьявольского плана. Кроме остального текста, в телеграмме были и следующие строки:

- «Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске, Сергей Михайлович Романов».

Комиссар так называемой советской «юстиции» Соловьев запросил в тот же день Екатеринбург:

«Военная. Екатеринбург Област. Совет. Считать ли прислугу Романовых арестованными давать ли выезд основание 4227 Алапаевский Совдеп Отправитель Е. Соловьев».

На это он получил следующую депешу от Белобородова:

«Алапаевск. Совдеп

Прислугу Ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Облсовета точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми.

Белобородов».

Как уже было упомянуто, в июне месяце большевики инсценировали побег Вел. Кн. Михаила Александровича, увезя его на самом деле на Мотовилихинский завод, где и убили. Теперь пришла очередь и Алапаевских Узников.

17 июля в полдень в школу прибыл чекист Старцев в сопровождении нескольких большевиков. Отобрав у заключенных последние мелкие вещи, Старцев сообщил им, что ночью[108] все заключенные будут перевезены на Верхне-Синячихинский завод (в верстах 15 от настоящего места заключения).

Поздней ночью около здания заключенных послышались винтовочные выстрелы, раздавались взрывы ручных гранат. В городе поднялась паника. Многие обыватели видели стрелковые цепи красноармейцев, двигавшиеся по направлению школы. Так была организована грубая инсценировка «нападения Белогвардейцев» с целью освобождения заключенных.

---

[108] Как уже раз говорилось в этой работе, все свои грязные дела большевики совершали под покровом ночи.

Следственным властям Белых после занятия Алапаевска 28 сентября 1918 года быстро удалось установить правду. Были пойманы 4 красноармейца — участника ночной инсценировки: Поздин-Замятин, Насонов, Костылев и Стрехнин. Первого допросил судья Сергеев, остальных допрашивали в Алапаевске (всех во второй половине декабря).

Вот что рассказал Насонов:

«Часу в третьем ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу: наступают белогвардейцы. Мы наскоро собрались, оделись, вооружились. Нас повели к Напольной школе и близ нее рассыпали нас цепью. В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе. Никакого врага мы не видели... Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от уральского областного совета за то, что Князьям удалось бежать: их белогвардейцы увезли... на аэроплане...» Дня через 3—4 стали говорить, что комиссары обманывают народ, сочинив басню о похищении Князей, и что на самом деле Князья ими убиты».

18 июля в 3.15 утра Алапаевский совдеп послал в Екатеринбург телеграмму следующего содержания:

«Военная. Екатеринбург. Уралуправление. 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала Напольную школу где помещались Великие Князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу задержать не удалось розыски продолжаются. Алапаевский исполком. Абрамов. Перминов. Останин».

И в тот же день вечером Белобородов телеграфировал в Москву:

«Сборная

Москва два адреса Совнаркома Председателю Цик Свердлову

Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому

Алапаевский исполком сообщил нападение утром восемнадцатого неизвестной банды помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья

Игорь Константинович Константии Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович и Палей точка Несмотря сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка 4853

Предобласовета Белобородов».

25 июля Белобородов поместил в 144-м номере «Пермских известий» сообщение такого содержания:

«Похищение князей.

Алапаевский Исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18-го июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья... Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся.

Председ. Областного Совета Белобородов» [109].

Как и в случае убийства Царской Семьи, следственные власти Белых сразу же пришли к заключению, что все Алапаевские Узники большевиками убиты. В ходе расследования было получено сообщение о предполагаемом вывозе заключенных в район Верхне-Синячихинского завода (Синячиху, как говорили на местном жаргоне). Размотать клубок помогло следователю одно необыкновенное происшествие. Для одной свадьбы (позднее расстроившейся) крестьянин Самсонов гнал в лесу самогон («кумышку» на местном наречии). Его приятели узнали, что на Самсонова сделан донос в Чека за производство самогона, и они бросились в лес, чтобы предупредить дружка о грозящей ему опасности.

Возвращались приятели Самсонова домой поздней ночью по дороге из Синячихи в Алапаевск и повстречали колонну в 10—11 телег (коробков). В каждом коробке сидело по 2 человека без кучера на козлах. По всей вероятности, на каждой телеге было по одному заключенному в сопровождении чекиста. Один из свидетелей, крестьянин Трушков, рассказал судье Сергееву, что он в ту ночь видел:

«Весь этот поезд направлялся из Алапаевска к Синячихе и попался мне на версте пятой от Алапаевска. Ни криков, ни разговоров, ни песен, ни сто-

---

[109] Тексты телеграмм и сообщение заимствованы нами из книги Соколова «Убийство Царской Семьи».

нов — вообще никакого шума я не слыхал: ехали все тихо-смирно».

Следователь Мальшиков сосредоточил свое внимание на заброшенном железном руднике, находящемся в 12—13 верстах от города. Уже при беглом осмотре шахт было обнаружено, что одна из них, носящая название Нижняя Селимская, сверху покрыта свежей землей. Начали копать. Шахта имела глубину в 28 аршин, а стенки ее были обшиты бревнами. Шахта состояла из двух отделений: машинного, с насосами для откачки воды, и рабочего, через которое доставлялась на поверхность руда. Оба отделения кто-то завалил множеством старых бревен. В ходе раскопок выяснилось, что в шахту бросали ручные гранаты, и в ней нашли осколки и неразорвавшиеся гранаты.

Без особого труда на различной глубине обнаружили в одежде тела Алапаевских Узников. 8 октября 1918 года — тело Ф. С. Ремеза; 9 октября — тела монахини Варвары и юного поэта Князя Палея; 10 октября — тела Князей Константина и Игоря Константиновичей [110] и Вел. Кн. Сергея Михайловича; 11 октября — тела Вел. Княгини Елизаветы Феодоровны и Князя Иоанна Константиновича.

В карманах убитых находились их документы, а на груди Вел. Княгини Елизаветы Феодоровны висела иконка Спасителя, подаренная Ей Государем перед отречением от престола. На обратной стороне иконки виднелась надпись: «Вербная Суббота, 13 апреля 1891 года» [111].

Тела жертв легко опознал и следователь, судья Сергеев произвел тщательный судебно-медицинский осмотр со вскрытием. Судебная комиссия установила, что Узники подверглись жестокому избиению и были брошены живыми в глубокую шахту. Вел. Князь Сергей Михайлович, по всей вероятности, оказал убийцам сопротивление, и его убили выстрелом из нагана в голову.

Один из местных крестьян случайно оказался по-

---

[110] Четвертый сын Вел. Кн. Константина Константиновича, брат погибших, Олег пал смертью храбрых на поле брани в начале Первой мировой войны, смертельно раненный во время кавалерийской атаки.

[111] Убийцы и организаторы преступления, очевидно, были уверены, что братская могила в шахте не будет обнаружена и их преступление никогда не будет открыто.

близости и невольно был свидетелем злодеяния. Когда преступники удалились, он приблизился к заваленной наспех шахте[112]. Следователю этот крестьянин рассказал, как еще долго слышались из-под земли глухие голоса, стоны и церковные песнопения.

Хотя с момента убийства до поднятия тел на поверхность земли прошло три месяца, они не были тронуты тленом. Следствие установило, что Вел. Княгиня Елизавета Феодоровна, несмотря на тяжелые ранения, имела силу воли побороть свою боль и перевязала голову Князя Иоанна Константиновича своим носовым платком[113].

Бренные останки Алапаевских Узников были временно похоронены в местном соборе, затем перевезены в Восточную Сибирь, а оттуда в Пекин, где их предали земле в Свято-Серафимском храме, принадлежавшем Русской Духовной Миссии в Китае. Гроб с телом Вел. Княгини Елизаветы Феодоровны вместе с гробом инокини Варвары перевезли позднее в Иерусалим, где их похоронили в усыпальнице русского монастыря Марии Магдалины в Гефсиманском Саду[114].

Не всем убийцам Алапаевских Узников удалось скрыться и избежать правосудия. Были схвачены так называемый комиссар «юстиции» Соловьев, чекист Старцев и член местного совдепа Абрамов. Соловьев оказался извергом в образе человеческом, и на его душе уже лежало множество других убийств и преступлений, в том числе убийство местного священника отца Удинцева.

Старцев и Абрамов рассказали следователю о чекистской инсценировке увоза Белыми Алапаевских Узников и назвали имя мнимого «бандита», которого они убили около здания, где содержались заключенные. Жертвой чекистов оказался ни в чем не повин-

[112] Этот свидетель появился, когда тела уже были обнаружены.

[113] Тела были тщательно засняты. Впоследствии сделали альбом из больших фотографий — жертв Алапаевского преступления, снятых в гробу. Одна копия альбома находится в библиотеке Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

[114] Пишущий эти строки с женой провел все Пасхальные праздники 1972 года на Святой Земле. После окончания Пасхального богослужения игуменья монастыря, мат. Варвара, устроила для немногочисленных паломников скромные пасхальные разговены в небольшом зале, прилегающем к усыпальнице Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

ный крестьянин Салдинского завода. Его, как «зверя», для приманки заранее арестовали и содержали в тюрьме наготове до дня инсценировки побега заключенных. Соловьев, Абрамов и Старцев показали, что организовать убийство в Алапаевске приезжал из Екатеринбурга зловещий Сафаров, о котором мы уже упоминали.

Убийство Великих Князей в Петрограде произошло по личному распоряжению кровожадного Зиновьева-Апфельбаума. Он даже не посчитался с заступничеством Максима Горького за Вел. Князя Николая Михайловича, известного историка. Известно, что этот «красный буревестник» и корифей русско-советской литературы поначалу заступался перед Лениным даже за своих дореволюционных политических врагов. Тем более он имел причины заступиться за Николая Михайловича, который до революции был популярен среди левых-либеральных кругов, ходил в русских масонах и был после февраля близок Керенскому. Заступничество Горького не помогло [115]. Участь всех членов Дома Романовых была решена в центре.

Великие Князья Павел Александрович, Николай Михайлович, Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович встретились в доме предварительного заключения, что на Шпалерной улице в Петрограде. Оттуда их перевели в Петропавловскую крепость.

Все они были расстреляны как «заложники» за убийство в Германии немецких коммунистов Карла Либкнехта и Розы Гольдман-Люксембург. 27 января 1919 года узников вывели во двор крепости и расстреляли из револьверов без предъявления обвинений и, конечно, без всякого суда.

Таким образом, власть имущие «представители трудового народа бывшей Российской империи» (по Касвинову) расстреляли своих собственных русских людей только за то, что в соседней иноземной и вражеской державе местные власти расстреляли своих собственных граждан-немцев [116].

---

[115] Вскоре Зиновьев был «пожалован Сталинской милостью» и после позорного для него процесса ликвидирован своими же собратьями-чекистами. Нам неизвестно, сыграл ли в его ликвидации какую-то роль Горький.

[116] Пусть над этим хоть немного задумаются русские люди, советские граждане. Тем более что одного из расстрелянных

У нас нет никакого сомнения, что описанные в этой главе чудовищные преступления большевиков, превзошедшие все меры жестокости, были совершены по приказанию из центра — Москвы, и главная ответственность из них лежала на Свердлове — на первом месте, а затем на Ленине, Крестинском и Зиновьеве. Советский режим в те дни еще раз показал свой звериный оскал. Хотя можно ли сравнивать свирепых большевиков, особенно чекистов, с дикими зверями. Это было бы слишком оскорбительным для звериного царства. Дикий зверь убивает только тогда, когда это необходимо для его существования, когда он должен утолить свой голод или находится в опасности. Редкий зверь нападает и убивает без причины. Организаторы и исполнители убийства Царской Семьи и всех остальных членов Дома Романовых с их верными слугами своими злодействами превзошли самых кровожадных зверей. И такие действия советский писака Касвинов и ему подобные подвел под рамки «советского гуманизма». И с его теорией нельзя не согласиться. Только советский «гуманный» режим был способен на подобные деяния.

без причины и суда — Вел. Князи Николая Михайловича, Большая Советская Энциклопедия назвала ученым, серьезным историком, человеком, стоявшим в стороне от придворной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Больше шестидесяти лет прошло с того момента, как известие об убийстве Императора Николая II облетело весь мир и было встречено повсюду с большим моральным равнодушием. Россия находилась в пламени революции и огне антибольшевистской борьбы, на Западе еще не отгремели орудия мировой войны.

«Потерявшая всякий человеческий облик советская власть долго не имела храбрости признаться в деталях Екатеринбургской бойни, наложив запрет молчания на уста непосредственных убийц, но скрыть правды в истории почти невозможно. Большевистская власть достигла лишь того, что содеянное партийными изуверами преступление в глазах всего мира превратилось в акт какого-то дьявольского замысла, задуманного в центре»[117], — писал Мельгунов.

Император Николай II и в темнице остался тем же, чем он был на царском престоле: Иовом многострадальным, стоически переносившим удары судьбы и не перестававшим надеяться на светлое будущее»[118], — вспоминал о. Георгий Шавельский, близко стоявший к Царю в последний период Его царствования. Вот как о. Георгий обрисовал духовный облик последнего русского Царя:

«Чрезвычайные для монарха унижения, каким он подвергался после своего отречения в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге, не вынудили его поступиться ни одним из принципов своей благородной души и не ослабили его любви к своему народу. Простой, деликатный, добрый, отзывчивый, благородный, как человек он не мог не возбуждать самых горячих симпатий»[119].

Говоря о жизни и страданиях Государыни в заточении, протопресвитер Шавельский закончил следующим текстом: «Образ страдалицы Императрицы воскрешает в памяти образы величайших христианских праведников, которые

---

[117] Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951.

[118] Шавельский, о. Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Том II, с. 309—310.

[119] Шавельский, о. Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Том II, с. 309—310.

могли говорить вместе с Апостолом Павлом: «Злословят нас, мы благословляем, гонят нас, мы терпим, хулят нас, мы молим» (I Кор. 4, 12—13). «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Фил. 4, 13)... Образ ее в заточении, в унижении и страданиях будет удивлять своим величием и красотою не только друзей ее, но и врагов»[120].

И теперь, через шестьдесят с лишним лет после содеянного зла, в душе русского народа начинают появляться какие-то искорки раскаяния, чувство ответственности за содеянное зло:

Оттаяла или очнулась? —
Спасибо, любимый.
Как будто на землю вернулась
На запахи дыма.
На запахи речек медвяных
И кедров зеленых.
Тобольских домов деревянных,
На солнце каленых.
Как будто лицо подняла я
За чьей-то улыбкой.
Как будто опять ожила я
Для радости зыбкой...
Но город, глядящийся в реки,
Молчит, осторожен.
Здесь умер слепой Кюхельбекер
И в землю положен.
И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с ребенком...
И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна[121]

В этих стихах ленинградская поэтесса Королева как бы признавала, что кровь Их, Екатеринбургских Узников, лежит на наших дедах, отцах и нас самих! Стихотворение это, несмотря на такое содержание, было напечатано в одном из ленинградских журналов. Уж, видно, кто-то из влиятельных членов редколлегии, несмотря на риск, очень хотел, чтобы оно увидело свет!

Как только было объявлено в Москве о расстреле Государя, А. В. Кривошеин служил в церкви на Спиридоновке в Москве панихиду, на которую собралось огромное количество людей самых разных убеждений. И поныне до

---

[120] Шавельский, о. Георгий. Указ. соч., с. 310.
[121] Журнал «Аврора».

нас доходят сведения, что в день гибели Царской Семьи в разных местах России по Ним служатся панихиды.

Прошло немного более десятилетия со дня Екатеринбургской трагедии, и погибший монарх впервые был назван святым, правда еще не у себя на родине. В 1930 году в Белграде освящали храм св. Александра Невского, заложенный в 1877 году благодарным сербским народом в память русским воинам, живот свой положившим за свободу и независимость Сербии, и Белградская печать ожила воспоминаниями 1914 года: «Царь Николай, благодетель славянства, защитник православных братьев с берегов Дуная, спаситель бесконечных верениц солдат, беженцев и учеников из пропастей Албании, воскрес в эти дни своим святым ликом».

Синод Сербской Православной Церкви не раз поднимал вопрос о причислении погибшего Государя к лику святых наравне с просветителем сербским св. Саввой, царями Стефаном и Симеоном, князем Лазарем. Но вот и в России священник о. Дмитрий Дудко назвал Николая II святым: «Величайший святой Русской Земли, великомученик Николае, со своей многострадальной семьей, молите Бога о нас».

В высокочтимом монастыре сербском св. Наума на Охридском озере в Южной Сербии среди 15 ликов святителей в овалах написан и скорбный лик последнего русского Царя. История создания лика такова: однажды в сумерки художник-иконописец, расписывающий храм, вошел во внутрь. Внизу был уже мрак, и только купол прорезывали последние лучи заходящего солнца. На стенах храма была какая-то чарующая игра светотеней. Все кругом казалось неземным и чудесным. И в этот момент художнику почудилось, что оставленный им чистый овал ожил, и в нем он ясно мог различить скорбный лик русского Царя. Пораженный чудесным видением, долго стоял иконописец в полном оцепенении, охваченный молитвенным порывом... А придя в себя, он начал лихорадочно работать углем, набрасывая контуры чудесного видения [122].

«Многие из нас легко похоронили Императора Николая II, но он в своей душе никогда не хоронил нас и продолжал оставаться нашим Царем. Его пугала судьба России, и Государь скорбел за свой народ. Мужественно, без ропота, с истинным достоинством нес он крест своих личных страданий», — писал Соколов. «Ибо он отдал себя и всех своих на волю Божию... Он пережил, всего лишившись... Первый как последний», — закончил священник о. Дмитрий Дудко.

КОНЕЦ

[122] Вольный пересказ из книги Е. Е. Алферьева «Письма Царской Семьи из заточения». Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, 1974.

В. ПЕТРУШЕВСКИЙ

БЕЛАЯ КОСЫНКА

Я уснул... Позабылась чужбина,
Загорелись биваков костры,
И всплыла из тумана картина
Милосердной солдатской сестры.

Разрывались над полем шрапнели,
Словно коршун парил самолет,
С злобиым присвистом пули летели,
И стучал за рекой пулемет...

За леском промелькнула косынка,
Озираясь кругом на бегу,
И склонилася вдруг, как былинка,
Над пятном, что лежало в снегу.

Он стонал... В голове бродят тени,
Их собралася целая рать...
Неужели одно из видений
Может раны его бинтовать?

Стон затих. На лице ни кровинки,
Но в душе уже ясный рассвет...
И остался на белой косынке
Крови алой запекшийся след.

Погрузили под вечер в вагоны...
Промелькнула Варшава, как сон...
В белоснежных косынках мадонны...
Стук колес... Царскосельский перрон.

Лазарет во дворце... Полон новью,
К жизни он потянулся опять,
Как склонились к его изголовью
Государыня, родины мать!

На судьбу он уж больше не гневен,
Когда столько кругом красоты,
Когда ручки прекрасных царевен
Налагают на раны бинты.

ВЫПИСКИ ИЗ ГАЗЕТ «РЕЧЬ» И «НОВОЕ ВРЕМЯ» ЗА МАЙ—ОКТЯБРЬ 1917 Г.

Один из наглядных примеров, как распространялась клевета против Государыни Александры Феодоровны.

«Новое Время», 7 мая 1917 г., № 14771

«В Чрезвычайной Следственной Комиссии»

6 мая Чрезвычайная Следственная Комиссия выезжала в Петропавловскую крепость для допроса А. А. Вырубовой и бывшего «тайного» товарища мин. внутр. дел ген. Курлова. Передают, что А. А. Вырубова держит себя чрезвычайно вызывающе по отношению к чинам Следственной Комиссии.

6 мая председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии П. К. Муравьева посетили жены арестованных Н. А. Маклакова и ген. Дубенского, возбудившие несколько просьб в связи с задержанием их мужей.

Следственная Комиссия закончила расследование, возбужденное в виду появившихся в газетах известий «о загадочной переписке принцессы Алисы Гессенской с друзьями». По словам печати, обмен телеграммами происходил с мая по ноябрь 1916 г., причем бывшая Императрица обменивалась телеграммами с г. Арнольдом Розенталем, проживающим в каком-то местечке, условно обозначенном наименованием «глухочи». По поводу этого сообщения в срочном порядке было произведено расследование, которое установило, что ни в особом архиве при главном управлении почт и телеграфов, где хранятся так называемые высочайшие телеграммы, ни в архиве военной цензуры, где должны бы находиться подлинники опубликованных телеграмм, при самом тщательном розыске, их не оказалось. Показанием допрошенной на следствии служащей в Петроградской военной цензуре г-жи Гавриловой и других свидетелей установлено, что телеграмма, опубликованная в печати, была придумана г-жой Гавриловой «ради шутки».

«В ПОГОНЕ ЗА СЕНСАЦИЕЙ»

«Речь», 7 мая 1917 г., № 106

В газете «Российская Республика» недели две тому назад в двух номерах под сенсационным заголовком «Загадочная переписка Алисы Гессенской с друзьями» был напечатан текст ряда шифрованных и кем-то расшифрованных телеграмм, которыми будто бы обменивалась в мае — ноябре прошлого года бывшая Государыня Александра Феодоровна с каким-то Арнольдом Розенталем. Текст телеграмм не оставлял никаких сомнений в каком-то скрытом, загадочном их содержании, свидетельствующем чуть ли не о шпионской деятельности бывшей царицы.

Чрезвычайная Следственная Комиссия по расследованию преступной деятельности бывших сановников и министров обратила внимание на эти телеграммы и произвела самое тщательное расследование.

Расследование это привело к совершенно неожиданным результатам. Оказалось, что сенсационные телеграммы были сочинены и переданы хроникеру «Российской Республики» одной бывшей телеграфисткой, пожелавшей подшутить над хроникером.

* * *

«Судебные Вести»

«Новое Время», 22 октября 1917 г.

Чрезвычайная Следственная Комиссия по делам б. министров направила к прекращению дело по обвинению полицейских чинов в стрельбе из пулеметов на улицах Петрограда в первые дни революции.

Расследование установило, что чины наружной полиции не принимали участия в расстреле населения.

ПАРВУС, ЛЕНИН И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Долгое время большевики всячески старались затушевать предательство Ленина в Первую мировую войну и революцию 1917—1918 гг. Уже после смерти Ленина Сталин ликвидировал последних живых участников переговоров с немцами — Фрица Платтена и Ганецкого-Фюрстенберга.

Однако в конце пятидесятых годов были опубликованы наконец секретные документы германского министерства иностранных дел, относящиеся к этому периоду и не уничтоженные случайно немецкими архивариусами. Таким образом, тайна отношений Ленина и большевиков с немцами во время Первой мировой войны и революции была раскрыта.

Секретные документы публиковались во многих изданиях, и, в частности, в «University Press» и «Die Welt». В одном из первых документов говорится о «посреднической» работе русского гражданина Парвуса-Гельфанда между немцами и Лениным. Участник революции 1905 года и член РСДРП Парвус вместе с Троцким создал первый Петроградский Совет. Бежав за границу, он занимался какими-то подозрительными делами и поставками турецкому правительству в Константинополе, а после выступления Турции на стороне Центральных Сил связался с германским посольством.

В январе 1915 года Парвус был принят в Главной Квартире кайзера Вильгельма в Берлине будущим сотрудником графа Мирбаха Гицлером. В результате этой встречи германское министерство иностранных дел получило обширный меморандум, в котором «доктор Гельфанд» предлагал немцам план проведения в России массовых забастовок с целью парализовать железнодорожное движение по направлению к фронтам, как и другие подрывные меры. Парвус подчеркивал, что руководство борьбы с Царским режимом возьмут на себя меньшевистская и большевистская партии. В конце меморандума докладчик просил финансовую поддержку для проведения вышеуказанных мер. Не забыл он указать и центры связи: за границей — Бухарест и Яссы, в России — Одесса и Николаев.

11 марта 1915 года германское имперское казначейство отпустило Парвусу сумму в два миллиона золотых марок, а в июле того же года германский министр иностранных дел Ягов испросил на те же цели еще пять миллионов. Вскоре Парвус покинул Турцию и перебрался в Копенгаген. Его связь с Лениным, Зиновьевым, Бухариным и остальными большевиками была налажена при помощи другого русского гражданина, эстонца Кескула, который также получал от немцев крупные подачки на пропаганду русской революции.

Встал на очередь вопрос о переброске Ленина и его приспешников в Россию. В телеграмме германского посла в Берне Ромберга (апрель 1917 года) говорится о ходатайстве социал-демократа Платтена, явившегося от имени Ленина, Зиновьева и других большевиков просить разрешения германского правительства пропустить их через Германию. Была немедленно удовлетворена не только эта просьба. Немцы выхлопотали для большевиков и транзитные визы через Швецию. Кайзер Вильгельм принимал самое активное участие в этом грязном деле, предложив в случае отказа шведского правительства в транзитных визах перебросить «новых союзников» через линию фронта при помощи Верховного Командования.

В переговорах большевиков с германским послом в Копенгагене Брокдорф-Ранцау самое деятельное участие принимал и Парвус. 21 апреля Главная Квартира Германской армии сообщила, что въезд Ленина в Россию прошел благополучно, а в России большевики работают так, как было желательно немцам. За предательство и измену своей родине — России Парвус был вознагражден немцами: ему «даровали» прусское гражданство!!!

После переброски Ленина в Россию золотой поток немецких марок на русскую революцию не прекращается. Парвус в дальнейшем действует в тесном сотрудничестве с большевиками Радеком, Троцким и Ганецким. В Стокгольме остается большевистская делегация под руководством Радека, Воровского и Ганецкого. Интересна роль этого последнего предателя, ликвидированного за троцкизм Сталиным. Будучи представителем Ленина в Стокгольме, Ганецкий одновременно состоял на службе у Парвуса и был его правой рукой.

Германский министр иностранных дел Кюльман 29 сентября по новому стилю сообщил в Главную Квартиру немецкой армии, кроме остального, и следующее: «Большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть того масштаба влияния, которое имеет сейчас, если бы не наша непрерывная поддержка».

И этот меморандум был составлен за 38 дней до начала большевистской революции.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ВЕЛ. КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Ниже мы воспроизводим письмо генерала Дитерихса, проливающее больше света на события, связанные с убийством Вел. Князя Михаила Александровича. Помещаем эти новые сведения в приложении, т. к. письмо получено было автором, когда уже вся работа находилась в печати.

«Старый Харбин», 22 января, 1922 г.

Глубокоуважаемый Степан Васильевич (Востропнии) *

Г. Алексеев передает историю трагической кончины Вел. Князя со слов красноармейцев Сурина и Бебешева, состоявших во время беседы с Алексеевым в 453-м полку 51-й дивизии. Во время же убийства Великого Князя Сурин был шофером на автомобиле, при помощи которого было совершено провокаторское похищение Великого Князя, а Бебешев — коммунист, служивший в то время в пермской гарнизонной команде, был в роли помощника шофера. По словам этих двух участников преступления, обстоятельства убийства и похищения Великого Князя обрисовываются так: Сурин и Бебешев привезли в закрытом автомобиле к гостинице, где жил Великий Князь, комиссаров Гилева и Дюменко, которые и прошли в гостиницу. Спустя 20—25 минут комиссары вышли обратно, и с ними было трое штатских, из которых один — Великий Князь Михаил Александрович. Все уселись в автомобиль, который направился за город по Сибирскому шоссе. Уже за городом их встретил другой закрытый автомобиль, из которого вышли три вооруженные какие-то личности и, переговорив с комиссаром Дюменко, пересадили в свой автомобиль двух спутников Великого Князя, после чего первый автомобиль с Великим Князем и комиссарами Гилевым и Дюменко продолжил путь по Сибирскому шоссе. Проехав по дороге в сторону Кунгура верст 80, автомобиль остановился. Здесь комиссар Дюменко довольно вежливым тоном попросил Великого Князя выйти из автомобиля, и втроем с Гилевым пошли вперед по дороге, тихо о чем-то разговаривая. Пройдя шагов 30, они остановились. Хотя была ночь,

---

* Фамилия написана в скобках и нечетко.

но силуэты отошедших были хорошо видны. В этот момент раздался громкий окрик Великого Князя: «Мерзавцы», и вслед за тем было видно, как, сбив ударом кулака комиссара Гилева, Великий Князь бросился в лес, окаймлявший дорогу. Однако почти тотчас же комиссар Дюменко выстрелил Ему в спину; раненый Великий Князь упал, а вскочивший Гилев подбежал к нему и в упор выстрелил в лицо, пристрелив Великого Князя. Дюменко подозвал Сурина и Бебешева, при них выстрелил еще раз в голову Великого Князя и затем приказал стащить труп в лес, где он был брошен в неглубокую яму и забросан хвоей. Совершив убийство, комиссары Гилев* и Дюменко вернулись в Пермь, а на следующий день большевики объявили о бегстве Великого Князя при помощи «каких-то белогвардейцев». Рассказ красноармейцев Сурина и Бебешева об обстоятельствах общего характера, сопровождавших провокационное похищение Великого Князя Михаила Александровича из «Королевских номеров» города Перми и убийство его самими похитителями, совпадает с материалами следственного производства, в силу чего является очень ценным вкладом в историю трагической гибели Членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Следствие и розыски по делу убийства советской властью Великого Князи Михаила Александровича в Перми, вследствие кратковременности владения нами этим районом, не были закончены, и тело Августейшего мученика не было найдено...

...В конце 1918 года или в начале 1919 года по советскому радио было объявлено, что после бегства Великого Князя Михаила Александровичв из Перми Он вместе с Джонсоном были приняты где-то в Новгородской губернии за разбойников и убиты местной полицией, после чего уже были опознаны...

...Примите уверения в совершенном почтении и такой же преданности, искренно уважающий Вас

Мих. Дитерихс».

* В письме иногда пишется Гилев, иногда Гилеев.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. *Основные источники*

Дело об убийстве Царской Семьи. Подлинная рукопись. Копия генерала Дитерихса. Находится в надежных руках.

«Предварительиое Следствие, произведенное Судебным Следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым по делу об убийстве...» Подлинная рукопись. Копия Роберта Вилтона. Библиотека Гарвардского университета.

Вилтон Роберт. Последние дни Романовых. «Град Китеж». Берлин, 1923.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых иа Урале. Владивосток, 1922; Буэнос-Айрес, 1979, т. 1—2.

Касвинов М. К. Диадцать три ступеии вниз. М., 1979.

Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. «Звезда», Л., 1972—1973.

Мельгунои С. П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1957.

Мельгунов С. П. Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917.

Мельгунов С. П. Легенда о сепаратиом мире. Парнж, 1957.

Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Париж, 1953.

Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. Буэнос-Айрес, 1978.

Тельберг Георгий и Вилтои Роберт. Последиие днн Романовых. Нью-Йорк, 1920 (на англ. языке).

II. Вспомогательные источники

На русском языке:

Андеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. «Красная Новь», 1928, № 15.

Алданов М. Убийство гр. Мирбаха. «Последние Новости», Париж, 1936, январь.

Алферов Е. Е. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, Нью-Йорк, 1974.

Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962.

Аронсон Г. В эпоху революции. Нью-Йорк, 1966.

Беседовский. На путях к Термидору. Париж, 1930.

Блок А. Последние дни старого режима. «Архив Русской Революции», т. IV.

Блок А. Записные книжки. М., 1965.

Большая Советская Энциклопедия. М., 1956—1974 гг.

Боткин П. С. Что было сделано для спасения Императора Николая II и Царской Семьи. «Сегодня», Рига, 1928, июль.

Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950.

Бурцев В. Л. Борьба с большевиками и немцами. Париж, 1919.

Бурцев В. Л. Истинные убийцы Николая II — Ленин и его товарищи. «Общее Дело», Париж, 1921.

Быков. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.

«Вестник русского христианского движения». Париж, 1977, № 126.

Витте С. Ю., граф. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин, 1922, т. 1—3.

Воейков В. Н. С Царем и без Царя. Гельсингфорс, 1936.

Воробьев. Конец Романовых. «Прожектор», М., 1928, июль.

Гиляровский В. А. Москва газетная. Рассказы и очерки. М., 1960, т. 1.

Голиков В. И. Ленин. Биографическая хроника, М., 1974.

Гурко В. И. Царь и Царица. Париж, 1927.

Гутман (Ган). Екатеринбургская трагедия. «Возрождение», Париж, 1931, ноябрь.

Данилов Ю. Н. Великий Князь Николай Николаевич. Рига.

«Двуглавый орел», Берлин, 1922.

Деникин А. И., ген. Брест-Литовск, Париж, 1933.

Деникин А. И., ген. Мировые события и Русский вопрос. Париж, 1939.

Дионео. Роль Ллойд Джорджа. «Последние Новости», Париж, 1932, 12 июня.

Жильяр П. Император Николай II и Его Семья. Вена, 1921.

Зубов В. П., граф. Страдные годы России (Воспоминания о революции 1917—1925). Мюнхен, 1968.

Иоффе Г. З. Крах Российской монархической контрреволюции. М., 1977.

«Книга о русском еврействе — от 1860-х годов до революции 1917 г. Издание Союза русских евреев. Нью-Йорк, 1960.

Кобылин В. Император Николай II и генерал адъютант М. В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970.

Коковцов В., граф. Воспоминания (Из моего прошлого 1903—1919). Париж, 1933.

Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1966, т. 2.

Курлов П. Г., ген. Гибель Императорской России. Берлин, 1923.

Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Петроград, 1920.

Марков С. Покинутая Царская Семья. Вена, 1926.

Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923. Берлин, 1924.

Мельник Татьяна, рожденная Боткина. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. Белград, 1923.

Милюков П. Н. История русской революции. София, 1921, т. I.

Мосолов А., ген. При дворе Императора. Рига.

Набоков В. Д. Временное правительство. «Архив русской революции», т. 1, с. 35—36.

Нефедов Николай. Железный занавес. Две великие провокации. Нью-Йорк, 1978.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Белград — Мюнхен, 1939, 1949, т. 1—2.

Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927.

Пагануцци Павел. Екатеринбургское злодеяние в свете старых и новых документов 1918—1978. «Перекличка», Нью-Йорк, 1979, № 22.

Пагануцци Павел. Правда об Екатеринбургском злодеянии по старым и новым документам. «Православная Русь», Джорданвилль, Нью-Йорк, № 12—17.

Пав. Паг. (Пагануцци). Повторяем ошибки. «Новое Русское Слово», 1968, август.

Пикуль Валентин. У последней черты. М., «Современник», 1979.

Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II. Берлин, 1922, т. 1—2.

Православные монастыри Российской Империи. Составил Л. И. Денисов. М., 1908.

Пронин В. М. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1929.

Пуришкевич В. Дневник. Рига, 1924.

Романов А. Ф. Николай II и Его Правительство по данным Чрезвычайной Следственной Комиссии. «Русская Летопись». Париж, 1922, кн. 2.

Руднев В. М. Правда о Русской Царской Семье и темных силах. Екатеринодар, 1919.

«Русская Летопись». Париж, 1924, книга 6.

«Русское Возрождение». Париж, 1978, книга 3.

Семенников В. П. Монархия перед крушением, 1914—1917; бумаги Николая II и другие документы. М., 1927.

Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии) по новым документам. М., 1926.

Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1973—1974, т. т. 1—4.

Спиридонович А. И. Великая война и Февральская революция 1914—1917 года. Нью-Йорк, 1960, т. 3.

Струве П. Б. Размышления о русской революции. София, 1931.

Сургучев Илья. Детство Императора Николая II. Париж, 1953.

Танеева А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Берлин, 1923.

Тарсаидзе Александр. Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969.

Троцкий Л. История русской революции. Берлин, 1931.

Убийство Царской Семьи в Екатеринбурге (по данным предварительного следствия). «Русская Летопись». Париж, 1922, книга 7.

Шавельский, о. Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Нью-Йорк, 1954, т. 1—2.

Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925.

Шульгин В. В. Дни. Л., 1926.

Шульгин В. 1920 год. М. — Л., 1926.

Энель. Жертва (Перевод В. Верного). Новый Сад, 1928.

Юсупов Ф. Ф., князь. Конец Распутина. Воспоминания. Париж, 1927.

In English:

Alexandrov, Viktor. The End of the Romanovs. Boston-Toronto, 1966.

Buchanan, Sir George. My Mission to Russia. Boston, 1923.

Buchanan, Meriel. Dissolution of an Empire. London, 1937.

Bulygin, Capt. Paul. The Murder of the Romanovs. New York, 1935.

Buxhoeveden, Baroness Sophie. Left Behind: Fourteen Months in Siberia during the Revolution. London, 1928.

Bykov, P. M. The Last Days of the Last Tsar. «Arkhiv Russkoy Revolutsii». Berlin, 1923, Vol. XII.

Cantacuzene, Princess. Revolutionary Days. New York, 1919.

Chamberlain, William Henry. The Russian Revolution. New York, 1934. Vol. 1—2.

Churchill, Sir Winston Leonard Spencer. The World Crisis, 1911—1916, London, 1921—1923.

Conquest, Robert. The Great Terror. New York, 1968.

Daniels, Robert V. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967.

Dehn, Lili. The Real Tsaritsa. Boston, 1922.

Denikin, Gen. Anton I. The Career of a Tsarist Officer: Memoirs, 1872—1916. Minneapolis, 1975.

Denikin, Gen. Anton I. The Russian Turmoil. London, n. d.

Gilliard, Pierre. Thirteen Years at the Russian Court. London, 1921.

Kerensky, Alexander. Russia and History's s Turning Point. New York, 1965.

«Krasny Arkhiv», 1928. Bobrinsky Diary. Vol. XXYI.

Lehovich, Dimitry V. White Against Red. The Life of General

Anton Denikin. New York, 1973—1974.

Letters of the Tsaritsa to the Tsar, 1914—1916. With an Introduction by Sir Bernard Pares. London, 1923.

Lockhart, R. H. Bruce. British Agent. New York, 1923.

Loukomsky, Gen. A. S. Memoirs of the Russian Revolution, London, 1922.

Ludendorf, Gen. War Memories. Vol. II, p. 413.

Lyons, Marvin. Nicholas II: The Last Tsar. New York, 1974 (album).

Massie, Robert K. Nicholas and Alexandra. New York, 1969.

Melgunov, S. P. Red Terror. London, 1926.

Milyukov, Paul. Russia and its Crises. New York, 1930.

Nekludov, A. Diplomatic Reminiscenses — Before and During the World War: 1911—1917. London, n. d.

Nicholas. II, Emperor of Russia 1868—1918. The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Edited by Edward J. Bing. London, 1937.

Nuli, Gary. The Conspirator who Saved the Romanovs. New Jersey, 1971.

O'Connor, John F. The Sokolov Investigation of the Alleged Murder of the Russian Imperial Family. New York.

Pares, Sir Bernard. A History of Russia. New York, 1947.

Pipes, Richard. The Russian Intelligentsia. New York, 1961.

Rasputin, Maria. My Father. London, 1934.

(The) Red Archives. London, 1929.

The Review of Politics. Hall's Report prepared under the direction of the Historicai Section. London, 1925.

Richards, Guy. Imperial Agent: Goleniewski-Romanov Case. New York, 1966.

Richards, Guy. The Hunt of the Czar. New York, 1970.

Richards, Guy. The Rescue of the Romanovs. Old Greenwich, Conn., 1975.

Rodzianko, M. V. The Reign of Rasputin. London, 1927.

Salisbury, Harrison E. Black Night, White Snow: Russia's Revolution: 1905—1917. New York, 1978.

Snyder, Louis L. Historic Documents of World War I. Toronto — New York — London, 1958.

Summers, Anthony, and Mangold, Tom. The File on the Tsar. New York — London, 1976.

Tarsaidze, Alexander G. Czars and Rresidents — The Story of a Forgotten Friendship. New York, 1958.

Trewin, J. C. The House of Special Purpose. New York, 1975.

Tschebotareff, Gregory. Russia, My Native Land. London, 1964.

Viroubova, Anna. Memories of the Russian Court. New York — London, 1923.

Volkov, A. A. Okolo Tsarskoi Semyi. Paris, 1928.

Williams, John Hanbury. The Emperor Nicholas II as I knew Him. London, 1922.

Wilton, Robert. Russian's Agony. New York, 1919.

Wrangel, Baron P. N. Always with Honor. New York, 1957.

Yusupov, Prince F. F. Lost Splendor. London, 1953.

Yusupov, Prince F. F. Rasputin. New York, 1927.

Zeman, Z. Germany and Revolution in Russia, 1915—1918. London. 1958.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

А

Б

В

Лодка шестивесельная стоит у мола.
И над белым тленом, как от пули падающий,
На оба колена упал Главнокомандующий.
Трижды землю поцеловал, трижды город
перекрестил
Под пули в лодку прыгнул... 17, 22, 62, 69

Г

Д

Е

Ж

З

И

сесть. Вспыхнув, генерал довольно резко попросил Кобылинского удалиться. Когда полчаса позднее его позвали назад, Кобылинский застал Государыню и Корнилова сидящими вместе за маленьким столиком: «Ее Величество плакала, были слезы и на глазах Корнилова. Прощаясь, Царица протянула обе руки генералу».

Узнав, что большинство из членов свиты и другого персонала намеренно покинули Царскую Семью в заточенье, Корнилов, уходя, громко произнес: «Лакеи!»

Вместе с уже больным генералом Алексеевым Корнилов создал на юге России Добровольческую Армию и пал смертью храбрых у Екатеринодара 30 марта 1918 года. Его именем назван полк, потом ударная дивизия, представлявшая самую стойкую воинскую часть на всех фронтах гражданской войны 1917—1920 годов.

Поэт в стане Белых Воинов, Иван Савин посвятил генералу Корнилову несколько стихотворений и среди них следующие строки:

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры и муки
Народ, как раб, на плаху лег!

В протоколах Сибирского следствия есть упоминания о генерале Корнилове. Сам Государь считал вождя Белого Движения русским патриотом. На допросе как свидетельница Эрсберг показала следующее: «Как-то раз принесли большевистскую газету, в которой красные клеймили ген. Корнилова «как предателя и самого заклятого врага большевиков». Прочтя текст, Государь с горечью воскликнул: «Это Корнилов-то предатель!»

(Версия описания ареста Государыни со слов К. Кологривова, переданная Нечволодовым, уж очень натянута и серьезного внимания не заслуживает.) 21, 26, 29, 32

Коровиченко П. — комендант Александровского дворца. Близкий Керенскому человек, пробыл на своем посту недолго. Впоследствии был убит большевиками. 32

Королёва — ленинградская поэтесса. 135

Коцебу П. П. — первый комендант Александровского дворца. 32

Краснов П. Н. — генерал, казачий вождь, видный писатель Русского Зарубежья. 26

Крестинский Н. Н. — большевистский лидер, близкий соратник Ленина и Свердлова. 56, 91, 133

Кривошеин А. В. — известный государственный деятель последнего периода Империи. Уклонился принять должность премьера в Петрограде, но счел своим долгом принять этот пост у генерала Врангеля в Крыму. Во время пребывания Царской Семьи в заточенье, в Сибири, собрал и послал для них крупную сумму денег. Кривошеин положил много на алтарь отечества: два его старших сына, принимая участие в Белом Движении, пали смертью храбрых в борьбе с большевиками. 18, 47, 135

Куприн А. И. — видный писатель Русского Зарубежья. 102

Л

М

Н

О

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Э

Ю

Я

Его Императорское Величество
Государь Император Николай
Александрович в форме л.-гв. Гусарского
Е. В. полка.

Император Александр III.

Е. И. В. Государыня Императрица
Мария Феодоровна.

Император Александр II.

Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская,
будущая Государыня Императрнца
Александра Феодоровна.

Коронация Их Императорских Величеств
в 1896 году, в Кремле.

Государыня Александра Феодоровна
с Августейшими Дочерьми.

В день помолвки.

Групповая семейная фотография,
апрель 1894 год.

Его И. В. Наследник Цесаревич Алексей.
Яхта «Штандарт». Июнь 1907 год.

Царское Село. 1911 год.

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич на Императорской яхте «Штандарт». Шхеры. 1909 г.

Е. И. В. Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

Государь Император в Финляндии.

Царское Село, 1911 г.

Е. И. В. Наследиик Цесаревич Алексей Николаевич, 1910 г.

И. И. В. Великие Княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевиа.

И. И. В. Великие Кияжиы Ольга Николаевиа и Татьяна Николаевна.

Августейший шеф л.-гв. Уланского
Ея Величества полка Е. И. В.
Государыня Императрица Александра
Феодоровна.

Августейший шеф 3-го Гусарского
Елисаветградского полка
Е. И. В. Великая Княжиа Ольга Николаевиа
и Августейший Шеф 8-го Уланского
Вознесенского полка Е. И. В. Великая
Кияжна Татьяна Николаевна.

Августейшие сестры милосердия.

Саиитарный поезд Ея Величества
Государыни Императрицы Марии Феодоровиы.

Великие Кияжны Мария Николаевна
и Анастасия Николаевна в своем лазарете
среди ранеиых.

Посещение Государем Императором лазарета в г. Ровно. Рядом с Его Величеством Августейшая Сестра в форме сестры милосердия Великая Княгиния Ольга Александровна, 1915 г.

25 июня 1917

Спасибо Вам сердечное
за милое письмо,
которому очень обрадовались. Мы тоже
все помним и постоянно о Вас вспоминаем...

[illegible]

Письмо-подделка якобы от одной из Великих Княжон от 25 июня 1917 года.

У Шхерской часовни. Москва.

Государь Император христосуется с чинами Собственного Его Величества Конвоя. Ставка. Могилев. 1915 г.

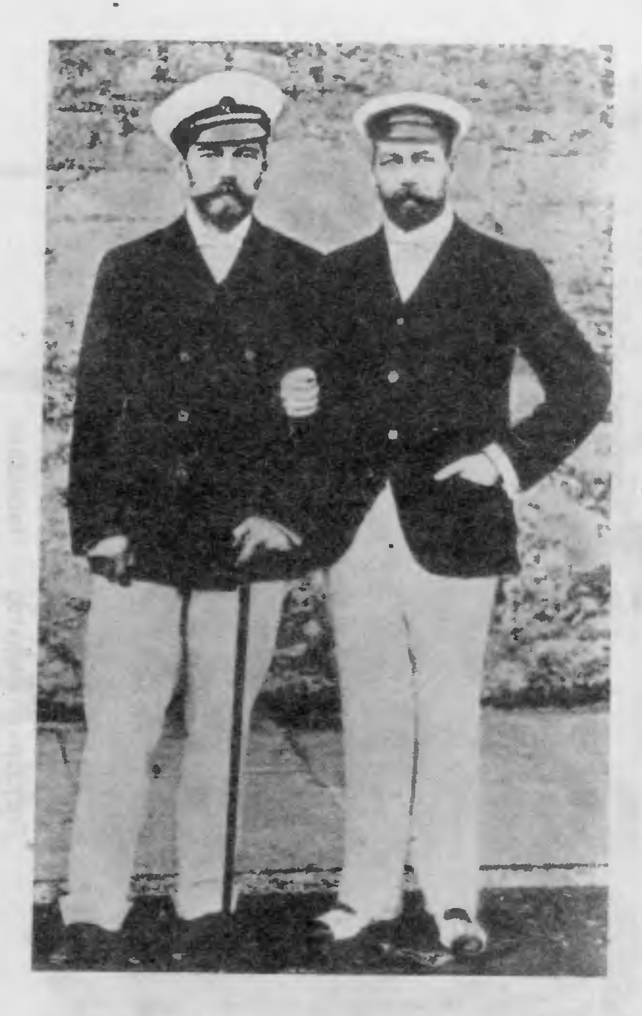
Государь Император и Наследник
Цесаревич иа фронте.

Государь Император христосуется с чинами Собственного Его Величества Конвоя. Ставка. Могилев. 1915 г.

Государь Император и Наследиик
Цесаревич на фронте.

Император Николай II со своим двоюродным братом английским Королем Георгом V

Императорская Фамилия в Петергофе.

Император Николай II и Президент
Французской республики.

Поездка по Российским монастырям.

Государь благословляет войска, отбывающие на фронт.

Прибытие в Киев. 1911 г. Слева от Государя Императора — П. А. Столыпин.

«Штаидарт». Государь принимает рапорт капитана яхты.

Юбилей Собственного Его Величества Коивоя.

Поездка по Святой Руси. Августейшие Паломники в Костроме.

Посещение Киево-Печерской Лавры. 1911 г.

100-летие л.-гвардии Уланского полка Ея Императорского Величества Алексаидры Феодоровны.

Его Императорское Величество осматривает 26 июля на Военном поле в Красном Селе воздушнный корабль И. И. Сикорского «Русский Витязь».

На крейсере. Государь Николай Александрович и капитан крейсера.

Государыня Императрица Александра Феодоровна.

За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадетъ.
Сама не богата, а весь міръ кормитъ? — Соха.
20 Марта 1914. — Алексѣй.

Автограф Наследника Цесаревича Алексея.

Августейшая Семья в заточении. Государь Император за работой в саду. Царское Село Весна 1917 года.

Великая Княжна Татьяна Николаевна убирает листья с одним из охранников. Царское Село.

Царское Село. 1917 г.

Тобольск. Комната Великих Княжон.

Губернаторский дом в г. Тобольске, где находились Царственные Узники.

Екатеринбург. Дом инженера Ипатьева.

Янкель Хаимович Юровский, убийца Государя Императора Николая Александровича и Наследннка Цесаревича Алексея Ннколаевича.

Шая Исаакович Голощекин, один из главных виновников убийства Царской Семьи. (Печатается с разрешения Гаутоиской бнблиотеки Гарвардского университета).

673

Копія.

СПИСОКЪ ОБЛАСТНОГО СОВДЕПА.

(данъ Прапорщикомъ СЕ[illegible]).

1) БѢЛОБОРОДОВЪ

2) ГОЛОЩЕКИНЪ

3) САКОВИЧЪ

4) ВОЙКОВЪ

5) БЫКОВЪ

6) СЫРОМОЛОТОВЪ

7) САФАРОВЪ

8) УКРАИНЦЕВЪ

9) КИСЕЛЕВЪ

10) ВАЙНЕРЪ

11) ХОТИМСКІЙ

12) ВОРОБЬЕВЪ

13) АНДРОНИКОВЪ

14) АНДРЕЕВЪ

15) СИМАШКО

16) АВДЕЕВЪ

17) КАР[illegible]ИНЪ

18) [illegible]ИНСКІЙ

19) ЧУЦКАРЕВЪ

20) ЮРОВСКІЙ

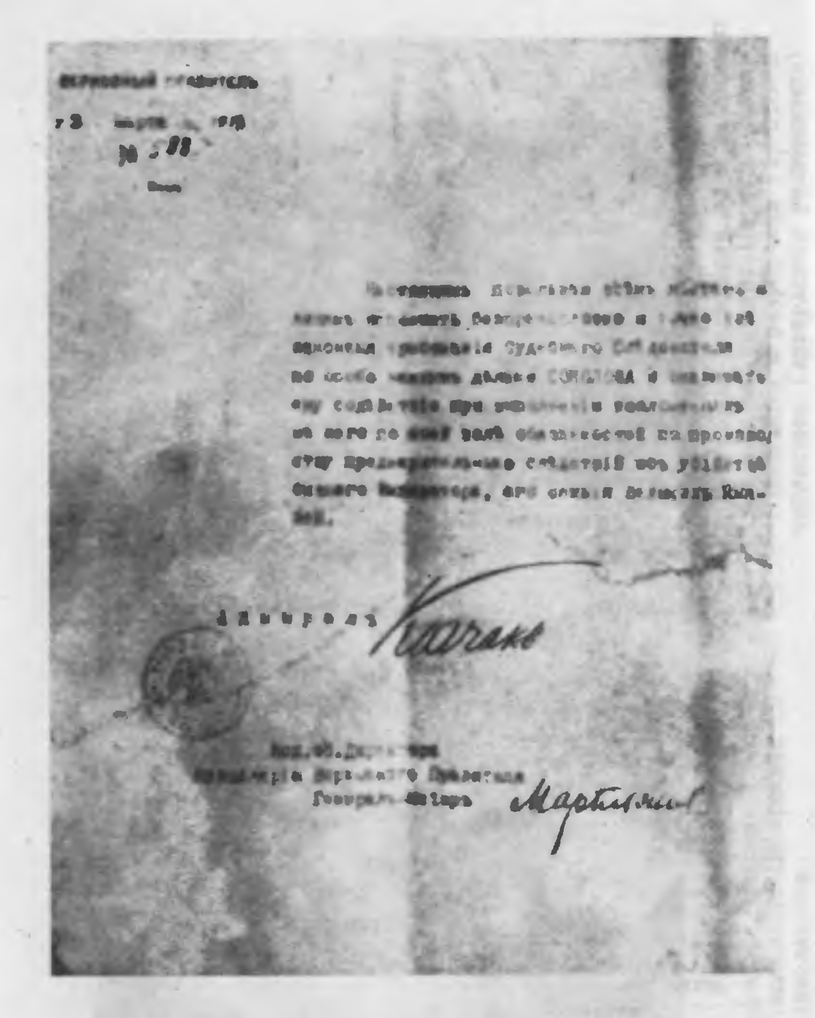
21) ЕФРЕМОВЪ

22) АНУЧИНЪ.

Чрезвычайная семерка.

ЧУЦКАЕВЪ, ГОЛОЩЕКИНЪ, ЮРОВСКІЙ, ЕФРЕМОВЪ

Список членов Екатеринбургского областного совдепа. (Копия ген. Дитерихса.)

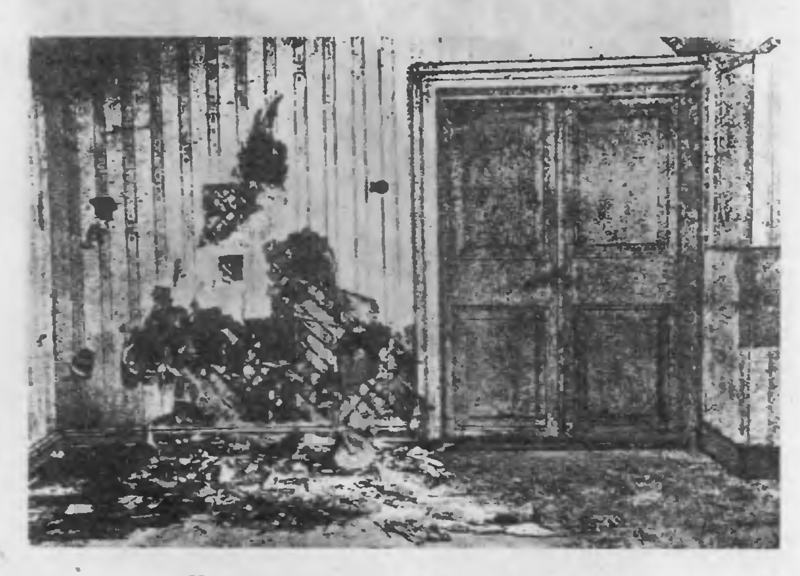
Повеление Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака.

Следователь Н. А. Соколов.

Лестница, по которой Царскую Семью вели на убийство.

Комната, в которой было совершено ритуальное убийство. На стенах, на полу и в двери было обнаружено много пулевых отверстий и следов от штыковых ударов.

Требование комиссара Войкова иа сериую кислоту.

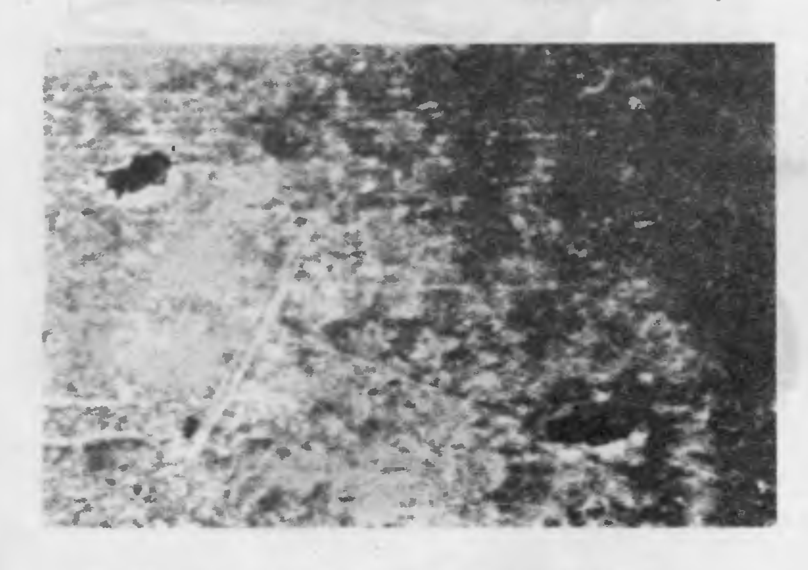
Открытая шахта, возле которой были
уннчтожены Тела Царствеиных Мучеииков
в момент ее осмотра весною 1919 г.

Генерал М. К. Дитерихс.

Дневник Наследника Цесаревича. Найден
у одного из охранников.

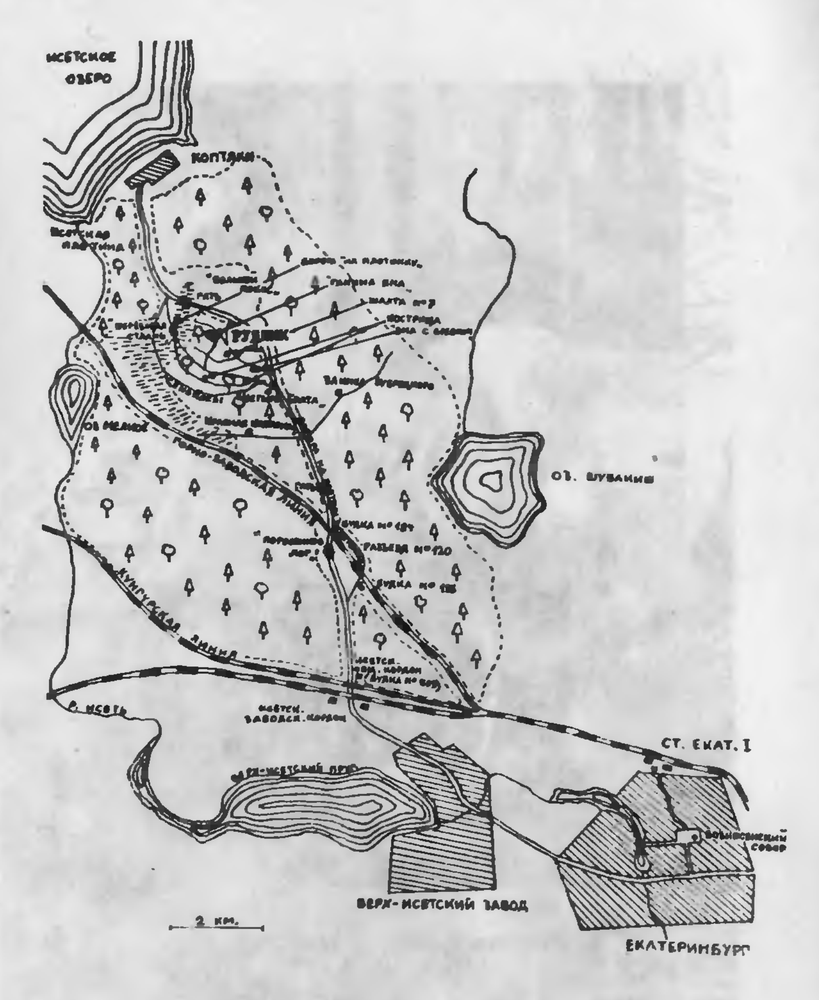

Кусок пола с двумя пулевыми попаданиями
Этими пулями был добит Наследиик
Цесаревич.

Цифры и кабалистическая иадпись, обнаруженные в комнате после убийства.

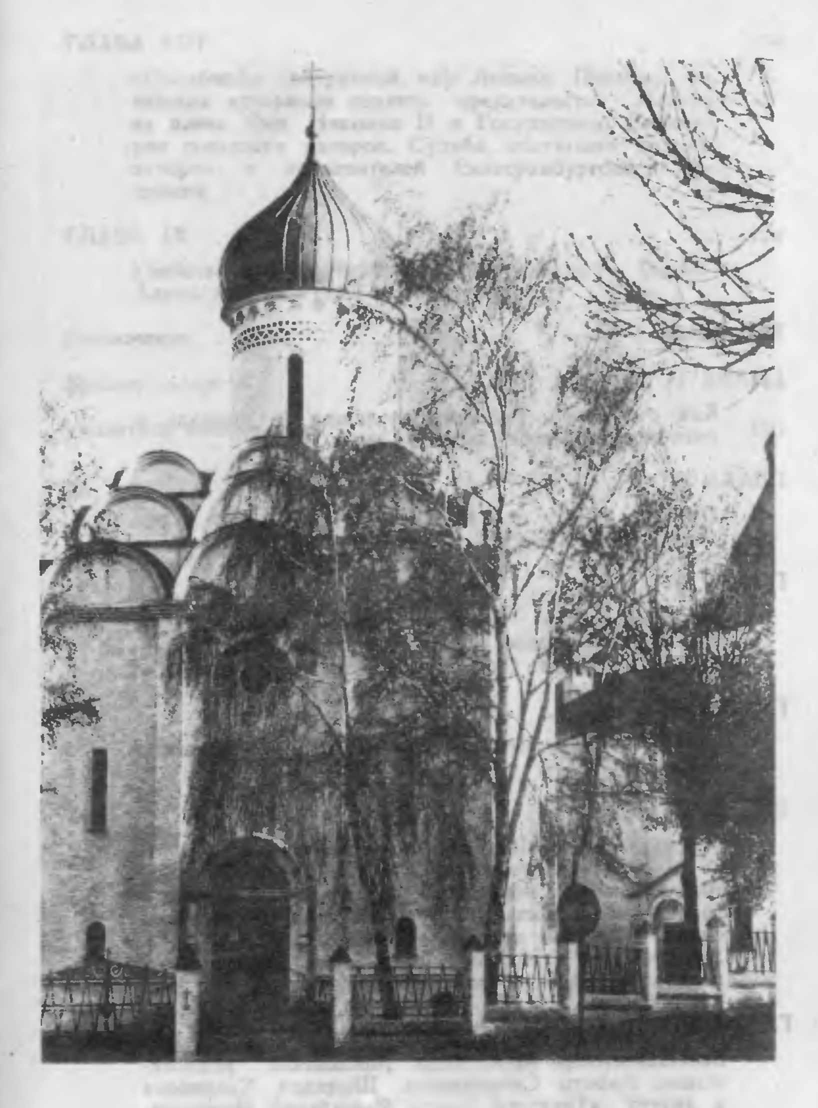
Несколько пуль, извлеченных из стен и пола.

Карта северо-западных окрестностей Екатеринбурга с указаннем местонахождения урочища Четырех Братьев и Ганиной Ямы. 1918 г.

Последняя фотография Государя.
Июнь 1918 г.

Храм в память Царя-Мученика, Царской Семьи и всех Новомучеников Российских в Брюсселе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Павел Николаевич Пагануцци

ПРАВДА ОБ УБИЙСТВЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Редактор Л. Еременко

Художник и художественный редактор П. Ильин

Сдано в набор 15.10.91. Подписано в печать 09.03.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 11,76. Условн. кр.-отт. 12,1В. Тираж 50 000 экз. Зак. 1310.

Типография акционерного общества «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-8402-0024-7

ПРАВДА ОБ УБИЙСТВЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ